ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Детектив к Рождеству

Татьяна Устинова
Анна и Сергей Литвиновы
Анна Полякова
Артур Гедеон
Алекс Винтер
Юрий Усачёв
Елена Бриолле
Виктория Шорикова

Детектив к Рождеству

Анна и Сергей Литвиновы, Артур Гедеон, Татьяна Витальевна Устинова, Алекс Винтер, Елена Бриолле, Юрий Юрьевич Усачёв, Виктория Владиславовна Шорикова, Анна М. Полякова

Аннотация
Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Анна Полякова, Артур Гедеон, Алекс Винтер, Юрий Усачёв, Елена Бриолле, Виктория Шорикова. Детектив к Рождеству
Артур Гедеон
Охота на Санта-Клауса. (страшная рождественская сказка)
Алекс Винтер
Карлсон, который меня не слышит
Анна и Сергей Литвиновы
Рождество-1840
Татьяна Устинова
Ангел пролетел
Елена Бриолле
Подарок к смерти

Юрий Усачев
Снег в черном зеркале
Анна Полякова
Последний Сочельник
Виктория Шорикова
Пончик и трилистник

Аннотация

Рождество — это время исполнения самых заветных желаний! В преддверии семейного праздника, когда каждый из нас надеется на волшебство, сборник «Детектив к Рождеству» предлагает окунуться в мир захватывающих загадок. Искушенные писатели изящно строят сюжеты своих историй и наполняют их атмосферой тайны, приглашая читателей вместе разгадывать запутанные головоломки и разоблачать хитроумных преступников. Это прекрасная возможность насладиться искусством остросюжетного жанра в его лучших проявлениях и обрести веру в то, что чудеса действительно случаются, особенно если их очень ждать!

Мастера пера приглашают вас в удивительное путешествие по страницам остросюжетных рассказов, проникнутых удивительной рождественской атмосферой. Каждый из них — это отдельная история, полномасштабное расследование, где напряжение и интрига не отпустят до последней строки.

Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Анна Полякова, Артур Гедеон, Алекс Винтер, Юрий Усачёв, Елена Бриолле, Виктория Шорикова

Детектив к Рождеству

Серия «Великолепные детективные истории. Новое оформление»

Артур Гедеон

Охота на Санта-Клауса (страшная рождественская сказка)

1

Весь мир знает, что Санта-Клаус живет в Лапландии, в чудесном городке Рованиеми. А если быть еще точнее, то в собственной деревне, что выросла в восьми километрах от этого города. Деревня Йоулупукки оказалась полностью в зоне полярного круга, и по ночам тут можно увидеть на небе фантастические узоры северного сияния. Но самое главное — это знакомство с Сантой. Со всего мира съезжаются туристы посмотреть на бородатого седовласого старика-весельчака в красном тулупе и шапке, с мешком подарков для детишек всех континентов. Санта любит громко и выразительно говорить: «Хо-хо-хо!», водить хороводы и раздавать сласти. И активно советует не уезжать без дорогих сувениров, которые разлетаются из его щедрых рук как горячие пирожки. Тут имеется почтовый офис Санты, куда слетаются письма от детишек всего мира. Сотни тысяч писем в году! У Санты, как правило, детки просят чуда. А еще в деревне Йоулупукки можно

прокатиться на оленьей или собачьей упряжке, походить на лыжах, выпить глинтвейна, глядя на устремленные ввысь заснеженные сосны. Помечтать и даже поверить, что сегодня ты был в сказке.

Но когда рабочий день Санты подходит к концу — а это случается под утро, когда подарки розданы, и все рождественские песни спеты, и туристы разъезжаются по отелям Рованиеми, — большой старый весельчак снимает тулуп и бороду, принимая облик обычного человека, как правило уставшего мужчины средних лет, и едет домой отсыпаться. А его бутафорский наряд надевает сменщик, румянит щеки и делает голосовую гимнастику для связок, чтобы уже с утра пораньше встречать новых гостей зычным и радостным: «Хо-хо-хо!»

И таких вот Санта-Клаусов по миру разбросано превеликое множество, от стран холодных до самых жарких, где пальмы растут вместо елок. Даже в Калифорнии у любого магазина в Рождество и Новый год вы сможете увидеть обливающегося потом Санту, который, тайком утираясь синтетической бородой, звенит своим колокольчиком, приглашая зевак на распродажу сезонной одежды.

Никто не знает, где живет настоящий Санта, что он делает, когда и откуда приходит. Просто иногда детишки находят утром под елкой подарки, вот и гадай, кто их туда положил — любящие родители или Санта-Клаус.

Никто не знает, существовало ли хотя бы подобие настоящего Санты, старого волшебника из северной страны Лапландии. И существует ли по сей день? Но человеку вообще мало что дано знать. Он все больше гадает на кофейной гуще и строит гипотезы.

Между тем Санта-Клаус существовал, существует и будет существовать. Если, конечно, не случится чего-нибудь сверхординарного. Если кто-нибудь наберется наглости и коварства подставить ему такую подножку, что он уже никогда не поднимется в полный рост. А то и того хуже — пойдет небесным прахом…

…Мощный румяный старик двухметрового роста в красном кафтане и шапке с белой бородой стоял на пороге ледяного дворца с сотнями башен и башенок и смотрел в звездное небо. Это было не то небо, в которое смотрят тысячи лет ошалелые влюбленные и которое пристально изучают в телескопы астрономы, пытаясь сбежать от земных забот, не то небо, по которому летают

самолеты и прочие воздушные суда, включая аэростаты всех модификаций и калибров, и через которое устремляются вверх ракеты, чтобы достичь безвоздушного пространства. Над Сантой открывалось звездное небо Хельрунии, где все было очень похоже на земное и все было не так. И космические ветры дули по-своему, переговариваясь друг с другом, и звезды иначе подмигивали, чересчур хитро и живо, и пролетали на бешеной скорости воздушные трамвайчики, преодолевая просторы вселенной. А еще Санта видел это небо как соты, что открывались ему тысячами направлений, коридоров, небесных порталов, через которые он мог лететь по разным направлениям и адресам, где его ждали. Только он видел эти пути — и никто больше, даже его внучка Снегурочка!

Глядя на ночной небосвод, Санта усмехнулся: на фоне яркой и большой луны, какая светила в ночном небе Хельрунии, пронеслась загадочная гусеница. И теперь она приближалась сюда. О да, это они, видать, нагулялись! По небу в сторону земли летела восьмерка оленей, запряженная в огромные рождественские сани, и рогатые животные, бойко перебирая копытами по воздуху, призывно трубили, увидев издалека своего боро-

датого хозяина.

А за спиной румяного старика и за открытыми настежь дверями работали производственные цеха: там трудились сейчас тысячи гномов, эльфов и прочих смешных человечков, создавая подарки для детворы всего мира.

Но вот оленья упряжка сделала почетный круг над дворцом, затем пошла на снижение и скоро, бойко звеня колокольцами, приземлилась на заснеженной площадке перед дворцом-фабрикой. На месте возницы сидела очаровательная девушка в синем приталенном кафтанчике, в синей шапочке с золотыми звездами, с выбившейся золотой прядью волос, густо упавшей на лицо.

Она отпустила поводья, сняла варежку, откинула прядь и помахала старику рукой:

— Привет, дедуля!

— Привет, Снегурка, ну как они, не выдохлись?

Внучка бойко выскочила из саней и прошлась вдоль упряжки.

— Брюнгильда, как всегда, на высоте, Союз и Аполлон тоже хороши, — хлопая по шеям оленей, говорила она. — Акрон молодцом, Граф Цеппелин тоже держится, а вот Гинденбург немного обленился: стареет, наверное.

Самый крупный и мохнатый олень недоволь-

но захрипел и устрашающе замотал рогатой головой.

— А ты не хрипи, Гинденбург, не хрипи, — сказала Снегурка, — говорю как есть. Или я деду должна сказать, что ты все тот же крутой бодряк, как и раньше? — Она оставила оленей и направилась к дедушке. — Да ничего, старик, эта упряжка еще нам послужит. Пусть молодые подрастают и учатся. — Внучка понизила тон. — Ты лучше вот что скажи: это правда, что говорят?

— А что говорят, внучка?

— Напели, что кто-то хочет тебе навредить. Это правда?

Возмущенно сдвинулись седые брови Санты к переносице.

— Да кто ж посмеет? Кто решится? Кому ума хватит?

— Не знаю, — пожала она плечами. — А хотелось бы.

Санта-Клаус тяжело вздохнул:

— Твоя правда — ходят такие слухи. Но кишка тонка у кого-то сразиться со мной. Да просто подойти близко. Такого смельчака прихлопнут очень быстро. Он и моргнуть не успеет.

— И все-таки узнать надо, — заметила Снегурка, — времени до Рождества осталось всего

ничего — считаные дни. Надо быть во всеоружии, дедушка.

— Надо. Одно скажу: в этот раз ты со мной не полетишь.

— Еще как полечу.

— Даже не думай — не пущу.

— Куда же ты без любимой внучки? А кто улыбкой детские сердца согреет?

— Сам.

— Своим «хо-хо-хо»? От него даже кошки разбегаются. А иные детки — в слезы.

— Не спорь. Останешься дома. Я с собой Лионеля возьму.

Снегурочка погрозила пальцем:

— Это мы еще посмотрим, дорогой дедушка Санта. А Лионеля мы можем и так взять: он веселый, с ним не соскучишься.

2

Лифт полз из недр земли медленно, с толчками и рывками, мучительно подвывая и постанывая. Через решетку можно было хорошо разглядеть каменную лестницу, которая спиралью шла наверх. Перил не было, глаз радовали только возникающие время от времени редкие площадки, островки с нехитрой мебелью.

Несколько раз лифт так сильно и натужно взвывал, что двум пассажирам, которых он вез, явно становилось не по себе.

— Ты уверен, что он доедет? — спросил первый, с кислой физиономией и колючим взглядом. — Не рухнет вниз?

— Посмотрим, — сказал второй пассажир. — Ах, братец, как мы жили! Как короли! Хорошо было управлять целым научным институтом, а не дышать гарью и пеплом в аду да паленой кожей. Мы с тобой — демоны культурные.

— Это да, — мрачно согласился его спутник. — Мы — культура. Оплот цивилизации.

— Интеллектуальная элита, что касается нашего ущемленного небесами сословия! Недаром же в универе на химическом учились?

В лифте ехали близнецы Злыдень и Болтун: бледные, черняво-кучерявые, пучеглазые, с острыми подбородками, на которых словно резцом высекли ямочки. Первый был худ и похож на язвенника, второй, напротив, в меру упитан и даже вальяжен. Одеты они были в обноски.

Болтун ностальгически продолжал:

— Профессорам лапшу вешали, что, мол, ничего не знаем, вчера только из колыбельки. Знали бы они, когда мы из этой колыбельки-то вылезли!

Где и при каких обстоятельствах. А как девок опаивали зельями, студенточек наших, а, Злыдень? И зубы им заговаривали? Опоили, заговорили — и в койку. Эх, было время!

Пока они были заняты разговором, скрипя, постанывая и вздыхая, лифт дополз до последней площадки, встал — и двери разъехались в стороны. Близнецы осторожно вышли, осмотрелись. Лампочка в плафоне под потолком потрескивала и светила тускло и неравномерно.

— Добрались? — усмехнулся Злыдень.

На площадке было темно и неприветливо. Диван, обитый кожзаменителем, тумбочка, стул. Гробовидный платяной шкаф. Мутное зеркало на стене. Злыдень полез в карман и вытащил оттуда связку ключей.

— Ну дверь только одна, — кивнул он.

— Переодеться надо, — подхватил Болтун. — Не забыл?

Близнецы распахнули двери шкафа и зарылись в его нехитрое содержимое. Минут через пятнадцать оба приоделись. Болтун стоял в сильно поношенном ретросмокинге, какие носили светские львы или дирижеры, а Злыдень — в хиповской надорванной джинсе. В руках они брезгливо держали по телогрейке.

— Ключей у тебя много, меня это настораживает, — заметил Болтун.

— На нужном должна быть фенечка, — молвил Злыдень. — Вот она. Да тут еще на двух — красная, синяя и желтая… С какого начнем?

— Тебе дали ключи — пробуй, братец.

Злыдень вставил ключ в замочную скважину — чуть выждав, провернул его три раза и потянул дверь на себя. Дикий ор тысяч голосов, как на футбольном поле во время хорошей атаки, волной обрушился на них, а за ним и вой медных труб. Близнецы даже отступили. Перед ними открывались коридор и выход на арену древнего цирка, где сейчас расхаживали львы и несколько гладиаторов стояли тесно спиной друг к другу, ощетинившись короткими копьями и мечами, закрываясь щитами от зверей. Несколько убитых воинов и животных уже лежали в опилках, истекая кровью.

— Ух ты! — воскликнул Болтун. — Посмотрим?

— С ума сошел? — оборвал его Злыдень.

И тут перед ними возник огромный как гора лысый стражник в короткой тунике с мечом в ножнах у пояса. Он уставился на двух чудаков и проревел:

— Кто такие? Бродяги? — Он потянулся огром-

ной клешней к Болтуну. — На арену их, к Спартаку!

Злыдень быстро захлопнул дверь:

— Не вышло.

— Спартак и без нас разберется.

— Не сомневаюсь.

— А ведь этот урод прав: мы бродяги, — печально вздохнул Болтун. — Как можно было не спросить, какого цвета фенечка, а?

— Ладно, Болтун, вторая попытка, — констатировал Злыдень, вставил другой ключ, провернул его и открыл дверь.

Они стояли перед каменным мешком, по которому катился тяжелый низкий рык. Несколько высоких арочных проемов шли по кругу. На стенах горели факелы. До тошноты пахло непреходящей сыростью и гниющей плотью. На каменном полу валялись кости и раздавленные человеческие черепа. А потом оба увидели хозяина этого колодца: к ним из темного проема в стене настороженно выступил монстр.

— Кто заказывал Минотавра? — тихонько спросил Болтун.

— Хочу жрать! — прорычало чудовище с телом человека и тяжелой рогатой головой быка, с налитыми кровью глазами. — Жрать! Жрать!

Жрать!

— Нет, тебя нам точно не надо, — пробормотал Злыдень и тотчас вновь захлопнул дверь. — Как-то не выходит.

Болтун уже мелко посмеивался, его плечи тряслись.

— Чего ты ржешь?

— Давай, умелец, дерзай дальше, — покачал головой Болтун. — Ключик с фенечкой!

— Ладно, третий пошел, — зло молвил выходящий из себя Злыдень, управляясь и с этим ключом.

Он распахнул дверь, и тут чудесный освежающий эфир объял их. Ночной, зимний, морозный. И городской пейзаж в снегу был радостным и привычным — площадь с бронзовым истуканом, пятиэтажки, автомобили в снежных шапках на капотах.

— Ну вот и он, ласковый русский Север, — вдохнув полной грудью, пробормотал Болтун. — Выходим. Только бы узнать: тот ли это самый городок?

— Да тот, тот, нам же сказали, будет площадь и памятник. Улица Северная, проще не придумаешь, дом 44, магазин «Охотник-рыболов».

— И ни одного мотора, — заметил Болтун.

— Город покойников. Двинули пешком.

Выходя с площади, они увидели на лавке у стены, под тепловой трубой спящего бомжа в «капустной одежде» — на нем было с десяток свитеров и курток. На трубе спали две кошки. Под лавкой и вокруг нее снег растаял, проступил асфальт. Теплой сыростью и старой одежонкой веяло от этого пятачка.

— Оазис, — кивнул Болтун на сопящего в полусне бездомного. — Где улица Северная, товарищ абориген? — Кошки нехотя приоткрыли глаза, но веки их тотчас начали сонно слипаться. — Вы меня слышите?

— Не ори в ухо, — пробормотал бомж.

— Где ваша улица Северная?

— Тама, — не открывая глаз, отмахнул рукой в мохнатых варежках.

— Тама — это где?

Бомж разлепил глаза и приподнялся на локте. Элегантный вид вальяжного человека в смокинге и телогрейке насторожил его. Бомж снял рукавицы, вытащил из кармана одного из пиджаков плоский пузырек, свинтил крышку, сделал пару глотков и присмотрелся к парочке внимательнее. Хипарь в телогрейке вопросов не вызывал, но тот, второй…

— Вроде не призраки? Васька, Люська, — окликнул он кошек, — артисты, что ли, к нам приехали?

— Тама — это где? — повторил вопрос Болтун.

— Тама — это там, — вновь, но уже куда увереннее и точнее показал бомж. — Так что, артисты?

— Да, оперу будем давать.

— А ночью бухло ищете? Угадал? Артисты — и без бухла? — В его тоне зазвучал убийственный сарказм. — Что же это вы за артисты такие? Или все свое уже в поезде выжрали, угадал? Даже пальтишки прогуляли, в телогрейки оделись. — Он говорил больше не с ними, а по привычке с самим собой. — К нам приличных не занесет. Хрен вам, артисты, а не бухло. После одиннадцати — никак. Но я место знаю. Тут за углом бабка Груня самогоном торгует. Первачком. Показать?

— Не стоит, — ответил Злыдень. — Обойдемся.

И близнецы двинулись в указанном направлении.

— А что ставить-то будете? «Кармен»? — с наглым ударением на мягкую «е» вслед весело крикнул бродяга, оказавшийся достаточно грамотным.

— «Гибель Трои» — ваш городок сжигать будем, — уже уходя, откликнулся Болтун.

— Да и сожгите его на хрен, — махнул рукой бомж и сделал еще глоток, — не жалко. — Он спрятал в своей капустной одежде пузырь и улегся спать дальше.

Через полчаса братья-близнецы, изрядно подмерзнув, были на окраине городка — вот и Северная, 44, вот и вывеска «Охотник-рыболов».

— Я не понял, он что, днюет и ночует на работе? — спросил Болтун. — Сгорает, набивая дробью патроны?

— Это его частный дом и его магазин, — ответил Злыдень. — Вроде так. — Он подошел к темным дверям вплотную и нажал на кнопку звонка.

Он давил на нее и давил, пока за дверями не послышались шаги и грубое ворчание вперемешку с матом. Внутренняя дверь открылась.

— Если это не извещение, что мне досталось наследство, перестреляю всех.

Щелкнул замок на внешних дверях. Им открыл дверь мужичок в обвислой матросской тельняшке, трусах и шлепанцах, жилистый, загорелый, короткостриженный, с выцветшими белыми глазами и желваками, так и гуляющими по лицу.

— Вы еще кто такие? — морщась спросонья и ежась, спросил он. — Что за клоуны? — И вдруг изменился в лице, но очень странно, будто ему

опалило кожу. — Е-мое!

Злыдень взглянул на брата.

— Узнал, кажись. Приглашай в дом, Хмырь.

— Заходь, нечистая, — мотнул он головой. Когда те зашли, оглядел ночную улицу, запер за ними дверь и обернулся к гостям. — Стало быть, выбрались? Добрались? Золотой фонд адской земли? Богатыри подземелья? Вот это встреча!..

3

В зимнем саду Антона Антоновича в этот полдень было совсем тихо. А когда нет ветра, то и легкий морозец почти незаметен. Солнышко светило ярко над голыми ветвями уснувших до весны яблонь. Выдаются же такие декабрьские деньки! Поэтому и решили они посидеть, по обыкновению, здесь, за круглым столом, похлебать горячего чайку под наливочку и закуску. Ну а если озябнут, то можно и в дом перебраться.

Долгополов, в своей телогрейке и валенках, в шапке-ушанке, потянулся за абрикосовой наливкой.

— А что вы думаете, Крымов, существует Санта-Клаус? Добрый старик с белой бородой? Щедрый волшебник? Любимец всех детишек?

Андрей пожал плечами.

— Если существуют армия ангелов и легион бесов, — стал рассуждать он, — Небесная канцелярия и адская терра инкогнито, если существует прекрасный Ангел, красавица с разными именами, истребительница нечисти, с которой я познакомился лично, и пожирательница сердец, искусительница и злодейка, ее величество Лилит, которую я тоже знавал, почему бы не существовать и Санта-Клаусу?

Дым от сигареты в его пальцах вился над столом.

— Попали в точку, — разливая наливку, кивнул Долгополов. — В самую точку! Все так и есть!

Крымов сбил пепел в широкую оловянную пепельницу, стоявшую перед ним.

— И кто он по рангу в системе богов? Наш добрый старик с белой бородой? Любимец детишек?

— Что-то вроде полковника, — тоже пожал плечами Антон Антонович. — Выпьем?

— Выпьем, — кивнул детектив.

Они опрокинули граненые стопки и поставили их на стол.

— Так вот, до меня дошли слухи, что за ним, нашим добрым Сантой, решили устроить охоту.

— Кто и каким образом?

— Вы когда-нибудь были на охоте, стреляли по

гусям или уткам, например?

— Было дело. По уткам.

— Ну вот, только тут вместо уток по небу летит в своих санях ничего не подозревающий Санта, у него в упряжке восемь оленей, как и положено, и тут с земли начинают палить адским огнем.

— Каким огнем, — поморщился Крымов, — адским?

— Представьте себе. У греков был греческий огонь, которого боялись все вражеские флотилии, потому что сгорали дотла, а у демонов — адский огонь.

— И кто же палит? Кому хватит наглости? Кто охотники?

— Демоны, конечно. Свободные гуляки, выбравшиеся из своих темных щелей и еще не понюхавшие как следует небесного пороха. Или напротив — все понюхавшие, испытавшие на себе гнев Господень, но сумевшие сбежать! Изувеченные, обожженные, в шрамах. Мечтающие отомстить. Таких тоже немало.

— Почему Господь лично не займется этим вопросом?

— В смысле, не пальнет в них молнией? Прицельно?

— Можно сказать и так.

— Опять нелепые вопросы, да? Для этого у Него есть мы, Андрей Петрович. Все битвы идут в сердце человека, — Долгополов хлопнул себя по груди, — которого тысячи лет искушают злые силы, и проходят эти битвы здесь, на земле. Пуховик не забудьте, в Лапландии сейчас холодно.

— А мы едем в Лапландию?

— Мы летим в Финляндию, а потом в Лапландию.

— Но где же там живет Санта?

— Вы же не думаете, Андрей Петрович, что у Санты есть реальный дом на земле? Тогда бы к нему очередь выстроилась в миллиард человек. Или в два. И все бы чего-нибудь да просили. Санта принадлежит миру магии, то есть тому самому, куда нам иногда приходится захаживать. А вот появляется он всегда в самых разных местах: у него много и дверей, и ключей.

— Хорошо, а что мы тогда забыли в Финляндии?

— Нам предстоит побеседовать с одним профессором.

— И кто он?

— О-о! Сами увидите. Когда-то был опасный и чертовски хитрый тип. Позже раскаялся и поклялся вести себя скромно. Ну чтобы не угодить

в ад. Ему поверили и дали второй шанс. Его зовут Локи.

Крымов даже поморщился:

— Тот самый Локи?

— Тот самый. Он, как и наша красотка Лилит, живет очень давно, также записан в демоны и время от времени принимает разные обличья. Но пока он никого не трогает, претензии к нему небольшие. А студенты его обожают, кстати.

— Студенты? У Локи есть студенты?

— О да, он же профессор Хельсинкского университета.

— И что преподает Локи?

— А как вы думаете?

— Психологию?

— Как вы угадали? — удивился Долгополов.

— Элементарно, Антон Антонович. Дедукция.

— Впрочем, догадаться нетрудно. Локи — самый великий обманщик Европы, а может быть и мира. Как ему удалось не погибнуть, что нужно было рассказать небесам, чтобы его оставили в покое, понятия не имею. Как я уже сказал: летим завтра. А пока что по рюмочке, Андрей Петрович. За удачу!

В семь утра они были в аэропорту Царева, через час вошли на борт и в десять утра приземлились

в аэропорту Хельсинки-Вантаа. По дороге ничего примечательного не случилось — и Антон Антонович, и Андрей Крымов с перерывами спали. Еще успеют наговориться и наспориться, если будет причина.

Финская погода сразу дала о себе знать — холодные ветра дули что есть силы.

— Привет от Ледовитого океана, — поежился Антон Антонович, когда они сошли с трапа. — Чухонцы привычные, тысячами лет ледяной ветер глотали, а вот моему сердцу Италия ближе.

— Потерпим, — щурясь на ветру, откликнулся Крымов. — Может, позавтракаем, да чем-нибудь национальным? Для колорита?

— Давайте. Вижу, вам тоже не хочется зябнуть.

В ресторане аэропорта не спеша ели рагу по-карельски из трех сортов мяса: говядины, свинины и баранины, поглядывая в окно, где забористо вьюжило.

— Это вам не благословенная зима в моем саду, — заметил Долгополов.

— Да уж. Может, по вискарику?

— Идет.

Вискарик оживил двух туристов. Затем прикончили по народному финскому пирожку — калитке с картошкой и сметаной. И только

потом выпили кофе. Настроение стало лучше.

В аэропорту сели на маршрутку и покатили в саму столицу — девятнадцать километров по роскошной трассе мимо сосен и берез.

В автобусе Антон Антонович наконец-то заговорил:

— Как вы понимаете, он очень хитер, этот профессор Локи. Правда, зовут его Лари Маркус Асгардсон.

— Сын Асгарда?

— Представьте себе.

— Не чересчур эпатажно?

— Возможно, но обитал он именно там, в Асгарде, так что тут Локи не слукавил.

— Но откуда вам вообще известно, что профессор Лари Маркус Асгардсон — это и есть Локи?

— Опять нервируете меня, Андрей Петрович?

— Просто спрашиваю.

— За такими, как Локи, следят. Да-с. С утра до вечера и с ночи до утра. Например, мне известно, что профессор Асгардсон закрутил роман с молодой студенткой, какой-то там Лоттой-Мимозой Каарханен, которая ему в дочери годится.

— В дочери — вы уверены? — лукаво усмехнулся Крымов.

— Я понял вашу шутку — смешно, — кивнул

Долгополов. — Я говорю о внешнем виде. Охмурил и влюбил в себя, хотя обещал не пользоваться своими сверхспособностями. А тут просто взял и поймал в сети. Видел я фотку — милаха. Так что знайте: следим! Но нынешний Локи предельно корректен и осторожен. Не нарывается.

— И все же нам что-то от него надо?

— Да, узнать, не пытался ли кто-нибудь выудить у него информацию о Санта-Клаусе.

— А каким они боком вместе — ну Санта и Локи?

— Видите ли, в христианской традиции, как вы знаете, Санту отождествляют со святым Николаем, так и переводится: Санта-Клаус — святой Николай. Но понятно, что пришел он из времен очень отдаленных, языческих. И если считается, что женушка его — старушка Зима, то сам он бог Мороза, а морозы — давние гости на нашей планете. Одним словом, Локи и Санта знакомы давно и хорошо. Только один приходил к людям с лукавством и обманами, а другой с подарками.

— Антагонисты?

— Именно так.

Они вышли из автобуса в центре Хельсинки на его святая святых — Сенатской площади. И тут изрядно вьюжило, но помпезные здания разби-

вали ветра. Роскошный собор Святого Николая на возвышении буквально плыл надо всей столицей, а перед ним на постаменте в окружении скульптурной группы смотрел вдаль российский император Александр Второй. Площадь была окружена величественными зданиями, по периметру стояли туристические автобусы, по продуваемому насквозь зимним морским ветром пространству ходили стайками подмерзающие интуристы.

— Были тут? — спросил Долгополов.

— Лет двадцать назад, и все бегом.

— Вон то здание слева и есть универ, где трудится наш клиент, — кивнул Долгополов. — В полдень во время перемены профессор Лари Асгардсон любит прогуляться по площади. Летом он приходит с мороженым, зимой со стаканом горячего кофе. О! А вон и наш клиент, — кивнул Антон Антонович в сторону университета.

— Вон тот пижон в светлом пальто и бежевой шапке-ушанке? В темных очках?

— Он самый. Бьюсь об заклад — он первым подойдет к нам. О, что-то почуял! О! Сморит на нас! Раздумывает. Понимает, что дело серьезное и мы его просто так не отпустим. Идет к нам!

4

Злыдень и Болтун ежились от холода в прихожей и подмерзшими руками расстегивали телогрейки.

— А вам идет, — усмехнулся Хмырь. — Как будто вчера с зоны ноги сделали. Сколько трудодней не доработали, близнецы?

— Шутничок, — обронил Болтун.

— За чаем поговорим, проголодались мы. — Злыдень окинул взглядом захудалого мужичонку. — Хорошо замаскировался под ихнего обывателя, Хмырь.

— Стараюсь. Я же спящий агент. А вы разбудили.

— Дело больно важное, сам знаешь, — напомнил Злыдень. — Что есть в печи — на стол мечи. И выпить тоже не откажемся. Подмерзли, пока шли.

— Ой, не откажемся, Хмырь, — вздохнул Болтун. — Но для начала: где у тебя руки помыть? Ненавижу антисанитарию. А в аду куда ни ступишь — вляпаешься…

Пока два путешественника приводили себя в порядок, хозяин выставил на стол закуску: вареную картошку, селедку с луком, половинку

черного хлеба; поставил два пузыря водки, один был уже початый. Нашлись помидоры и огурцы, квашеная капуста.

— Живем, — потер руки Злыдень, глаза которого уже жадно блестели.

Гости сели за стол.

— А ты чего, Болтун, во фрак-то вырядился? — разливая водку по стопарям, спросил хозяин дома.

— Это не фрак, а смокинг.

— Да один хрен.

— Что было в том шкафчике, на последнем этаже, то и надел. Злыдень, вишь, под рок-музыканта косит.

— Да красавцы вы оба, спору нет. Так что, стало быть, одобрили нам приключение?

Болтун неожиданно оптимистично рассмеялся:

— Да! Да, черт побери!

— Круто, братва, теперь загуляем, — кивнул Хмырь. — Ну что, ухнем?

— Ухнем, — мрачно и зло подхватил Злыдень.

— За приключение! — подхватил Болтун.

Они подняли стопари, громко чокнулись и выпили. Гости стали жадно и с аппетитом есть. За первой быстро улетела вторая, третья, пятая…

— Человечки хоть и сволочь порядочная, но, вишь, водяру придумали, — заметил Хмырь. — За что им наше большое мерси.

— Нам сказали, что ты не один будешь, — глядя на хозяина, молвил Злыдень. — Это так? Что, пару нашел?

— Ну раз сказали, стало быть, так. — Он расплылся в улыбке. — Невеста моя будет. Только я ей пока еще об этом не сказал. Сюрприз хочу сделать.

— Невеста? — поморщился Злыдень.

— Ну пассия, скажем так. Сейчас поедим — и позвоню ей. У нее утром пересменка. Она на станции переливания крови работает, лаборанткой, — чавкая капустным соком, объяснил Хмырь.

— Вампиршу себе нашел? — усмехнулся Злыдень.

— Ну не белошвейку же. Ведьмочку. Хорошо устроилась девчура. И бегать за людишками по ночам не надо. Харч всегда рядом — открой холодильник и наслаждайся. Хоть первая группа, а хоть редкая четвертая, резус отрицательный. Это как икра лососевая по ценности, ну буквально. Она вам понравится.

— Кровь или икра лососевая? — спросил Злы-

день.

— Анютка моя. Скажу, она и для вас деликатесов прихватит. Давно кровушку человечью не кушали?

Братья-близнецы переглянулись и почти одновременно ответили:

— Давно.

— Тем более — порадуетесь. Сейчас пожрем, выпьем и спать завалимся, а она к девяти подойдет. А в магазине я санитарный день придумаю, так что никто не сунется. Ружьишки с сюрпризом утром покажу.

— Лады, — кивнул Злыдень. — Ну, наливай еще, счастливчик.

После ужина за полночь три демона в человечьих шкурах улеглись спать и заснули все разом, как детки малые, разве что храпели зверски. Особенно хозяин.

Утром проснулись от настойчивого стука в дверь. Звонили и барабанили, как видно, уже давно. Подскочив, Хмырь торопливо пошлепал в резиновых тапках к дверям, приговаривая:

— Это Анютка пришла! Давно, видать, ждет. Сейчас выскажет!

Спавшие в гостиной Злыдень и Болтун зевали и тянулись. Ночью они бросали жребий, кому где

спать — Болтуну достался диван, Злыдню матрац на полу.

— Отдохнул? — спросил пухлый Болтун.

— Терпимо, — ответил его худощавый близнец. — В обед в Костомукше должны быть.

— Отсюда пара часов на моторе, я так думаю.

— А в ночь самолет до Рованиеми. Интересно, все документы готовы?

— Вот и поглядим, братец.

В коридоре спорили. Братьям-близнецам было любопытно взглянуть на вампиршу, зазнобу влюбленного Хмыря. Послышались быстрые женские шаги, открылась дверь. На пороге гостиной стояла закутанная в длинное пальтишко и платок скромная на вид девушка в очках.

— Ну вот, я ж тебе сказал, дальняя родня из глубинки, а не какая-нибудь залетная, — через ее плечо бросил подоспевший Хмырь. — Ясно, подруга?

— Теперь ясно. Привет, парнишки.

— Привет, девуля, — поднял руку Болтун и, потягиваясь, сел, а потом сбросил ноги с дивана.

— Кучерявые, — заметила девица. — Из глубинки, говоришь? Что-то на деревню не больно похожи? А смокинг чей?

— Она у тебя сечет тему, — усмехнулся Злы-

день.

Хмырь указал на нее всей пятерней:

— Это Анютка, прошу любить и жаловать.

Девица хлопнула его по впалому животу:

— Это для тебя я Анютка, а для твоих гостей Анюта Захаровна. И можно не любить, просто жаловать. Так откуда они, такие красавцы?

— Ты ей и этого не сказал? — садясь на полу, спросил Злыдень. — Любитель сюрпризов.

Анютка взглянула на своего ухажера:

— Чего ты мне не сказал, пупсик? И того и этого?

Болтун рассмеялся:

— Ты скажи ей, пупсик, кто мы такие. И зачем пожаловали. А то конфуз будет.

— Сейчас скажу, пошли. — Хмырь прихватил подругу за локоть и увел из гостиной. — Дай нелюдям переодеться.

Скоро братья-близнецы услышали:

— Ну ни хрена себе?! И ты молчал, козлище?!

Она влетела в гостиную, когда они уже оделись в свои хитрые костюмы.

— Это чо, правда? Вы оттуда? Из матери земли?

— Из альма-матер, — подмигнул ей Злыдень. — Ты вот что, Хмырь, накорми нас и напои, да поторопись, пусть хозяйка поможет. Затем мы в

магазин одежды, нам прикид человечий нужен. В прямом и переносном смысле. Вечером на такси в Костомукшу.

— Помню я, — радостно кивнул Хмырь.

Когда братья вышли на кухню, то не узнали гостью. Куда делась девушка в футляре? Спортивная фигуристая Анютка хозяйничала в короткой майке, сверкая крепкими голыми ногами, очков не было, по плечам расплескалась медно-рыжая шевелюра. Линзы тоже исчезли. Изумрудные глаза так и посверкивали, выдавая ее природу. И ровные зубки с чуть выдающимися острыми клычками тоже, когда она улыбалась. Анютка резала хлеб, колбасу и сыр, что прихватила по дороге.

— И откуда ж ты такая взялась, а? — спросил Болтун, поглядывая на ее ладные ноги. — Анюта Захаровна?

— Долгая история, — весело откликнулась та.

— А мы не торопимся, — заметил Злыдень.

— Маманя моя моталась не там и не с теми, было дело, вот и залетела на одно кладбище, на вечеринку. Все ее дружки там и остались. Кто обедом стал, кто ужином. А она выжила. Выбор у нее был: либо теперь она другая, либо тоже покойница. Красива была, вот ее и пожалели.

Она выбрала остаться. А потом и меня родила — такой, какая я есть. Ведьмой, до крови охочей.

— А отец, стало быть, Захаром был? — спросил Болтун.

— Отцов много было. Но один, ведьмак, точно был Захаром. Вот я и решила, что Захаровной останусь.

— И где сейчас маманя твоя?

Суровая тень пролетела по лицу юной энергичной вампирши.

— Истребители погубили. Мстить буду, пока жива, а прожить я собираюсь долго, — так же весело и задорно сказала Анютка. — Ясно?

— Предельно, — кивнул Злыдень. — С нашей матушкой точно так же поступили. Так что и мы на них зуб имеем.

— Какой у тебя талант? — спросил Болтун.

— Чего? — не поняла она.

— У любой ведьмы талант должен быть особый — то, что она умеет делать лучше других.

— А, вон ты о чем, — кивнула Анютка и прихватила со стола яблоко. — Видишь?

— Вижу, — кивнул Болтун.

Злыдень тоже уставился на нее. Хмырь посмеивался. Анютка подбросила яблоко, мгновенно в полете, смотря в глаза Болтуну, рассекла фрукт

ножом надвое и, тоже не глядя, поймала обе половины. Одну половинку оставила на столе, подбросила вторую — и точно так же ловко, улыбаясь Болтуну, рассекла на две ровные четвертинки и поймала их.

— Шустрая я, — объяснила она. — Будь нож поострее, я бы и на восемь долек яблоко посекла. И на двенадцать смогла бы.

— Хороша моя Анютка? — спросил Хмырь.

— В цирке точно можешь выступать, — кивнул Злыдень. — А стреляешь тоже в десятку?

— Пулю в пулю кладу, — ответила молодая ведьма.

— Значит, пригодишься.

— А кто у нас еще? — очищая вкрутую сваренное яйцо, спросил Болтун. — Нас же будет пятеро?

— Шалопут, — объяснил Хмырь. — Он буквально такой. Должен был отец его с нами двинуть, старый вампир Чалый, но его ревматизм заел. Он только за рулем будет. Но и Шалопут свое дело знает. Это они в Костомукше нас поджидают.

— А кто из них доки для нас готовит?

— Чалый и готовит. Шалопут неусидчив для таких дел. Ему бы пальнуть в кого-нибудь. Перо в бок засадить. Кровушки напиться прямо на

месте. Тут он горазд.

— Пять человек — прямо целая армия, — усмехнулся Злыдень. — Впору штурмовать небеса.

— Если надо будет, и небеса пойдем штурмовать, — уверенно и смело подмигнула ему Анютка.

Они славно позавтракали, и Хмырь повел гостей в подвал осмотреть арсенал.

— У меня все по лицензии, не придерешься, — по дороге говорил он. — Главный егерь местного заповедника ремингтон брал. А два дружка его по браунингу. Так что я у администрации на заметке со знаком плюс.

Арсенал был что надо! Кольты, браунинги, бенелли, те же ремингтоны, ижевские «Байкалы». Оружия было много, от него пестрило в глазах.

— Так в чем прикол? — спросил у хозяина дома Злыдень. — Ружья твои — загляденье. Но мы же не на оленя идем. Даже не на медведя. Тут добыча посильнее да покрупнее будет. Почти на мамонта.

Хмырь заговорщицки рассмеялся:

— То-то и оно, что прикол есть. — Он выложил из ящика тумбы две коробки патронов, затем еще две, и еще четыре. — Изюминка! Собственного изготовления. Порох у меня особый. Супер-пупер!

— Это какой же? — спросил Болтун.

— Адский! Из самой главной пороховницы. — Он ткнул пальцем в пол. — Из серы адовой, которую сам Господь и сочинил, когда всех низвергал, вот откуда мой порох, братцы-близнецы.

— Ого. — Болтун взглянул на брата. — Крутяк. Я бы и не догадался.

Злыдень кивнул:

— Видать, хорошо бьет, Хмырь?

— В куски разнесет. Клочки будут искать по закоулочкам.

Анютка прихватила ремингтон, подбросила его, ловко поймала и также четко передернула затвор.

— Ну что, прикончим бородатого старикана? — воодушевленно спросила она, сверкая злыми изумрудными глазами. — Давно руки чесались!

5

Да, их увидели и к ним шли! Одно из самых необычных существ на планете земля!

— Да вы провидец, Антон Антонович, — кривя рот, процедил в сторону Крымов. — Электрошокер не понадобится?

— Увидим. Но злить его все же не стоит. Когда-то силен был, чертяка!

Элегантный мужчина средних лет в светлом кашемировом пальто, шапке-ушанке и затемненных очках остановился в десяти шагах от двух туристов.

— Как я понимаю, вы по мою душу, господа? — спросил он.

— Почему вы так решили? — бойко и с вызовом ответил вопросом на вопрос Долгополов.

— Потому что у вас, мой маленький незнакомец, энергетическое поле размером с эту площадь.

— Да, я такой, — вздохнул Антон Антонович. — Не скроешься. Говорил вам, Андрей Петрович, он меня почует.

— А у меня? — спросил Крымов. — Какое поле?

Профессор призадумался.

— В вас чувствуется иная сила, человеческого порядка, сила и воля рыцаря, который очень давно странствует по временам и всякий раз в новом обличье.

— Тонко подмечено, — перехватив взгляд Крымова, усмехнулся Долгополов. — С вами, профессор, надо держать ухо востро.

— Ну так что, познакомимся? Кто я, вы знаете. Кто же вы?

Долгополов и Крымов представились.

— Может, пройдемся? — предложил профессор.

— С удовольствием, — согласился Антон Антонович.

— Как я понимаю, господин Долгополов, вас зачем-то прислали ко мне? — на ходу отхлебнув кофе, спросил профессор Лари Асгардсон.

— Меня не присылают — я сам прихожу.

— Тем более интересно.

— В каких вы отношениях с Санта-Клаусом?

— В нейтральных. Последнюю тысячу лет.

— До нас дошли слухи, что ему грозит беда.

Асгардсон нарочито изумленно поднял брови:

— В каком смысле?

— Ему хотят причинить зло.

— Кто может покуситься на Санту? Да и зачем?

— Как это — кто? — в свою очередь удивился Антон Антонович. — Все те же, господин Асгардсон, низвергнутые ангелы. Кто же еще вредит миру живых? Вы избежали их участи — устроились на светлой стороне, преуспеваете. Все отлично. У вас же нет причин вредить принявшему вас миру?

— Ни единой.

— И тем не менее вы не застрахованы от того, что кто-нибудь да и окажется рядом с вами из их легиона.

— Это вряд ли, — усмехнулся профессор. — Представьте хорошо дрессированного охотничьего пса, прошедшего сотни охот, да еще голодного, и вот ему подносят два мешка — в одном кролик, а в другом ну, скажем, тыквенный пирог. На выбор. Понимаете, к чему я веду?

Крымов охотно кивнул:

— Ясно, мимо кролика пес не пройдет.

— Именно так. Невозможно, чтобы я обманулся. Ко мне не может незаметно подкрасться сильный враг. Он может приблизиться, но я буду знать, кто встал на моем пути, и встречу его во всеоружии.

— Логично, — согласился Антон Антонович. — А слабый? Слабый враг сможет подкрасться к вам?

— Что может сделать мне слабый враг?

— Втереться в доверие и узнать ваши тайны. А вы их наверняка знаете очень много.

— Никто не совершенен, тем более на земле. Боги, которых бросают на земную поверхность в человеческом обличье, увы, теряют много своих прежних сил. Вот вы, господин Долгополов, много потеряли, став человеком?

— О чем вы? — грозно поморщился Антон Антонович и непроизвольно покосился на Крымова. — Не понимаю.

— Да все о том же, — многозначительно усмехнулся Асгардсон. — И все вы понимаете.

Крымов уставился на старшего товарища:

— Я чего-то не знаю, Антон Антонович? Что-то упустил из вашей биографии?

— Оставьте, Андрей Петрович, — отмахнулся Долгополов. — Зачем вы его слушаете? Он же хитрец Локи — обманет и не поморщится.

— Да, правды от вас обоих не добиться.

Крымов понимал, что эти двое все равно обведут его вокруг пальца, и решил вернуться к делу:

— Господин Асгардсон, ответьте нам на главный вопрос: вы знаете маршрут Санты? Из каких врат он вылетает на своей восьмерке каждый год?

Порыв метели ударил вслед за его вопросом.

— Вы это серьезно? — морщась от колючего снега, почти возмутился нелепому вопросу Лари Асгардсон. — Этих врат тысячи! Может быть, миллионы! Не исключаю, что их просто бессчетное количество. Санта живет в своем роскошном дворце между небом и землей, в мире магии, волен вылетать на санях когда и где ему вздумается. Но он же не полетит по обычному зимнему небу. — Профессор кивнул вверх, в молочно-серые небеса над Сенатской площадью Хельсинки,

иссеченные метелью. — Его быстренько собьют как неопознанный летающий объект ВВС Финляндии, Швеции или какой другой страны, куда он сунется. Он вылетает из своего дворца и движется по ночному небу, но иному, в мире Хельрунии, а потом оказывается ровно там, где ему надо.

— В печной трубе того или иного дома? — поинтересовался Крымов.

— Именно так.

— И пока все спят, укладывает у елки подарки?

— Что-то вроде того.

— А мир Хельрунии — это что такое?

Долгополов опередил профессора с ответом:

— На древнегерманском буквально «мир магии». Вы там были — катались на космических трамвайчиках.

— Значит, его никто не может ожидать на вылете из врат этой самой Хельрунии? — спросил Крымов у нового знакомого. — Когда Санта попадает в реальный мир?

— Это исключено, — покачал головой профессор Асгардсон.

— Значит, те, кто решится устроить охоту на Санту, могут поджидать его только в мире магии?

— Если такое вообще возможно, — ответил профессор. — Я о самой охоте. Кто решится? Дело в том, что Санта не такой уже и безобидный, если говорить честно. Только на первый взгляд веселый добряк с бородой. Но до того как им стать, он был куда более грозным богом.

— Серьезно — Санта был богом?

— А вы как думали?

— И кем же он был?

— Спросите у вашего шефа.

Крымов вопросительно взглянул на Долгополова.

— Антон Антонович?

— Не ваш уровень доступа, — строго ответил куратор.

— Ну вот опять, — развел руками Андрей Крымов. — Как до главного, так «не ваш уровень доступа».

Профессор Асгардсон наконец допил свой кофе.

— Ну что, господа, мне пора на лекцию. А вы куда направите свои стопы?

— В Лапландию, — ответил Антон Антонович.

— Мы летим в Лапландию? — удивился Крымов.

— Вы хоть что-то говорите вашему напарни-

ку? — усмехнулся Лари Асгардсон. — Или всякий раз ставите его перед фактом?

— Когда как, — с вызовом ответил духовный наставник Крымова.

— Ясно. Там, в Лапландии, похолоднее будет, господин Долгополов. Советую приодеться. По свитерку лишнему прикупите.

— Вы обещаете выйти на меня, если почувствуете что-то неладное? — уточнил у профессора психологии Антон Антонович.

— Непременно. Зачем мне вам лгать и тем более ставить палки в колеса?

— Тоже верно. Ну так что, день знакомства будем считать закрытым? — спросил Антон Антонович. — Пожмем друг другу руки?

— Лет через двадцать-тридцать придется менять дислокацию, — печально улыбнулся Лари Асгардсон. — На этот раз подамся в Аргентину.

— Участь бессмертных не сидеть на месте, — с пониманием кивнул Антон Антонович. — Вечные странники.

На том они расстались. Глядя, как профессор шагает в сторону университета, Крымов спросил:

— Объяснитесь, Антон Антонович, что за секреты? Этого мне знать нельзя, того нельзя. Летим

сейчас туда-то без объяснений, и баста. Что это такое?

— Вы забыли последнее. Вас ждет приключение. Мое энергетическое поле меня выдает. Когда через два часа у господина Асгардсона закончатся уроки и он поедет в свой загородный дом, преследовать его будете вы.

— Я?

— Именно так. Он вас не чувствует. — Оба сыщика, стар и млад, топали по Сенатской площади в неизвестном направлении. Просто нервно говорили и шли. — Все сделаете незаметно. У него сегодня очередное свидание с этой Лоттой-Мимозой Каарханен.

— Которая ему в дочери годится?

— С ней самой. Думаю, она поедет к нему после занятий. Спальня на втором этаже. Мне нужно, чтобы вы узнали как можно больше о том, что увидите и услышите. Если что, залезьте на дерево. Или проникните в дом и подслушайте под дверями. Я не знаю — придумайте что-нибудь!

— А о прослушке вы не подумали?

— Подумали. Что-то глушит ее. Как вы хотите, Локи — хитрец!

— А что, если у него здоровенный пес?

— Нет у него никакого пса. Животные боятся

его. Интуитивно. Даже хомячки сдохли с перепугу. И рыбки всплыли кверху брюхом.

— Ясно. — Крымов покачал головой. — Предлагаете мне зимой лезть на дерево? Как макаке?

— Я бы сам полез! — взорвался Долгополов. — Говорю же: он меня чувствует!

— Представляю, как вы ползете по дереву, будто старый паук.

— Ха-ха-ха! — скривился Долгополов. — От макаки слышу. Так полезете или нет?

— Полезу, старый садист.

— Отлично, тогда вперед! Я тут для вас одну липучку приготовил.

— Какую еще липучку?

— Новые технологии. Плюете в окно, на стекло, она прилипает, а в ней сенсоры.

— А если недоплюну?

— Это фигурально. Из пистолета. И вы слышите на расстоянии тридцати метров, о чем говорят в комнате. Так что далеко в сад не забирайтесь. Будьте поближе к окошку, Андрей Петрович. И еще, если будет возможность, снимите любовную сцену. Камеру на лоб прикрепите, ремешок застегнете на затылке. Вот здесь вся аппаратура. — Он вытащил из сумки небольшую коробку и показал ее Крымову. — Компактный набор

разведчика.

По площади изрядно мел снег.

— Вы из меня маньяка делаете?

— Не маньяка, а бескомпромиссного спецагента.

— А если меня финская полиция за мою бескомпромиссность за задницу схватит? Или подстрелит прямо на дереве?

— А вы ловчите, ловчите. На рожон не лезьте. Потихонечку, незаметно. В Праге по черепичным крышам за Големом и от Голема о-е-ей как бегали! С ветерком! Только пятки сверкали. И потом, финская полиция медлительная, избалованная слабо развитой преступностью, изнеженная порядочностью своих культурных сограждан. Пока она хватится, вы уже в аэропорту будете, где я, кстати, и стану вас ожидать.

— Нет уж! Поедете со мной, остановитесь на расстоянии и будете заговаривать зубы водителю. Вы же финский знаете? А еще лучше — возьмем машину напрокат. Да, именно так. А иначе я не согласен лазать по деревьям и подглядывать за любовниками. Как хотите, господин Долгополов! Кстати, где он живет?

— В пригородной Лохье. Полчаса от Хельсинки. Как пишут в справочниках: «Именно Лохья своей

красотой вдохновила безымянных певцов на создание народного финского эпоса “Калевала”».

— Да чхать я хотел! Термос мне нужен с горячим кофе, и чтоб с коньяком, да побольше! Берем напрокат машину и едем в вашу Лохью.

— Вдохновитесь заодно, сидя на дереве, местными красотами, — как бы между прочим обронил Долгополов. — Как составитель «Калевалы» лингвист и фольклорист Элиас Леннрот.

— Вот не могли этого не сказать, да, Антон Антонович? Так и подмывало? Язва старая!

Уже было темным-темно, когда продрогший Крымов возвращался на трассу, где его поджидал в автомобиле разомлевший от безделья Антон Антонович Долгополов, то и дело уходивший в дрему.

— Ну что? — оживился бодрый старичок, когда компаньон открыл дверцу. — Ноги затекли, — пожаловался он. — Раз пять выходил размяться.

— А у меня заиндевели от холода, — прервал его нытье Крымов. — И ноги, и руки. Горячий кофе с коньяком только и спас.

— Ну так что, что? Андрей Петрович, не мучьте пожилого человека.

— Съемка есть, а прослушки нет. Слетела ваша хрень со стекла, эта сенсорная жвачка. Не дора-

ботали умники из Небесной канцелярии — не взяли в расчет финскую зиму.

— Ну жвачку-то вы подняли, конечно? Она дорогая.

— Да, конечно, бегал — искал ее в снегу в темноте!

— Жаль, придется писать объяснительную.

— Издеваетесь?

Бодрый старик разочарованно вздохнул:

— Но любовников-то вы засняли?

— О да! Теперь смело могу вписывать в свое резюме: «порнограф-любитель».

— Они говорили?

— Несомненно.

— Что ж, будем читать по губам. — Антон Антонович провернул ключ в замке зажигания, втопил педаль и крутанул баранку. — А сейчас нам надо в аэропорт — вылет через два часа. Займусь расшифровкой во время полета.

— Вы умеете читать по губам, серьезно?

— Представьте себе.

Они выехали на трассу. Крымов усмехнулся.

— Что? — спросил Долгополов.

— Для финки девица чересчур бойкая. Да и всем своим видом она куда больше на южанку похожа, эта Лотта-Мимоза Каарханен. Или я ничего не

понимаю в финских дамах.

6

— Привет, Шалопут! — радостно вскрикнула Анютка.

Старенькая белая «Нива» только что въехала в ворота частного дома на окраине Костомукши. Пожилой хозяин в тулупе старательно закрыл ворота на гигантский засов и оглянулся. Из избы вышел его сын — разбитного вида рыжий крепыш в расстегнутом полушубке, шапке-ушанке набекрень, с хитрыми злыми глазами, с издевкой на пухлых губах. К нему с воплем прыгнула в объятия молодая и тоже рыжая девица в короткой дубленке.

— Здравствуй, голуба, здравствуй! — Он стал с усердием мять ее в руках. — Какая же ты сочная, как отбивная с кровью, так бы и съел!

— Ты не больно ее наминай, а то забеременеет, — пошутил Хмырь. — Здорова, Шалопут.

— Здорова, Хмырь.

Откинув переднее сиденье, с заднего выбрались и двое близнецов. Они уже успели поменять имидж: Злыдень переоделся в черное драповое пальто и шапку, Баламут в синий пуховик и вязаную шапочку с помпоном. Первый выбрал

классический вид, второй — спортивный.

— Ты о них говорил? — кивнув на близнецов, прищурил один глаз Шалопут.

— Ага. Заслуженные демоняры, — отрекомендовал спутников Хмырь. — Ордена некуда вешать.

— А на вид — одуванчики, — нагло усмехнулся Шалопут. — Дунешь — и слетит головка.

— А ты дунь, — кивнул Злыдень.

— В натуре?

Злыдень и Болтун переглянулись. Они словно спрашивали: ты или я? Болтун подмигнул брату и перевел внимание на молодца.

— Чего зыришь? — весело спросил Шалопут.

Баламут дунул в его сторону, и с головы Шалопута, словно сбитая пулей, слетела шапка. Все уставились на аттракцион.

Анютка весело захлопала в ладоши:

— Класс! Браво!

— Да ты чо? — набычился Шалопут.

Но тут дунул Злыдень — и бойкого молодца как подкосило, он будто на голый лед наступил, срезало подчистую.

— Ну ни хрена себе? — поднимаясь и сбивая с колен снег, прорычал Шалопут. — Да вы, суки, меня в моем же доме…

Анютка залилась смехом еще сильнее:

— Аттракцион! Можем выступать в цирке вместе!

Старый вампир Чалый, проходя мимо сына, двинул его ладонью по затылку:

— Тупица! С человечком, что ли, игру затеял?

Шалопут даже присел от шлепка.

— Чего, папаня?

— Того. Долбачина, на кого лезешь? Понимаешь, кто это? Опять позоришь меня. Чаю предложи гостям, идиот.

— Он нам точно нужен? — кивнув на задиристого молодца, спросил Злыдень.

— В полымя полезет, если надо, — кивнул Хмырь и хитро подмигнул: — Пехота. — Он говорил нарочито тихо: — И потом, нас не так ведь много. Сколько уже полегло?

— Ладно, пусть будет так, — согласился Злыдень. — Но терпеть его выходки я не намерен.

— Присоединяюсь, — кивнул Болтун.

— Милости просим в хату, — сказал отец Шалопута. — Чайку с баранками, да катить надо. Я вас на своем уазике, «батоне», повезу. Оружие уложу на второе дно: я там и гранатомет провозил.

Пока гости пили чай с баранками, а Шалопут мрачно поглядывал на обидчиков, его отец надежно спрятал оружие в своем охотничьем

вездеходе.

Потом появился на пороге и сказал:

— Ну все, нам пора. Волноваться не о чем. Мы — туристы, едем посмотреть на Санту. Сынок, оденься поприличнее, так, как я тебе сказал, без ухарства. В военный бушлат. Он уважение вызывает. Да все пуговички застегни. И надень темные очки, чтобы твои глазенки цапучие не попали в камеры. Все понял? Сейчас выедем — через шесть часов будем в Рованиеми. Толпа зевак и туристов нам в помощь.

7

Именно в тот час, когда вездеход старого вампира Чалого с охотниками выезжал из Костомукши, авиалайнер поднял с аэродрома Хельсинки-Вантаа двух сыщиков — Андрея Крымова и Антона Антоновича Долгополова. Последний с большим интересом рассматривал нескромные сцены, записанные сидящим на дереве Крымовым.

— Да-с, — проговорил Долгополов, — соблазнительная штучка.

— На что смотрите, Антон Антонович? Вы должны по губам читать.

— Язык тела мне тоже интересен, кстати. Особенно такой вертихвостки, как эта Лотта-Мимоза

Каарханен. Я, вообще, завидую вам: сидели на дереве, попивали кофей с коньяком, жевали чипсы и смотрели очень занятный спектакль…

— По губам, Антон Антонович, по губам читайте, — перебил его Крымов. — А не по другим частям тела. Я для чего на этом дереве мерз, а? И на чипсы у меня рук не хватило, кстати.

— Да читаю я, читаю. Какой вы, однако, нетерпеливый. Вот, вижу, она говорит ему: «Какой же ты тигр, мой милый Лари, как будто знаешь женщин наизусть…» А ведь права Лотта-Мимоза: столько жить и стольких соблазнить, да еще пользоваться привилегиями бога, о-о!

— Не отвлекайтесь, Антон Антонович. Что она еще говорит ему, а он ей?

— Вот он говорит ей: «Ты — моя богиня, милая Лотта, я уже тысячу лет не испытывал ни к кому такой любви!» Интересно, «тысяча лет» — это фигурально или так и есть?

— Там есть фрагмент, когда он как будто засыпает и отвечает ей во сне, а она прилегла к нему, слушает и тоже что-то нашептывает. Найдите этот кусок.

— Ищу, ищу… Так, так… Вот он опять ее лобызает и щупает во всех местах…

— Да нет же! Он должен как бы отключиться.

— Нашел. Прилегла, слушает, что-то шепчет, он говорит как во сне.

— Читайте.

— Читаю, — отматывая назад, следил за движениями губ обоих любовников Долгополов. — Она спрашивает: «Скажи, милый, по какому маршруту полетит наш дедушка Санта?» Что, правда? — всполошился он. — Я это сказал?

— Это сказала девушка — вы только повторили. Она что, опоила его? Самого Локи, бога обмана?

Они перешли на энергичный шепот, чтобы не привлекать к себе внимания. Но и на этот шепот сидевшие рядом пассажиры оглядывались, тем более что характер записи с охами и вздохами говорил сам за себя.

— Он уже давно не тот бог, Андрей Петрович, каким был когда-то! — огненно прошипел Долгополов. — Большую часть способностей у него забрали, поскольку он решил остаться среди людей. Понимаете? Так что этого Локи опоить можно. Но простая женщина вряд ли это сделает! Для этого нужна особая хватка…

— Что говорит он, Антон Антонович? — перебил старика Крымов.

— Асгардсон отвечает: «Этих маршрутов миллион. Никто этого не знает». «Кто-то зна-

ет, — говорит она. — Точно знает. И этот кто-то — ты, Лари». — «Почему ты так решила, милая?» — «Ты знаешь почему. Духовная связь. Ты ведь можешь читать мысли Санты». Да что это за нелепица? — возмутился Антон Антонович, пока Лотта-Мимоза поглаживала спящего любовника по лицу и шептала одну и ту же фразу: «Можешь ведь, можешь…» — «Номер тысяча первый, он всегда начинает с него». — «Почему так?» — «Он любит сказки “Тысяча и одной ночи”, этот старый дуралей», — блаженно улыбнулся во сне Асгардсон. — «Вот видишь, я же сказала, что можешь. А как же это случится? Как вообще Санта выбирает свой маршрут?» — «Он видит то, чего не видят другие, — пробормотал во сне профессор Хельсинского университета, выдавая секреты пылкой возлюбленной. — Он смотрит на небо и видит тысячи коридоров, через которые направляет своих оленей…» — «А дальше, Лари?» — «А дальше, Лотта, он пронесется через этот коридор и, подобно ракете, вылетит в земное пространство». — «Значит, если бы злодеи решили накрыть Санту, им нужно было бы оказаться в конце этого коридора?» — «Именно так, Лотта, именно так…» — «А куда ведет тоннель 1001?» — «Конечно, в Галери Лафайет, где самая красивая рождествен-

ская елка в мире… Ах, как я люблю Париж, милая Лотта! Я свожу тебя туда, обязательно свожу…» — «Спи, милый, спи». — Антон Антонович и Крымов внимательно наблюдали, как она погладила его по щеке, нежно поцеловала. — «Ты сказал все, что мне нужно было услышать…» — закончил трансляцию Долгополов. — А что дальше? Они так и будут лежать бок о бок?

— Ну да, — сказал Крымов. — Тут я понял, что замерзаю. Сделал последний глоток кофе с коньяком и полез вниз окостеневшей макакой. Чуть не свалился. А потом к вам, в машину. Это все, Антон Антонович, кино окончено.

— Черт! — вдруг прошипел старик. — Это же любовь!

— О чем вы? — не понял Крымов.

— Все о том же. Когда влюбляется демон или ангел, а любовь — качество человеческое, он теряет почти всю свою силу. Превращается — сами можете догадаться во что.

— В слабака?

— Именно!

— Значит, эта Лотта-Мимоза нашла свой подход к нашему Локи?

— Забавно, да? Какая глупость, какая нелепость…

— Любви не прикажешь.

— Ну да, рассказывайте. Если вы дурак, то, конечно, не прикажешь. О-е-ей…

Глядя в иллюминатор самолета, на грустные зимние облака, Долгополов почесал подбородок:

— Итак, двуличная Лотта-Мимоза выведала у хитреца-простака Локи, где окажется Санта в это Рождество. Как видно, там его и будут поджидать проклятые демонюги. А именно в Галери Лафайет. Это во-первых, и это мне понятно. А во-вторых, что мне совершенно не ясно: почему Локи все знает про Санту? Что их может сближать? Откуда у них эта духовная, я бы сказал, связь? Вот это для меня загадка.

— Ну раз это для вас загадка, с вашим-то уровнем доступа и вседозволенностью в мире магии, то для скромного агента и подавно, — съязвил Крымов. — Меня только по деревьям и можно гонять.

Долгополов презрительно поморщился его шутке, но тут бодрому старику пришло сообщение.

— Что тут у нас? — спросил он. — О! Мои агенты не дремлют. Активизировался некий карельский вампир Миикул Пекка по кличке Чалый. Он давно ушел от слежки. Его засекла дорожная камера у заправки близ границы с Финляндией. С ним

четверо — одна из них молодая дама. Только ее мордашку и видно — смотрит на вывеску. Кто они: жертвы, подельники?

— Стоп-стоп-стоп, Антон Антонович, а вам эта девица никого не напоминает? — потянулся к экрану детектив. — Как вы изволили выразиться — своей мордашкой?

— Кого именно?

— А вы подумайте хорошенько, любитель постельных сцен.

— Черт возьми, Андрей Петрович! — живо пробормотал Долгополов. — Еще как напоминает! — Он вернулся к сюжету в доме профессора Асгардсона, приблизил фото его подруги Лотты-Мимозы. — Курносый нос, задорные глаза, веселый хищный взгляд. Одно лицо, Андрей Петрович!

— И не только лицо — такая же ладная фигурка, рост метр шестьдесят пять, — заметил Крымов. — У меня глаз-алмаз на такие дела. Следак я или нет? Одно лицо, одна фигура, один рост. Да они — копия друг друга.

— Или один и тот же человек? — предположил Антон Антонович.

— Быть такого не может — по времени не совпадает.

Долгополов оживленно кивал:

— Тоже верно. Но теперь я не сомневаюсь, что эта пятерка едет именно туда, куда летим мы. В Рованиеми, в деревню Санта-Клауса. А потом еще дальше, в его загородную избушку, которая когда-то пользовалась большой популярностью у чудаков-уфологов.

— Почему?

— То северное сияние одним щупальцем едва не залезет в эту самую избушку, а с какой, спрашивается, стати? Чего ему там понадобилось, этому сиянию? То звери ее обступят непонятно почему, а потом разбегутся и года три близко не подходят. А то в летние ночи ротозеи видят хоровод обнаженных молодых женщин с венками на головах, которые пляшут вокруг костра. И притягательно, и страшно. Кто не читал о ведьмах? А правит ими рогатый леший.

По громкой связи сообщили, что пора пристегнуться.

— А что на самом деле не так с этой избушкой? — выполняя наказ, спросил Крымов. — Пристегнитесь, Антон Антонович.

— Да что со мной случится? — Тем не менее бодрый старик выполнил просьбу компаньона. — Эта изба — сильнейший портал, вот что с

ней не так? Из нее можно прыгнуть куда угодно. А что самое интересное — судя по всему, в мире магии именно на этом месте и стоит дворец Санта-Клауса, с тысячами его мастерских, где денно и нощно вкалывают эльфы и гномы на благо детишек всех стран и народов.

Внизу заблестел огнями большой город, и самолет пошел на снижение. Это призывно сверкал рождественскими огнями Рованиеми.

— Так мы направляемся именно туда?

Долгополов задумчиво молчал.

Или опять не мой уровень доступа?

— Да хватит уже цепляться за слова! — взорвался старик. — Да, именно туда. И пятерка нас опережает. Из этой избушки легко перескочить куда угодно. В том числе и в Галери Лафайет, на самую большую и элегантную елку мира, которая никогда не касается земли, а парит в воздухе. — Говоря это, Антон Антонович нажимал на кнопки телефона. — Вот она, елка этого года. Восьмое чудо света.

Крымов не раз бывал в Галери Лафайет, но только не в Рождество. Всегда хотелось увидеть легендарную елку, над которой работали десятки лучших дизайнеров Франции. Гигантская елка размером с трехэтажный дом, установленная на

сверкающей площадке, и впрямь парила между куполом и полом самой роскошной и претенциозной галереи мира; сверкая, висела так, чтобы ее можно было разглядеть со всех ярусов, со всех балконов. Она переливалась сияющими игрушкам и огнями, была окружена кукольной армией эльфов, гномов, а также лошадками, оленями, менестрелями, зайцами и лисами, медведями. Тут же стоял дворец Санта-Клауса, только почему-то не было его самого.

— Почему нет Санты? — спросил Крымов. — Не успели завезти?

— А теперь вы догадайтесь, умник, — съязвил его старый компаньон.

— Его ждут?

— Ага.

— То есть волшебный Санта появится в мире людей и никто не поймет, кто он в действительности?

— Все просто решат, что это еще один роскошный аттракцион. Включая самих устроителей. Умно, не так ли?

— Более чем, — согласился Крымов. — Фантастика…

— Эти бандиты опережают нас на пару часов, — сказал Антон Антонович. — Поторопимся!

Скоро они спустились по трапу, сели в автобус и с сотнями других туристов рванули в деревню Санта-Клауса, где сейчас разворачивались представления и аттракционы, где всех встречал большой ряженый Санта зычным и радостным: «Хо-хо-хо!» Там двое сыщиков взяли снегоход. За руль сел Крымов, руководитель вцепился в него сзади, и они понеслись по проторенной дорожке к загородному лесному дому Санты.

На полдороге Долгополов крикнул Крымову:

— Остановитесь за поворотом — там нас ждут!

— Кто? — через плечо спросил детектив.

— Узнаете!

За поворотом стоял джип с темными стеклами. Кряхтя, Антон Антонович сполз с сиденья и заковылял к нему. Постучал по стеклу. Дверца открылась, вышел мужчина в полушубке. Взглянул издалека на Крымова. Кивнул. Андрей ответил незнакомцу кивком. Фокусы его куратора! Агенты, незнакомцы. Конспирация. Тайны следствия! Из багажника мужчина достал большую спортивную сумку, что-то минуты две объяснял Долгополову, затем передал ему груз. Антон Антонович потащил сумку к снегоходу.

— Что это? — спросил Крымов.

— Бомба, — ответил бодрый старик.

— Что?!

— Шучу я! Но только частично. Это наше с вами оружие.

— Ну я так и подумал.

— Подумал он! — Антон Антонович повесил сумку через плечо сидевшего за рулем Крымова и сказал: — Дробовики, «Магнум», УЗИ. Едем!

Большая лесная изба Санты издалека показалась огромным сараем. Но это была именно изба с красным крыльцом и пристроями. Темная, безлюдная, холодной зимней ночью даже пугающая, словно в этой избе совершались темные страшные дела. Впрочем, так оно и было.

Крымов кивнул в сторону:

— Вон там стоит еще один броневик. Не ваши знакомые?

— Да нет, — пожал плечами Долгополов. — Но проверять нет времени.

Взобравшись на крыльцо, Антон Антонович вытащил из походной сумки огромный амбарный ключ и вонзил его в дверной замок. И только потом, обернувшись к детективу, сказал:

— Сейчас будет чудо.

— Да ладно? — делано удивился Крымов. — Еще одно?

— Представьте себе. — Тот потянул дверь на

себя.

Они вошли в просторную залу, которая наверняка превосходила в масштабах саму избу раз этак в десять. По стенам были разбросаны тысячи ячеек. Там значилось: «США», «Россия», «Франция», «Великобритания», «Австралия»…

— И так далее, — сказал Долгополов. — У каждой страны несколько реле, видите?

— Вижу.

Он подошел к ячейке «Франция».

— Набираете город, вот он, «Париж», на втором реле — самые главные достопримечательности по алфавиту. Ага, «Лувр», «Версаль», «Елисейские Поля», а вот и «Галери Лафайет»! Вуаля! Я ставлю на галерею, нажимаю на кнопку, будет щелчок, а потом… тсс!

Оба сыщика замерли. Совсем рядом послышался еще один щелчок.

— Это открылась дверь, Крымов. По-моему, вторая или третья от нас. — Старик кивнул в сторону. — Идите и найдите ее.

Крымов двинулся вдоль стены с ячейками, осторожно разглядывая редкие двери.

— Открылась третья.

— Отлично. — Долгополов живо заковылял к нему. — Ну, чего ждем? Входим!

И они вошли в темную комнатку с горящими в арочных нишах-простенках светильниками. Антон Антонович лично закрыл дверь и еще подергал за ручку:

— Дверь ни в коем случае не должна быть открыта! А то унесет не туда, куда нам надо.

— А куда нам надо, кстати?

— Вы и сами знаете. И еще, таких вот чудо-домов в мире всего семь. В самых энергетических местах планеты. Так, на всякий случай объясняю. И пользоваться ими можно только в крайних случаях, когда положение безвыходное. Ясно, Андрей Петрович?

— Ясно, Антон Антонович. Я без вас в такую избушку и не сунулся бы.

— И правильно, — кивнул бодрый старик. — А теперь еще один ключик и еще одна дверь. Готовы?

— Да готов я, готов, старый вы чудодей.

— Орудие к бою, Крымов! Там нас могут ждать!

О да! Можно сказать, что их ждали. Они вышли на небольшую светящуюся под ногами площадку из рельефного стекла и сразу попали в новый удивительный мир! В яркий поток огней с музыкальным сопровождением, в гул тысяч голосов! Они стояли на площадке милого бутафорского

ледяного дворца, слепленного из легких материалов, буквально перед обрывом, потому что под ними раскинулась торговая зала и там ходили сотни людей. По кругу шли ярко освещенные ярусы-балконы с сотнями магазинов, а над их головами поднималась гигантская елка и устремленный ввысь знакомый стеклянный потолок, сверкающий сотнями цветов.

— Мы в Галерее Лафайет?! — зачарованно спросил Крымов. — В Париже?

— Разумеется, — мрачно ответил Антон Антонович. — Где же нам быть еще? Но где же эти твари? Вокруг только людишки — и нас уже заметили, кстати…

Оба держали в руках оружие. Крымов — помповое ружье, способное серебряными пулями разнести целый отряд вампиров, а Долгополов — автомат УЗИ. Но вот какое дело — врагов не было. Зато посетители друг за другом стали обращать внимание на двух неизвестно откуда появившихся вооруженных людей. В них тыкали пальцами, призывая новых и новых свидетелей.

— Мне это не нравится, — заметил Антон Антонович. — Я, видите ли, интроверт и не люблю привлекать к своей персоне столько внимания.

— Если полиция решит, что мы террористы, —

предположил Крымов, — то будут стрелять на поражение. Теперь правила такие.

— Правила не в нашу пользу, Андрей Петрович.

— Тогда уходим?

— Но вначале откланяемся, и с улыбками! Пусть решат, что мы — артисты. Этакий летучий отряд ковбоев. И не пальните в воздух случайно.

— Не учите ученого, Антон Антонович. Уж если кто может пальнуть…

Долгополов и Крымов стали с поклонами пятиться, пока под жидкие аплодисменты не скрылись в дверях. Они закрыли их и вновь оказались в пространстве без времени, в зале с призрачно горящими в арочных нишах-простенках светильниками.

— Что дальше? — спросил Крымов.

— Понятия не имею.

— А что, если нас надули?

— Каким образом, господин умник?

— Мы ждем их в одном месте, а они в другом? Меня беспокоит тот нестандартный внедорожник, что стоял за домом. Я сейчас подумал: а не его ли мы увидели там, через камеру слежения, на заправке? Там, где был этот ваш Чалый и девочка-припевочка, так похожая на студентку

Асгардсона?

— И вы только сейчас об этом подумали?! Крымов?! Возвращаемся!

Из комнаты со светильниками они тотчас попали в залу с ячейками и, пробежав ее, выскочили на заснеженное красное крыльцо большой избы на отшибе.

Со ступеней на них смотрел огромный мрачный мужичина в дубленке, держа в руках облегченный «калаш» с полым прикладом.

— Чалый? — успел пробормотать Антон Антонович.

Тот поначалу принял их за других, поэтому притормозил, и только это дало им фору нанести удар первыми.

Его как током прошибло.

— Сука, — пробормотал вооруженный мужичина в дубленке. — Ты кто такой?

Крымов стремительно направил ствол помпового ружья и нажал на спуск. Грохот оружейного выстрела оглушил и его самого, и Долгополова, а их врага с огромной дырой в груди отбросило метров на десять в снег как раз на собственный кровавый след. Автомат улетел в сторону. Крымов передернул затвор, они спустились по ступенькам и осторожно подошли к монстру.

Тот оказался «убит» только на первый взгляд и умирать не собирался. Дышать ему было нечем, от легких ничего не осталось, там уже не было и сердца, одни ошметки от органов, но он чудесным образом оставался жив. Широко и неловко разбросав руки, смотрел на них и улыбался, а черная густая кровь так и текла струями из его рта.

— Вампиры просто так не сдаются, да? — спросил Долгополов.

— Где твои подельники, Чалый? — спросил Крымов.

Улыбка монстра стала еще шире. Он прохрипел:

— Там, где вы и не можете себе представить, людишки…

Андрей направил ствол на его голову, грохнул выстрел, и от нее осталась только кровавая жижа в снежной яме.

— Хорошо бьет серебряная дробь, — бросил Крымов.

— А то, — подхватил Долгополов.

Недолго они постояли в полном молчании.

— Идеи есть? — спросил бодрый старик.

— Кажется, да, — ответил Андрей.

И тут Антон Антонович просто взорвался:

— Значит, кажется?! Что вы меня все время

мучите, Крымов, этими недомолвками?! Куда нам идти, детектив?

8

За несколько часов до этого в салоне уазика, который пересек русско-финскую границу и теперь быстро несся в сторону Рованиеми, шустрая Анютка вдруг пробормотала:

— Ой, злодеи мои дорогие, мне плохо, сейчас начнется…

— Ложись на меня, — сказал Хмырь и уложил ее голову себе на колени.

Она постанывала, как стонут люди во сне, в приближении кошмара. Глазные яблоки так и ходили под ее веками.

Наконец она заговорила на два голоса:

— «А куда ведет тоннель 1001?» — «Конечно, в Галери Лафайет, где самая красивая рождественская елка в мире…»

Сказав это, она затихла. Прошло еще минут пять, но Анютка молчала, только постанывала; сидевший в третьем ряду напротив брата Злыдень потянулся к Хмырю и его полюбовнице.

— Ну, что она?

— Сейчас, сейчас… Еще не все… Еще будет. Ждем!

— Ну Анютка, ну дает! — с переднего сиденья, сидя рядом с водителем, нарочито весело усмехнулся Шалопут. — Прямо гадалка в трансе!

— Цыц, — накручивая баранку и глянув на сына, бросил Чалый.

— Ждем, ждем, — гладя по лицу свою Анютку, сказал Хмырь. — Ждем тебя, милая…

Она заговорила вновь вкрадчивым женским голоском:

— «Я слышала, милый, к Санте можно попасть из нашего мира, оттуда, из Рованиеми, это так?»

Ответа не было — и долго. Охотники вновь жадно и с нетерпением ждали.

— Ну же, ну? — нежно и требовательно вопросил Хмырь. — Анютка?

И вот уже голосом не своей копии, а мужским молодая вампирша сказала:

«Лотта, Лотта, кто ты? Тянешь из меня сердце…» — «Тяну, конечно, потому что люблю тебя. Ты говори, говори…» — «Хорошо, милая. За деревней Йоулупукки, в избе Санты, за печью, есть тайник, только поискать его хорошенько надо…» — «А точнее, милый?» — «Лотта, Лотта… За песнопевцем он… Только не попадешь ты туда…» — «Почему?» — «Ключ нужен…»

Анютка наконец открыла глаза — ее лицо было

измученным.

— Мамка наша не одну девочку родила, а двух, — сказала она с улыбкой. — Алинкой ее зовут, близняшку мою. Мы на любом расстоянии говорим друг с другом. Понял, Хмырь? И все я знала про вашу затею. Мне богиня Лилит подсказала…

— Загадочная ты моя, — вздохнул тот и поцеловал подругу в бледные губы. — Скоро мы им устроим райскую жизнь. А себе пир!

Через пару часов старый вампир Чалый высадил летучий отряд у той самой избы. Открыл в вездеходе тайник, раздал оружие. Злыдень уже сжимал в кулаке ключ. Отряд взбежал по ступеням на крыльцо, и Злыдень вставил ключ в замок, в ту дверь, что вела в иную вселенную…

Они закрыли дверь за собой — теперь все пятеро убийц стояли перед залом с ячейками. Освещение здесь было аварийным, лампы напряженно потрескивали.

— Да тут, елы-палы, как в камере хранения, — весело пробормотал Хмырь. — Анютка, как там сестренка твоя сказала?

— За печью, — сжимая дробовик, ответила молодая вампирша.

— И где эта сучья печь? — возопил Шалопут. —

Пора мочить деда и его присных! Руки чешутся!

— Вон она, — сказал Злыдень и двинулся в глубь залы. — Спряталась!

Близнецы первыми оказались у финской печки с изразцовыми плитками. Болтун приложил к ней руку:

— Ледяная как покойница.

За печью висел портрет старика в тулупе.

— Кто это?

— Видать, их песнопевец. — Злыдень сорвал портрет и отбросил его. — А вот и ячейка. Ну что, все готовы попасть туда, откуда, может быть, нам и не вернуться?

— Жми! — почти закричал Шалопут. — Терять уже нечего! — Он облизнулся со страстью. — Жажда меня мучает. Кровянки хочу!

— Терять всегда есть что, — заметил Болтун. — Жми, братец!

Дивно освещенный дворец Санта-Клауса был окружен густыми лесами. Из открытых настежь ворот выливались потоки света и доносился веселый шум. Сани были завалены мешками с подарками. Могучий Санта осмотрел восьмерку бывалых оленей, одних заботливо похлопал по шее, погрозил пальцем мохнатому Гинденбургу и, крякнув, забрался на скамью возничего.

Обложенный шубами диван сзади не ждал его спутников: он тоже был завален подарками.

Рядом уже стояли Снегурочка и эльф Лионель в красной шапке.

— Если не возьмешь, — сказала внучка, — улечу в Калифорнию и буду участвовать в конкурсе красоты: меня приглашали, кстати. В прошлом году. Стану обычным человеком. Стоит только захотеть. Я же супер. И Лионеля с собой заберу — выбирай, дед.

— А ты что? — Санта посмотрел на эльфа, но тот лишь опустил глаза. — Тоже готов меня бросить?

Эльф в зеленом кафтане и красной шапке ковырял остроносым сапожком снег.

— Если Снегурка попросит, как я ее оставлю? Ей защита нужна.

— И как ты ее защитишь?

— А найду как. Собой прикрою.

— Ладно, забирайтесь. Вернемся — будем говорить.

Переглянувшись, Снегурка и Лионель быстро забрались в сани, буквально зарылись в подарки. Санта замахнулся длинной плеткой и легонько ударил по оленьим спинам.

— Вперед, залетные! Реактивные мои! — крикнул Санта. — Хо-хо-хо! Порадуем детишек!

Только после этого задорного и грозного «хо-хо-хо» олени оживились, стали перебирать копытами, весело разбежались, тягая за собой перегруженную повозку, и поднялись над заснеженной землей. А как сиял дворец внизу! Как жемчужно сверкал белый снег от этого волшебного света! Олени уже делали круг над крышами дворца Санта-Клауса, когда из ближайшего леса выкатились пять человечков и торопливо побежали вперед.

Лионель как раз смотрел вниз.

— А это кто? — спросил он.

Вниз глянула и Снегурка.

— Деда, кто это? Там чужаки…

— Где? — вопросил Санта.

И тут ночное небо потрясли выстрелы. Кажется, земля внизу вздрогнула от грома. То, что увидела Снегурка, заставило ее немедленно подтянуть ноги, Лионеля тоже.

— Мамочки! — только и произнесла внучка Санты.

Дно саней было пробито — огромная дыра зияла между скамьей ее деда и диваном, обложенным подушками, позади. И в эту дыру сыпалось то, что еще недавно было подарками. Но что оказалось еще страшнее, один из оленей лишь автомати-

чески перебирал копытами: он лишился головы — а потом просто упал и повис, перетягивая на себя упряжку.

— Аполлон! — в ужасе прошептала Снегурка.

— Держитесь, детки! — зычно закричал Санта, управляя искалеченной повозкой. — Черти нас подстрелили!

Да где тут держаться! От второго залпа еще одного оленя разнесло на куски, это был Союз, а дно саней превратилось в одну большую дыру — и туда сейчас улетало все содержимое. Сани трагично затрещали — вот-вот и развалятся на куски.

— Падаем! — крикнул Санта.

Из дворца высыпали эльфы и гномы, только это и спасло сани от третьего залпа. Бандиты переключились на несчастных помощников Санта-Клауса. С десяток из них полегло тут же на сияющем снегу. Пробитые сани с искалеченной упряжкой неровными кругами ухнули вниз. Еще один залп ушел мимо: трудно было прицелиться к такой дерганой мишени. Только сшибли одному из оленей рога. И тут Санта вырвал из кармана нечто ему не подходящее. Пару гранат! Сорвал с каждой чеку и швырнул их вниз, в нападавших.

— Чтоб вас разорвало, гады!

За первыми двумя вырвал из кармана еще две

— и бросил следом. И еще две отправил туда же. Внизу прокатились взрывы. Сопротивление оказалось действенным. Одного из нападавших разорвало на куски, двое других ошалело ползали по снегу. Тут оленья упряжка врезалась в заснеженную площадку перед дворцом, уже изрядно политую кровью. Самого Санту тряхнуло так, что он вылетел и кубарем откатился в сторону.

И тут же у саней появился наглый и мерзкий рыжий паренек в бушлате и зеленой шапке набекрень. Глаз его сверкнул, он зубасто осклабился:

— Ну что, красотка, готова сдохнуть?

Снегурка только что вылезла из под кучи оставшихся подарков и подушек. Она отрицательно замотала головой:

— Нет.

— А придется, — сказал рыжий и наставил на нее ствол.

Тут перед Снегуркой поднялся Лионель. Прогремел выстрел — и его разнесло на куски. Как и не было эльфа.

— Во дает! — усмехнулся рыжий бандит и передернул затвор, страшно глядя внучке Санты в глаза. — А теперь ты.

В этот самый момент двое похожих друг на друга бандитов приближались к Санте, который

медленно вставал и ошарашенно покачивался после падения. Ухмыляясь, они наставили на него стволы своих ружей, но не успели заметить, как к ним сзади несется огромный мощный олень. Он ударил рогами вначале одного, в красном пуховике, а затем второго, тощего, в черном пальто, и нападавшие полетели в разные стороны.

— Молодец, Гинденбург! — азартно выкрикнул Санта.

Их взгляды встретились, и на глаза старого оленя навернулись слезы. Он спас хозяина! Но выстрел разнес Гинденбургу голову, и он грохнулся в снег. Над его тушей стояла и улыбалась Санта-Клаусу рыжеволосая девица в короткой дубленке и лисьей шапке.

— Привет, Санта! — Она громко передернула затвор. — Ни одного подарка от тебя за всю мою жизнь! Старый ты бородатый хрен. Да еще любовничка моего пришил. Пора платить!

Но вампир предполагает одно, а судьба распоряжается иначе. В это мгновение прогремели сразу два выстрела, которых не ждал никто. Снегурка успела закрыть лицо ладошками в варежках. Санта же перед смертельной угрозой стал просто страшен — ничего не осталось от добряка-старика. Он словно превращался в кого-то иного, кем

был когда-то, обращался в грозу и молнию.

Первый выстрел снес голову рыжему парню в полушубке, и его обезглавленное тело повалилось, затем подскочило и побежало что есть силы в направлении открытых дверей дворца. А второй выстрел проделал огромную дыру в груди бойкой девицы с дробовиком — ее так и отбросило назад.

С другой стороны к саням подходили двое вооруженных людей — крепыш и маленький бодрый старик. Первый держал в руках помповое ружье, выстрел из него и снес голову Шалопуту, который вбежал во дворец Санты, вызвав там дикие крики. А второй сжимал в руке свой излюбленный «Магнум», который уложил Анютку. Из ствола грозно вытекал дым.

Оба стрелка поклонились Санта-Клаусу, и он ответил им низким поклоном.

— Немного не успели, Санта, — сказал Антон Антонович Долгополов. — Простите нас.

— Век этого не забуду, — молвил Санта-Клаус, возвращая прежний облик. — Потом опомнился и заковылял к саням:

— Жива, внучка?!

— Дедушка, — заливалась слезами Снегурка, — они Лионеля убили!

Но Крымов и Долгополов сейчас смотрели в сторону леса: туда по снегу криво убегали двое — пухляк и тощий. Раненые, подбитые, но живые. Их было уже не догнать.

— Лионель — эльф, — прижимая к себе внучку, сказал Санта, — если хоть частичка его осталась, мы его вырастим в цветочном горшке. На следующий год будет как новенький. И других эльфов тоже.

— А помнить он все будет? — спросила Снегурка.

— Все. Хотя такое помнить — хуже некуда.

— Но меня-то он не забудет?

— Кто тебя может забыть? Главное, чтобы оленья ДНК в него не попала. А то с рогами вырастет твой Лионель. Но ведь какой герой, а? — покачал головой Санта. — Как и мой Гинденбург — его мы тоже заново вырастим. В сказке мы живем или нет? — Он взглянул на двух незнакомцев: — Ну что, охотники, мне сейчас новые сани собирать, новую упряжку из молодых оленей — и снова в путь. Ждут меня. Вы сами-то куда?

Бодрый старик в пуховике пожал плечами:

— Домой, Дедушка Мороз, домой! На зимние квартиры!

— Может, подбросить?

— Не откажемся, — сказал Крымов.

— А ваше лицо мне знакомо, — кивнул Санта бодрому коротышке-старичку.

— Может быть, может быть, — загадочно усмехнулся Антон Антонович. — Ну что, Андрей Петрович, поможем Санте наполнить новые сани?

9

— Его звали Перттунен Архип Иванович, он был великим фольклористом своего времени и вообще финского народа, ведь это он часами напевал под гусли древние руны, — сидя в широком плетеном кресле и кутаясь в телогрейку, рассуждал Антон Антонович.

Они сидели в его саду и под горячий чай с крендельками потягивали настойку из малины.

— А Элиас Леннрот только записывал его песни и позже составил из них книгу «Калевала». Перттунен был Гомером финского народа! Думаю, именно поэтому его портрет и висел в той комнате с тысячами ячеек, закрывая коридор в мир Санта-Клауса, тоже уроженца Финляндии. А почему нет?

— Полностью с вами согласен. — Крымов, в теплом полушубке и шапке, закурил свое неиз-

менное «Мальборо». — Но мне интересно другое, Антон Антонович. Я видел, как Санта-Клаус будто бы стал перерождаться в кого-то другого. И если говорить честно, в нечто очень опасное и даже страшное…

Слушая его, Долгополов посмеивался.

— Смеетесь? Опять у меня допуска нет?

— А вдруг так и есть, Андрей Петрович? И некоторые вещи вам знать не положено? Пока что?

— Говорите уже, старый вы мучитель.

Антон Антонович разлил по рюмкам настойку. Когда они опрокинули свои рюмки, хозяин дома продолжал:

— Видите ли, Андрей Петрович. Некоторые великие боги получили новую жизнь и новые профессии и специализации. В этом вы могли убедиться, пообщавшись с господином Асгардсоном. Еще раньше судьба нас столкнула со Снежной королевой, которая так и осталась без пристанища. О, а если бы вы знали, куда подевалась великая Афродита, богиня любви!..

— И куда же?

— Возможно, об этом я однажды вам расскажу. У нее все хорошо. Может быть, однажды мы даже пересечемся с ней, кто знает? О богине Лилит, которая, я уверен, инициировала нападение вам-

пиров на Санту, и говорить не стоит. Вот с кем нос к носу нас то и дело сталкивала судьба! А теперь о вашем вопросе. Был один великий языческий бог, который куда-то пропал. — Антон Антонович недоуменно развел руками. — Как сквозь землю провалился!

— И кто же это?

— Его звали Один.

— Верховный скандинавский бог?

— Он самый. В упряжке Санты — восемь оленей, у Одина был восьминогий конь Слейпнир. Один тоже носился по небу, а еще превращался в милого старичка и проникал в дома людей, чтобы послушать, о чем они говорят, зло готовят или добро. От этого зависело, получат они подарки или фигу. Много и других совпадений.

— Например?

— Как сказала подлая Лотта-Мимоза спящему Асгардсону: «Это духовная связь. Ты ведь можешь читать мысли Санты». Один и Локи — названые братья, и не было в мире более близкой духовной связи. А потом Один просто исчез, но куда могла деться такая великая сила? Это как спрятать сотни тысяч молний в кармане. Как вы думаете, Андрей Петрович?

— Думаю, что не получится. — Крымов сбил

пепел в старую жестяную пепельницу, стоявшую на заснеженном столе. — И все же очень трудно поверить, что наш Санта… Антон Антонович, вы это серьезно?

Бодрый старик хитро прищурил глаза:

— Очень возможно, однажды великому Одину сделали предложение, от которого он не смог отказаться. Либо быть низвергнутым, как многие языческие боги, либо стать самым добрым стариком на свете, которого будут любить все. И в первую очередь — малые детки. Наливайте, Андрей Петрович, — улыбнулся Антон Антонович. — Хлопнем еще по рюмашке — такое ведь дело провернули!

Алекс Винтер

Карлсон, который меня не слышит

Рождество мы запланировали провести на природе, точнее за городом, в месте, куда нога бывалого опера не ступала. Окончание года выдалось суматошным, да и новогодние праздники прошли неспокойно. На фоне того бедлама, что творился на работе, дача Агаты выглядела спасительным оазисом, который позволял мгновенно забыть о двойном убийстве по пьяной лавочке, грабеже склада бытовой техники, разбое и об исчезновении шведского туриста. Отдежурив, я забрал прямо со студии отчаянно зевающую Алекс, свою девушку, журналистку спортивного телеканала, и поехал к Агате, моей подруге из Следственного комитета. Выходные на ее территории давно стали доброй традицией: мы ели шашлыки, парились в бане, неспешно обсуждали начальство и коллег, преимущественно злословя и наговаривая, рождественские праздники пообещали быть прекрасными. Агата сделала на даче ремонт, провела туда спутниковое телевидение и обещала испечь гуся. Гуси у нее получались знатными, одного в прошлом году даже украли.

Погода стояла прекрасная. Выехали мы еще

затемно, но пока добрались до дачного поселка, взошло солнце. Алекс успела даже вздремнуть: утренние эфиры заставляли ее вставать в четыре часа и мчаться через весь город на студию. Проснувшись где-то на полдороге, она минут пять бессмысленно таращилась в окно.

— Почему бы нам свою дачу не купить? — спросила Алекс, любуясь на заснеженные корабельные сосны. — Глянь, какая красота. Воздух хоть ложкой ешь, в городе такого не бывает. Нет, Стас, в самом деле, чего мы не купим хотя бы маленькую дачку? Малю-усенькую?

— Потому что у нас денежек нету, — разумно возразил я. — К тому же я на работе целыми днями, ты тоже, кто за всем будет следить? Дома нуждаются в уходе, без человека скучают, сохнут и дохнут. Сколько раз мы в прошлом году выезжали за город? Вот то-то и оно… А тут и воздух, и халява. Чем тебе плохо гостить у Агаты?

— Мне не плохо, Стас, просто я подумала, вдруг она не особенно рада гостям на праздники, а мы ее вынуждаем?.. Чего ты ржешь?

— Ты много знаешь людей, которые могут вынудить Агату делать то, что ей не нравится? По мне, такие самоубийцы в природе не водятся. И потом, я не напрашивался, она сама предложила.

Подозреваю, ей снова нужна мужская сила, она что-то говорила о подпорках на чердаке. И мне нетрудно, и она помощь получит. К тому же нам все равно надо обсудить ход расследования по двум делам.

— Ладно, но я все равно спрошу, — неохотно сказала Алекс.

До дома подруги было недалеко, так что добрались мы без особых приключений, но уже на подъезде насторожились. Дача Агаты выглядела подозрительно нежилой. Шторы оказались наглухо задернутыми, дорожка к дому после вчерашнего снегопада осталась непрочищенной. Дежурств в СК у Агаты на праздники не было, она намеревалась все новогодние каникулы провести за городом, так что ее двор бы так неухоженно не выглядел. Я специально посмотрел: над баней не клубился дымок. Если в доме было газовое отопление, то баню топили по старинке, и к нашему визиту Агата уже расстаралась бы, даже если бы наколотых дров не оказалось.

Обычно дрова в ее доме колол я. Но в прошлом году я подарил ей колун, подруга пришла в восторг и, когда требовалась разрядка от работы, со злости колола дрова, что твой Челентано. А сейчас казалось, что баню никто и не собирался

топить, тропинка к ней тоже была не протоптана. У ворот околачивалась какая-то бабуся и поглядывала на дом с тревогой, а на нас — с надеждой. Это вообще было неправильно.

— Что-то не то, — нахмурилась Алекс. — Она же мне точно сказала, что осталась на даче. Может, уехала?

— Машина здесь, — возразил я, мотнув головой в сторону битого жизнью отечественного внедорожника, который тоже присыпало снегом. — На чем бы она уехала? На такси? На автобусе? Не думаю, предупредила бы. Не ушла же пешком в город? Да и мы списывались с ней утром. Пойдем, сердце чует недоброе.

— Сейчас я ее наберу, — сказала Алекс и выпорхнула из машины.

Открывать ворота и въезжать во двор мы не рискнули, вдруг Агаты и правда дома нет. Старушка, увидев нас, резво кинулась навстречу.

— Здрасьте, — жалобно произнесла она. — А вы к Агате?

— А что? — подозрительно спросил я.

Старушка всплеснула руками. На мой взгляд, отчаяние она переигрывала.

— Ой, милые мои, она так нужна мне, вы не представляете. Я ж ее второй день караулю и

все застать не могу. А вы тоже из милиции? Может, вы ее найдете? Там просто кошмар, просто кошмар…

В ее причитаниях было что-то неестественное. Во мне колыхнулось предчувствие, которое почти мгновенно перешло в уверенность, когда я внимательно взглянул на дорожку к дому. То, что показалось мне девственно чистым, только что выпавшим снегом, было имитацией. Бабуся дошла только до окна — видимо, стучала, — но к двери не пошла. А у входа явно кто-то ходил и потом старательно замел за собой следы: веник небрежно стоял прямо у входа. Злоумышленники на такое коварство вряд ли были способны, оно казалось абсолютно бессмысленным, значит, маскировку учудила лично Агата, но зачем она этим занималась, я не успел понять. Старушка всхлипнула, как мне показалось, довольно фальшиво, вцепилась мне в рукав, а я оглянулся к Алекс, чтобы притормозить ее активность, но не успел. Двери дачи гостеприимно открылись, и в дверях, укутанная в овчинную безрукавку, предстала Агата. Увидев нас, она улыбнулась, но когда за моим плечом замаячила старушка, она скорчила недовольную физиономию. Ну я так и знал!

— Ой, милая моя, ты дома, оказывается! — всплеснула руками бабуся и ринулась к Агате. — А я и стучу, и звоню, а ты все недоступная и недоступная. Насилу достучалась. Хорошо, ребята твои приехали. Ну теперь-то все на свои места встанет. Давай, милая, в доме поговорим, а то я тут совсем задубела… — приободрилась старушка и, отодвинув меня в сторону, бросилась внутрь, сметая с пути даже хозяйку. Агата одарила нас убийственным взглядом.

— Ну спасибо, — пробурчала она. — Огромное.

— Что происходит? — испугалась Алекс. — Мы сделали что-то не то?

— Ты зачем следы заметаешь? — спросил я.

Агата отмахнулась.

— Да достали. Стоит чему-то случиться, весь поселок тащится ко мне. Независимо от того, что произошло: дорогу не прочистили, воду отключили или у магазина пьянь буянит. По мнению наших дачников, я здесь одна решаю все и за всех. Я эту бабку еще со вчерашнего вечера приметила, потому и затаилась. Сначала просто свет не включала, дверей не открывала, но она такая настырная оказалась. Я, в конце концов, приехала провести несколько спокойных дней у себя дома — и решать чужие проблемы в мои планы

не входит. Только попробуйте им это объяснить. Интересно, что меня выдало?

— Машина, — подсказал я.

Агата нахмурилась.

— А, действительно… Я забыла.

— Прости, мы не хотели, — смутилась Алекс, а я добавил:

— Давай я ее быстренько спроважу. Хочешь, могу даже грубо, если мнение соседей тебе не слишком важно.

— Быстренько? — усмехнулась Агата. — Плохо ты знаешь это поколение. Они стоически пережили МММ, путч и дефолт, так что простой мент их не напугает. Мы вон на морозе стоим, а она уже в доме, как та лиса из сказки про ледяную и лубяную избушки. Не удивлюсь, если там уже прописалась… Пойдемте, я беспокоюсь, как бы она не полезла проверять, какое белье я ношу.

Старушка действительно чувствовала себя в доме Агаты весьма уверенно, скинула шубейку и пыталась согреть руки, протягивая их к фальш-камину. Ставить настоящий Агата не стала, старую печь летом демонтировали, а ощущения уюта и эстетики хотелось, так что она установила у себя декоративный камин, который выглядел как настоящий и даже потрескивал, имитируя

сгорающие дрова. К нему-то бабка и протягивала руки.

— Чего-то не веет теплом совсем, — пожаловалась она. — Наоборот, сырость какая-то…

— Что вы хотели? — невежливо спросила Агата.

Старушка сразу подобралась и, посуровев лицом, заявила:

— У меня кто-то повадился варенье воровать. За четыре дня восемь банок сперли из погреба. Будь любезна, прими меры. Этого бандюка надо изловить и примерно наказать. Вы обязаны!

Переход с присюсюкивания к требовательному «выньте и положите» был молниеносным — я понял, что подруга имела в виду под стойкостью поколения. Агата так закатила глаза, что они у нее едва ли не провернулись, как в игровых автоматах. Неудивительно, что она выходила из дому как партизанка. Я поспешил вмешаться, поскольку добром эта встреча бы явно не кончилась, а подруга уже начинала закипать. Алекс топталась рядом, не понимая, можно ли уже снимать шубку или придется опять куда-то тащиться.

— Уважаемая… как вас по имени-отчеству? — строго спросил я, пожалев, что приехал в гражданской одежде и без оружия.

— Клара Карловна, — охотно представилась старушка.

Ну естественно, как еще могли звать такую въедливую Шаполяк?

— Уважаемая Клара Карловна, — твердо сказал я, надеясь, что выгляжу внушительно, — дело в том, что подобные дела находятся в ведении участкового. Вам надо к нему обратиться в установленном порядке, написать заявление, и он займется вашим воришкой. А госпожа Лебедева работает в Следственном комитете, где ловят особо опасных преступников, маньяков и убийц. Так что сообщите о происшествии местному участковому.

Агата криво усмехалась, до меня тут же дошло, что эти доводы соседям она уже излагала и, судя по безрезультатности, на них ее объяснения не подействовали так же, как и мои.

— Кому сообщить? — презрительно спросила старушка. — Пепле? Да он ничего не найдет, даже если ему под нос что-то положить.

Пеплей, как выяснилось позже, местного участкового прозвали не просто так. На самом деле его имя было Жаслан Мирзабаев, в Россию он переехал откуда-то с юга Казахстана, где служил на аналогичной должности. По-русски Мирзабаев,

худющий, сухой, со смуглой кожей, до сих пор говорил с жутким акцентом, путал окончания, протоколы его выглядели как ребусы. Старушка была права: работал он плохо, посетителей принимал неохотно, раскрываемость у него оказывалась мизерная, благо серьезные преступления на его участке случались редко. Агата и раньше жаловалась, что участковый предпочитает вести дела по-восточному, то есть неспешно. Свою кличку Мирзабаев получил после того, как дал комментарий местному телевидению, оказавшись на месте большого пожара. Отвечая на вопрос журналистки, он сказал:

— От дома ничего не осталось, кроме головешек и пепля…

Кличка прилипла к участковому намертво, и кроме как Пеплей его никто никак не называл. Надо сказать, что столь пренебрежительное прозвище этому несуразному, нелепому во всех отношениях человеку подходило как нельзя лучше.

Старушка явно решила пустить в доме корни до момента, пока ей не помогут, и двигаться с места не желала. Алекс жалобно переводила взгляд с меня на хозяйку. Агата решительно сдернула с вешалки свой пуховик и резко сказала:

— Мне до смерти надоело выполнять его работу. Саш, продукты в холодильнике, займись обедом, а мы со Стасом дойдем до Пепли… то есть до участкового, и научим его работать раз и навсегда.

— Давно пора! — обрадовалась Клара Карловна.

Выволоченный из дома Мирзабаев радостным не выглядел, пытался отговориться выходным, но злющая как черт Агата доводов слушать не желала, так что пришлось участковому одеваться и трусить за нами к дому пострадавшей, изредка бросая на нее косые взгляды. У дома пенсионерки нас встретила плотная, похожая на гриб-боровик девица неопределенного возраста, одетая в нечто странное. Мне показалось, что на девушке длинный махровый халат розового цвета, неуместный на морозе, но, подойдя, я понял, что это шуба странного фасона и поросячьего колера, подпоясанная таким же поясом. На ее голове красовалась меховая шляпка с полями красного цвета, а на лице под глазами были наклеены стразы зеленого и желтого цветов. Все это великолепие сверкало и переливалось. Сходство со светофором стало абсолютным.

— Ба, — сказала Боровик недовольным голо-

сом, — я до Витьки прогуляюсь.

— Иди гуляй, рыбонька, — ласково сказала Клара Карловна. — Я тут пока с нашей бедой разберусь…

Повернувшись к нам, она хвастливо сказала:

— Внучка моя, Риточка. Студентка. Между прочим, учится в Институте культуры, во всех важных моментах разбирается.

— Спаси господи нашу культуру от этого рафинированного эстетства, — проворчала Агата.

— Что? — грозно нахмурилась Клара.

— Я говорю — красавица! — сказала та погромче. — Давайте уже, показывайте, где у вас погреб.

Хранилище домашних заготовок находилось посреди участка. Старушка открыла замок и споро спустилась, мы последовали за ней. Банки стояли штабелями от пола до потолка, я даже присвистнул. Чтобы забили погреб, явно было мало одного года, либо же производство солений и варенья у Клары Карловны вышло на промышленный уровень. Выдернутый из семейного гнезда Мирзабаев взирал на все уныло. Хозяйка ткнула пальцем в дальнюю стенку и с возмущением сообщила:

— Две банки огурцов и три банки варенья, сплошь клубника. Не варенье — мед! Амброзия!

Нектар! И все за ночь. Какая вы власть после этого, если кто попало может забраться в погреб и обокрасть бедную женщину!

— А чего ж вы погреб не заперли? — спросил я.

Клара Карловна вытаращила глаза.

— Как — не заперла? Всегда запираю. Вы же видели, я при вас замок отомкнула!

Я вздохнул.

— Идемте со мной.

Висячий замок хозяйка демонстративно заперла при нас и даже ключом помахала, мол, не делайте из меня дуру. Я покивал и без особых усилий выдернул из стены штырь с петлей, что удерживала замок. Судя по размерам дыры, куда он втыкался, сами хозяева делали это неоднократно, так что замок тут носил в основном декоративную функцию. Агата смотрела на старуху и злилась, но ту не так легко было смутить.

— И что? — надменно поинтересовалась Клара Карловна. — Теперь можно обворовывать честных пенсионеров?

— Лейтенант, — устало обратилась Агата к Мирзабаеву, — примите у женщины заявление и займитесь делом. Прошерстите местных алкашей, кому-то явно на праздники не хватило закуски.

— Откуда у нас алкаши! — возмутилась хозяйка. — Закрытый поселок, сплошь интеллигенция и новые русские. Кому бы из них в голову пришло воровать варенье с огурцами? Тут у всех своего вагоны. Сроду ничего не таскали, и вдруг началось!

— Не таскали, — уныло подтвердил Мирзабаев. — Поселок охраняемый, бомжи не шастают.

— Тем более, — сурово ответила Агата. — Это вы верно подметили, что вокруг одни свои, у всех участки, запасов полные погреба, проще попросить, чем красть. Ищите чужаков, лейтенант. Въезд проверьте: может, посторонние машины на территории были. Вечером доложите. Следственный комитет будет держать это дело на особом контроле.

— Так праздник же, — вяло возразил Мирзабаев. — Рождество. Кто мне данные предоставит?

Агата не ответила, лишь ласково улыбнулась, да так, что у него свело скулы. Насчет особого контроля она, конечно, загнула, но мне, начальнику отдела, самому приходилось гонять ленивых сотрудников полиции, так что я ее понимал. Участковый, понуро опустив плечи, потащился прочь, а мы отправились домой, заверив пенсионерку, что враг будет повержен.

— Вообще, он не в твоем подчинении, — поти-

хоньку сказал я, когда мы выбирались с участка потерпевшей. — Имел право тебя послать с чистой совестью. Но не рискнул. Можешь же ты мужиков зашугать.

— Это да, — грустно ответила Агата. — Потому замуж никто не берет.

Алекс никогда не блистала кулинарными талантами, но в последнее время взялась за ум и вот уже полгода ходила на курсы, так что обед она за время нашего отсутствия приготовила знатный, не решившись только на финальный штрих — гуся, что дожидался своего часа в холодильнике, уже подготовленный для запекания. Агата скинула пуховик и первым делом сунула его в духовку. Баня к нашему приезду была растоплена, так что к тому моменту, когда гусь испекся, мы уже успели попариться, выпить и под мурчание телевизора обсудить наши насущные дела. Особо крупных в производстве, слава богу, не было, с текучкой мы планировали разобраться в ближайшее время. Лично мне жизнь отравлял только пропавший иностранец, но была надежда, что он просто запил и после праздников объявится сам. Так что ужин прошел в очень теплой атмосфере. Стоящая в углу елка мерцала теплыми огнями гирлянд, за окном вновь пошел снег.

Мы еще не успели убрать со стола, как хлопнула калитка, а потом в дверь постучали.

— Пепля? — предположил я.

Агата пожала плечами и бросила взгляд на часы.

— Никогда не поверю, что он такой расторопный. Как по мне, раньше завтрашнего дня он не появится, если появится вообще.

Это действительно оказался не Мирзабаев, а мой подчиненный, Данил Литухин, который был осведомлен о наших планах и даже жалобно напрашивался в гости, но помешало дежурство. Однако Данила даже оно не могло остановить. Мы с Алекс одновременно покосились в сторону оставшейся доброй половины гуся и прыснули: у Литухина была потрясающая способность приходить к обеду — видимо, потому он весьма упитан. А еще его розовощекое лицо вызывало умиление у всех дам, которые наперебой кормили его. Я бы не удивился, если бы во внутреннем кармане он носил ложку. Но, к его чести, Литухин не был настырным халявщиком, просто всегда удачно попадал к обеду и смотрел жалобно, как голодный пес. Вот и кормили его словно на убой. Данил ел и толстел, что пагубно отражалось на физической подготовке. Нормативы сдавал еле-еле, зато

стрелял как заправский снайпер или ковбой, с двух рук, и всегда в яблочко.

— Здрасьте, то есть с Рождеством! — сказал вежливый Литухин.

Его взгляд косился куда-то мимо нас, в сторону гуся.

— И тебя, — сказала Агата. — Проходи. Ты голодный? У нас есть гусь, салат и что-то еще. Сань, что у нас?

— У нас еще язык, селедка и пирог с черникой, — ответила Алекс. — Лично готовила. Клянусь, все съедобное.

— Я как волк голодный, с утра на ногах, — обрадовался Литухин, скинул бушлат и кинулся к раковине мыть руки. — Тут по делу пропавшего шведа наметился кое-какой прогресс. Решил, лично доложу.

— И гуся пожру заодно, — констатировал я. — Чтоб все в отделе потом сдохли от зависти.

— А мне-то что? — рассмеялся Данил. — Пусть дохнут. Это ж не еда, а райское наслаждение. Кто еще обо мне позаботится в праздники? Будет что вспоминать долгими зимними вечерами. Я как сказал, что сюда поеду, человек пять вызвались меня сопровождать. Но я отмахался.

— Молодец, — похвалила Агата. — Я девушка

не жадная, но гусь не безразмерен, а незваные гости мне в последнее время надоели. Так что ешь и докладывай начальнику, что нарыл.

Данил получил целую ножку, большой кусок грудки и заурчал от удовольствия, как кот. Минут пять мы ждали пока он закинет в себя половину гусиной ноги и картошки. Прикрыв глаза от удовольствия, Данил отдышался, начал есть медленнее и попутно докладывать:

— В общем, мы связались с его родными, пообщались, вскрыли сообщения в телефоне и почтовом ящике. У брата был доступ с айпада. В Россию наш Хенрик Хансен прибыл не просто как турист, а с целями матримониальными. — Литухин старательно, почти по слогам вымолвил последнее слово, явно ведь где-то его вычитал и запомнил, чтобы блеснуть в приличном обществе своим интеллектом. — Несколько недель Хансен переписывался с девушкой, завязался интернет-роман, она пригласила его в гости. Свидание было назначено на четвертое января. Потом наш герой-любовник пропал. А сегодня его брат получил сообщение, в котором с семьи Хансен требуют ни много ни мало, а сто тысяч евро.

— Девицу, конечно, не установили? — предположила Агата. — Ее номер есть?

— Симка левая. Куплена через маркетплейс, абонент в сети не зарегистрирован. Есть несколько видеосообщений. Вот, гляньте.

Мы глянули. Это были короткие видео, на которых милая девушка в мешковатой кофте улыбалась и посылала собеседнику воздушные поцелуи, крутилась перед зеркало — словом, вела себя как все девушки в ее возрасте. Внешне она показалась нам довольно эффектной. Мы с Агатой пожали плечами: ну да, есть на что посмотреть. Затем телефон взяла в руки Алекс и, нахмурившись, несколько раз прогнала запись:

— Так это ж фейк, — возмутилась она. — Его развели как лоха. Девчонка ненастоящая. Она может выглядеть как угодно: быть толще, худее, не такой фигуристой, да и вообще это может быть парень, или ее даже не существует. Это же явно нейросеть.

— Да? — удивилась Агата. — Как ты определила?

— А вот, смотри, в уголке, видишь, появляется надпись и логотип. — Алекс ткнула пальцем в нижний правый угол, где то возникал, то исчезал крохотный значок, что-то вроде головы Медузы в треугольнике. — Это относительно новая нейронка, причем тот, кто ее использовал, по моему

мнению, живет в России.

— Почему? — поинтересовался я.

— Для развода из любой западной страны подключили бы платный аккаунт. А мы из-за санкций сделать этого не можем, точнее можем, но очень много заморочек, нужна карта иностранного банка. Есть, конечно, куча самых разных сервисов, которые позволили бы оплатить нейронку, но создатель или не знает, как это сделать, или решил не париться. В России можно пользоваться бесплатной версией, но в этом варианте логотип не убирается и функционал ограничен, видео не дольше пятнадцати секунд.

— Фомин, мы уже динозавры, — простонала Агата. — Саш, то есть в бесплатной версии тоже можно заменить реального человека на фейк?

— Да запросто. У меня есть похожая нейронка на телефоне, я могу показать, но просто поверьте на слово. Можно поменять внешность, голос, пол. Платный вариант предполагает, что ты сможешь общаться с человеком онлайн от лица своего придуманного аватара и он даже подмены не заметит. Бесплатная версия тебя немного ограничивает, но видите, как вашего датчанина размотало.

— Шведа, — поправил Литухин и ткнул в сто-

рону Алекс обглоданной косточкой.

— Вообще, все равно, — отмахнулась она. — Дедуся притащился к своей фее, его тюкнули по башке, отняли бабло, а труп расфасовали по черным пакетам.

— Ну, насколько помню, не дедуся, ему около сорока, — припомнила Агата и задумалась: — Хансен настолько богат, что может легко выложить сто тысяч евро?

— Да где там! — с набитым ртом возразил Литухин. — Его брат сообщил, что Хансен обычный инженер, зарабатывает средне по меркам европейского гражданина. Ему не везет в любви, внешность непримечательная, характер нордический, местные дамы его отвергают, а тут такая красотка, да еще и непритязательная. Я проштудировал сообщения и скажу вам: это довольно нетипичный развод. Девица не просила у него денег, не ныла, что бедна, общение было довольно простым и человечным, много говорили о культуре, достопримечательностях — словом, общались как добрые знакомые. Вот он и принял ее приглашение приехать в гости на Рождество. А потом Хансен прислал брату сообщение: «Я разочарован», после чего замолк.

— Выходит, он с ней встретился, — предполо-

жил я.

— Получается, да. Оригинал ему не понравился — или произошло что-то еще. Может, он потащил ее в койку, а она отказала. Или же с него сразу потребовали денег. Но посмотрите, где он с ней должен был встретиться.

Литухин вытащил из кармана телефон, ввел название заведения и протянул нам. Мы глянули и одновременно нахмурились.

— Погоди, это же кафе недалеко от въезда в наш поселок, — опомнилась Агата. — Ну да, на трассе, знатный супец дают, я иногда там обедаю, когда совсем нет сил готовить.

— Именно, — подтвердил Литухин. — Я уже побывал в кафе, но сегодня дежурит другая смена, они иностранца не вспомнили, к вечеру придут другие, те, что работали четвертого. Но есть еще одна зацепочка. Сообщение с требованием о выкупе пришло со старой сим-карты. Ее долго не использовали, зарегистрирована она была на гражданина Узбекистана, я проверил, его давно нет в стране, выслали за нарушение миграционного законодательства. Но картой пользовались, и нам удалось установить кто. Может, вы хозяина знаете?

Литухин вновь залез в телефон и, порывшись

в записях, вывел на экран скриншот, где мы с удивлением прочитали знакомое имя: Клара Карловна Бергер.

— Вот тебе здрасьте! — изумленно протянула Агата.

В этот момент в дверь постучали, после чего она открылась и в дом проскользнула худенькая азиатка.

— Простите, пожалуйста, не у вас ли мой муж? — робко спросила она.

Клара Карловна стояла насмерть. В первую минуту она даже обрадовалась нашему визиту, надеясь, что ей вернут украденные банки варенья. Но когда Агата в довольно невежливой форме принялась ее допрашивать, старушка скисла, она боязливо косилась на одетого в полицейскую форму Литухина, но колоться не спешила и, похоже, правда ничего не знала. Телефоном, в котором стояла та самая злополучная сим-карта, она не пользовалась давным-давно, купила новый номер, а старый остался в неубиваемой «Нокии», которую бросили где-то в доме и забыли о ней напрочь. Поиски ничего не дали, телефон исчез или якобы исчез. О пропавшем шведе старушка никогда не слышала.

— Она, конечно, очень активная, — ворчала

Агата, когда мы отправились домой, ничего от нее не добившись, — но в то, что она так лихо освоила нейросети и развела иностранца, не поверю. Бабуся вряд ли стала бы привлекать внимание полиции своей консервацией, если бы участвовала в похищении. Напротив, откатилась бы на три метра и сделала вид, что ее там не было. Уж скорее это дело рук внучки.

— Внучке сколько лет? — спросил Литухин. — Шестнадцать?

— Больше, раз в институте учится, но молодежь пошла шустрая. Я вот думаю, не лежал ли телефон в погребе вместе с кучей хлама? Наши взломщики пришли, сперли огурцы и нашли в коробках с барахлом старый телефон с еще живой сим-картой, — вздохнул я. — Дань, вернись к бабке и спроси: не валялся ли телефон в погребе? Черт, еще и участковый куда-то делся…

Данил убежал и через четверть часа вернулся с докладом. Клара Карловна долго думала, но так и не смогла вспомнить, мог ли телефон валяться где-то в погребе. Мы потоптались на месте и вместо того, чтобы пойти отдыхать, отправились в дом участкового.

У Мирзабаевых все было по-прежнему. Участковый до вечера так и не появился. По словам

его жены Алии, он, злой и раздраженный, отправился выполнять задание Агаты, которую знал и боялся как огня. Телефон не отвечал, а такого Мирзабаев себе никогда не позволял, особенно сегодня. Его младший сын где-то простудился, Алие требовалась помощь, а Жаслан был не из тех, кто бросает жену в трудной ситуации. Алия переживала так, что у нее тряслись руки. Ее состояние невольно передалось и нам. Я видел, что Агата сосредоточенно размышляет: глаза у нее так и бегали. Избавившись от дурацкой привычки грызть ногти, она принялась кусать пальцы.

— Не нравится мне это, — нервно сказала она. — Иностранец притащился из центра города в дачный поселок — и пропал. Участковый пошел его искать — и тоже испарился. По времени пропажа иностранца совпала с кражей варенья и огурцов у Клары. Она ведь не день в день это заметила, после новогоднего застолья в погреб не совалась. У нас есть фейковая девица, которая заманила сюда шведа. Данил, дуй в кафешку: может, там уже смена пришла — и они вспомнят, с кем был иностранец.

— Погоди, я с тобой поеду, — сказал я Литухину. — Только ты за руль садись.

В кафе было многолюдно, вкусно пахло шашлы-

ками и луком, да так, что, несмотря на плотный ужин, нам тут же захотелось есть. Официантку, которая обслуживала пропавшего Хенрика Хансена, удалось найти не сразу. Она собачилась на улице с клиентами, которые попытались сбежать не заплатив, так что наше вмешательство пришлось как нельзя кстати. Споривших, заметив приближающегося Литухина, погрустнели, торопливо вернулись внутрь и рассчитались, после чего столь же быстро ретировались. Остальные гости заведения посмотрели на нас с интересом. Официантку звали Оксаной. На предъявленное фото Хансена она кивнула без всякого удивления.

— Да, помню я этого дядьку, — призналась Оксана. — Иностранцы к нам нечасто заезжают, а этот прибыл на такси, сел за столик у окошка и ждал. Со мной пытался заигрывать, но народу было много, а русский у него очень хромал, некогда разбираться, чего он там бормочет. Я приняла заказ и ушла, потом еще пару раз подходила. В целом он нормально себя вел, не буянил. Вы что-нибудь выпьете? За счет заведения, в благодарность за помощь?

— Нет, спасибо, нам еще работать, — с сожалением сказал Литухин. — А Хансен много выпил

в тот вечер?

— Порядком, — невозмутимо ответила Оксана. — И водку заказывал, и пиво, причем водку после того, как пришла его девушка. Прямо графинчик — и в одно рыло его вылакал.

Я насторожился.

— Что за девушка?

— Ой, ничего интересного, — скривилась Оксана с чувством превосходства. — Я ее впервые видела. Настоящий бомбовоз! Соплячка, не больше двадцати, одета дико, чистый фрик, вся в таких вот штучках, бусики, розовая шуба в пол из искусственной чебурашки. Но не шлюха, те так не одеваются. И потом я наших девочек всех знаю, а эта никогда не появлялась. И знаете, по-моему, у них не задалось.

Я многозначительно подмигнул Литухину, забыв, что он внучку Клары Карловны не видел, и спросил Оксану:

— Почему?

— А он в телефон все таращился, — пояснила она. — Ну так, будто сравнивал, смотрел то в телефон, то на нее, и увиденное ему не нравилось. Он еще ей телефоном в морду тыкал, а она как будто оправдывалась.

— Они вместе ушли?

— Нет, девчонка в туалет убежала: видать, плакала там, потому что вышла с умытым лицом, вся раковина в блестках была. Потом она вышла, а он остался и заказал водки. Просидел, наверное, еще час, расплатился, вызвал такси и уехал.

— Девушка тоже на такси уехала? — уточнил я.

— Не видела, но она точно не парковалась у кафе, машины все как на ладони. И на остановке не осталась, не ждала автобус, я бы заметила, ее шуба уж больно приметная. Мне показалось, она пешком ушла вон туда.

Там, куда указала Оксана, был дачный поселок, где бабушка описанной девушки пожаловалась на воришек домашних заготовок, а еще где в неизвестность канул самый настоящий участковый. Я махнул рукой Литухину, и мы торопливо поехали назад.

Когда мы вернулись в дом Клары Бергер, хозяйка уже не была так воодушевлена и будто бы размышляла, пускать нас на порог или нет, а когда мы сообщили, что желаем поговорить не с ней, а с ее внучкой, Клара Карловна метнулась к дверям спальни и встала перед ней грудью.

— Любезная, вы как соучастница хотите пойти? В ваши годы? — ядовито поинтересовалась Агата. — На лесоповале холодно, а галицы шить

у вас уже зрение не то. Давайте без скандала.

Хозяйка охнула и отошла. Мы дружно ввинтились в узкие двери спальни, чем немало удивили девушку, что валялась на кровати, смотрела в экран ноутбука и ела конфеты. Внучка Клары Риточка без тонны косметики и блесток на лице оказалась внешне довольно приятной, хотя и немного полноватой. На меня она поглядела с интересом, на Литухина — с вожделением. Но тут на первый план вышла Агата — и в глазах Риточки заплескался ужас. Видимо, внучка Клары была наслышана, кем является ее соседка, а о крутом нраве Агаты здесь давно слагали легенды.

— Риточка, скажи им все! — пискнула Клара Карловна.

Мы вытолкали ее за дверь, но она упрямо торчала в коридоре. Рита забеспокоилась и растеряно переводила взгляд с меня на Агату.

— Не будем тянуть кота за неизбежное, — сурово сказала Агата. — Нам известно, что ты встречалась с гражданином Швеции Хенриком Хансеном, который после свидания с тобой был похищен, а его родные получили требование о выкупе. Так что в твоих интересах рассказать, где он и кто является твоим сообщником. Тогда, глядишь, получите по минимуму.

— А еще колись: что вы сделали с участковым? — зловеще пробасил я.

Девушка подпрыгнула и вытаращила глаза.

— С каким участковым, о чем вы? — возмутилась она. — С Пеплей, что ли? Да я его с утра в глаза не видела. Вот как у ворот со всеми вами увиделась, так больше и не встречала. Какое похищение, вы же пришли наше варенье искать!

— А шведа? — наступал я.

— Шведа… — Рита скисла и со вздохом призналась: — Ну видела. Посидели с ним в кафе. Но я никакого отношения к его похищению не имею. Так что не надо мне тут…

— Расскажи, как было дело, — потребовал я.

Рита вздохнула, потыкала в клавиши ноутбука и развернула его экраном к нам. Там высветилась анкета на зарубежном сайте, в которой наверху красовалась фотография пропавшего Хансена.

— Да как… Вот, глядите, мне скрывать нечего… Пересеклись на сайте знакомств, начали переписываться. Мне с парнями не особо везет, говорят, толстая я.

— Никакая вы не толстая, — вмешался Литухин, сам не страдающий особой худобой.

Рита криво улыбнулась.

— Ой, ну что вы, не льстите бедной девушке. У

меня зеркало есть. У Хенрика тоже с женщинами не клеилось. Мы общались, я на всякий случай не со своего номера, знаете, везде жулики, взломают соцсети, у многих же все на один номер. Ну и подстраховалась. Потом он стал просить фото, видео, а мне не хотелось его разочаровывать, я нашла нейросети и… чуть-чуть себя приукрасила. Ему все понравилось, тем более он уверял, что внешность для него не главное, я и решила: будь что будет, если приедет, предстану перед ним а-ля натюрель. Ну он приехал, а я предстала… и не понравилась ему, хотя сам-то выглядел как гном из «Хоббита». И он еще как-то обидно сказал, что ждал чуть ли не Мисс Вселенную, а пришла я. Ну я расстроилась, сначала попыталась ему объяснить, что просто хотела выглядеть чуть лучше, нейронка и фильтры — это почти косметика, никто же ничего не имеет против косметики? Но он и слушать не хотел, все вопил, что я его обманула. Ну я и сказала ему, что он так-то тоже не Джаред Лето, пусть губенку-то закатает. Он обозвал меня коровой. Я расплакалась от обиды, пошла в туалет, умылась и решила: ну и фиг с ним, пусть катится к черту, Карлсон толстопузый. Выскочила на улицу, понеслась домой. По дороге еще Витьку встретила, соседа, мы с ним дружим,

пожаловалась, думала, может, он меня домой подбросит, но он был занят, на заказ ехал.

— На заказ? — не поняла Агата.

— Ага, — кивнула Рита. — Он таксистом подрабатывает. С поселка все в основном с ним и уезжают.

— Вы не знаете, случайно не Виктор забрал Хансена из кафе?

— Не знаю, он не говорил. Я к нему днем пошла, хотела потусить. Ну и поблагодарить, он так мне сочувствовал. Витька нормальный, с ним о чем угодно можно поболтать. Но его дома не оказалось, на работе, наверное, собака в доме выла, запер, видать, перед отъездом.

— Какая собака? — встрепенулась Клара Карловна, высунув нос из-за двери.

— Не знаю, я же дома у него никогда не была.

— Нет у Витьки никакой собаки, — решительно возразила Клара Карловна. — И кошки тоже. Он же на весь день уезжает. На кого бы животину оставлял?

— Кто же тогда у него так воет? — удивилась Рита. — Я своими ушами слышала.

Мы переглянулись.

— Пойдемте проверим, — предложила Агата.

Чутье Агаты не подвело и на этот раз. Тоскли-

вый вой доносился из подпола в доме Виктора Чайкина и на собачий походил слабо. Хозяина дома не было. После молчаливого согласия с моей и Агатиной стороны Литухин взломал дверь. Мы ворвались внутрь и, открыв крышку подпола, без особого удивления обнаружили там Хенрика Хансена, связанного строительными стяжками, а также прикованного к столбу собственными наручниками участкового Мирзабаева, под глазом которого красовался свежий фингал. У ног Хансена стояли пустые банки из-под огурцов и начатая банка клубничного варенья, рядом валялась пластиковая бутылка с водой.

То ли несуразный Пепля оказался не так уж плох и действительно вышел на след преступника, то ли ему, как и Рите, просто повезло услышать тоскливый вой Хансена. Дом Чайкина стоял на отшибе, шансов, что кто-то дойдет до него и спасет похищенного иностранца, было мало. Мирзабаев вошел в дом без приглашения и тут же получил сокрушительный удар в глаз. Как оказался в погребе, не помнил.

— Вызывай наряд, — скомандовала Агата. — А я пока господина Хансена уведу к нам.

— Что мы, втроем с ним не справимся? — отмахнулся я.

Она поджала губы.

— Фомин, давай без героизма, а? Он вон участкового вырубил, кто знает, что у него в голове. К тому же мы тут так наследили, — увидит, что в дом входили, и сбежит. Его надо на улице брать, иначе потом ищи ветра в поле. Вызывай и не сомневайся даже, к тому же ты выпил. Дождитесь ребят.

— Да я как стекло! — обиделся я, но послушно вызвал наряд.

Вот только воспользоваться силой бравых полицейских не пришлось. Хозяин явился раньше и действительно увидел следы на снегу, после чего бросился бежать. Литухин нагнал его у машины и швырнул в сугроб. Когда наряд прибыл на задержание, Чайкин уже сидел на стуле собственной кухни закованный в наручники, понуро опустив голову. Я сообщил Агате о задержании и спросил, придет ли она допрашивать задержанного. Агата отказалась: это было мое дело, а не ее.

— Как вам пришла в голову мысль о похищении? — спросил я.

Чайкин вздохнул.

— Да как молнией ударило. Он ведь так Ритку обидел, мне хотелось ему морду начистить. А пришлось везти в гостиницу. По пути он вырубился,

я и подумал: сейчас он в свою Европу свалит и будет очередной девчонке мозги пудрить, хорошо бы его от этого отучить. Вспомнилось, что я вот живу в халупе, денег ни на что не хватает, а этот мотается по свету, знакомится с красивыми девчонками. Так от этого горько и обидно стало, что я развернулся и поехал домой, выгрузил его, пихнул в погреб. Только у меня еды там нет никакой, одна картошка сырая, и денег совсем не было. Что мне, готовить ему или доставку заказывать? Ну я к Кларе в погреб залез, взял несколько банок, пусть жрет. Пока рылся, нашел старую мобилу, с нее отправил смс его родственникам.

— А участкового зачем удерживали? — поинтересовался Литухин.

— Пеплю-то? — презрительно спросил Чайкин и резонно задал вопрос: — А чего он в дом полез? Услышал, как иностранец воет, давай за кобуру хвататься, откуда ж я знал, что у него там пусто? Запаниковал. Ну дал ему в морду. Я вот, честное слово, ничего такого не хотел. Это, как говорят, бес попутал. Я даже на красный не проезжаю, а тут будто перемкнуло. Что теперь со мной будет?

Хотя я видел на своем веку многое, почему-то показалось, что Чайкин говорит правду. Случалось, совершенную дичь творили вполне

законопослушные люди, за плечами которых не было ни одного привода, и объяснить свои поступки они потом не могли. Конечно, Чайкин совершил столько ошибок, что мы бы его быстро нашли, но ему не повезло, когда он стащил соленья и варенье у Клары Карловны.

Я поглядел на Чайкина, в глазах которого горели мольба и надежда.

— Суд решит, — сказал я. — Дело о похищении иностранного гражданина было возбуждено, а удержанием сотрудника правоохранительных органов вы все усугубили. Чистосердечное вам зачтут, конечно, но мой совет: попробуйте через адвокатов все-таки договориться — может быть, условно получите.

— Вы простите меня за все, — всхлипнул Чайкин. — За похищение, за то, что праздник испортил. С Рождеством вас. Простите. Я не хотел.

В дом Агаты я вернулся уже глубокой ночью. Свет был почти везде погашен, горела только елка, светился фальш-камин да тусклый торшер. Похищенного гражданина Хансена увез Литухин, которому в дорогу Агата завернула бутерброды с тонко порезанной гусятиной да контейнер с салатом. Алекс меня не дождалась и уснула на диване, накрытая овчинной безрукавкой.

— Ну что? С закрытием дела? — лениво спросила Агата и протянула рюмку с водкой.

Я налил себе, чокнулся с ней и выпил, поморщившись. Агата тоже выпила половинку своей, торопливо закусила соленым огурцом и задышала.

— Хорошо-то как, — мечтательно сказал я. — Просто рождественское чудо. Я боялся, что мы этого шведа вообще не найдем или найдем где-нибудь в сугробе. Сама знаешь статистику пропавших, а тут еще и похищение. Хорошо, что наш похититель оказался не семи пядей во лбу, а у твоей соседки так легко открывался погреб.

— Знаешь, что, Фомин, — произнесла Агата, — возможно, ты меня осудишь…

— Возможно, — согласился я и долил нам водки.

— Я, наверное, прекращу отмечать праздники, — с наигранным сожалением сказала Агата. — Точнее, прекращу их отмечать на даче и в твоей компании. Ну сам посуди, моя дача стала каким-то магнитом даже для плохо организованной преступности. Я уж думаю: это место так всех притягивает или мы с тобой такие невезучие? Может, дачу продать вообще? Или с вами перестать видеться?

Знай я Агату чуть меньше, подумал бы, что она говорит всерьез. Но эти насмешливые нотки в ее голосе я бы ни с чем не спутал.

— Продай, — согласился я. — И нас на порог не пускай. Только что ты без нас будешь делать? Кто тебя такую еще вынесет?

— Действительно, — согласилась Агата и протянула рюмку. — С Рождеством, Стас.

— С Рождеством, — ответил я.

Анна и Сергей Литвиновы

Рождество-1840

Сколько же нынче развелось детективов! Шагу не ступишь, чтоб в него не вляпаться. Телевизор включаешь — а там криминал, книгу откроешь — следствие, в газете — происшествия, в журнале — из зала суда…

Иное дело прошлые времена! Преступлений случалось мало — да и немудрено. Ведь в ту пору честь значила больше богатства, клятву держали ценой собственной жизни, а удар исподтишка столь же тяжело было представить, как и железных птиц, сбрасывающих бомбы на мирные селения…

А если уж убийство и происходило, молва о нем еще долго передавалась из уст в уста и становилась легендой, семейным преданием — как и сия история, что поведала нам наша бабушка, а ей, в свою очередь, рассказала прабабушка.

Ужасное происшествие случилось в снежную, холодную зиму, в самом начале 1840 года, второго января, аккурат на Святки.

Святки! Веселые деньки — начиная с Рождества до Крещения. Короткое время российского карнавала. Ряженые, гадания, маски… Торжество

легкой чертовщинки и радостного греха… (Потом мелкие грешки, вроде гадания в бане, смывали с себя в ледяных крещенских купелях.)

Бедный праздник! Его отменили большевики вместе с Богом и новогодними елями. Однако и нынче Святки, в отличие от елок и Рождества, — напрочь утраченная и никак не возобновляющаяся традиция. И мы не веселимся в изнурительно длинные новогодние каникулы, не карнавалим, как в Венеции и Рио (с поправкой на зиму), — а тихо угасаем с первого по тринадцатое, оплывая над тарелками с оливье, под бубуканье телевизоров…

Но вернемся в самое начало года 1840-го. Итак, в центре Руси стояла снежная морозная ночь со всеми сопутствующими причиндалами: хрустальными звездами, белейшим снегом и морозцем под двадцать градусов по шкале Цельсия.

В посеребренный январский вечер к крыльцу усадьбы графа Павла Ивановича О-ского подкатили две изукрашенные тройки. Из них вывалилась развеселая компания: шубы, маски, тулупы навыворот, насурмленные или пачканные сажей лица. Раскрасневшиеся мужчины с заиндевевшими усами, барышни с освеженными ледяным ветром лицами… Хохоча, группа прибывших

господ, оттеснив изумленного лакея, ввалилась в дом.

Надо сказать, что Павел Иванович О-ский жил анахоретом. Отставной адмирал, наследник огромного состояния, он безвылазно, зимой и летом, проводил время в своей усадьбе Никольское, редко появляясь даже в уезде, не говоря о губернии. Москву же и столицу он и вовсе не жаловал. Злые языки утверждали: оттого, что прячет О-ский от нескромных и лукавых глаз свое главное сокровище, кое он ценил превыше миллионного состояния.

Сокровище звалось Марьей. Свежеиспеченная графиня О-ская личико имела ангельское, глазки — голубые, нрав — кроткий. Играла на клавикордах, пела божественно — как рассказывали те, кому доводилось слышать Марию Николаевну до замужества. (После свадьбы-то приемов граф не устраивал, сам на балы не езживал и визитов не делал.) Еще одним достоинством юной графини в чреде других, столь же неоспоримых, была юность. Она была моложе своего супруга едва ли не вдвое. Бесприданница Мария Николаевна, как справедливо полагало общественное мнение, вышла за Павла Ивановича ради его миллионов и связанного с ними *комфорта*. Однако тем

немногим гостям, кто все-таки попадал в дом О-ских, отнюдь не казалось, что юная графиня, похоронившая рядом со стариком, в глуши, свою молодость и красоту, есть несчастная жертва собственной алчности. Напротив, она была с Павлом Ивановичем всегда более чем любезна. Те, кого все-таки изредка принимали у О-ских, замечали теплые взгляды, бросаемые Машенькой на своего супруга; ласковые пожатия рук и любовную интонацию, с коей говорила она в третьем лице о графе: *«Мой Пашенька».* А сестрам своим и подругам она поведывала в задушевных разговорах, что совершенно счастлива с Павлом Ивановичем, что не променяла бы его ни на какого юного красавца, что ей с графом, даже и в деревне, никогда не бывает скучно. «Мой Пашенька столько всего знает! — с восторгом говорила она. — Он так много видел, пережил. Неведомые земли, туземные племена, чужие обычаи… Диковинные звери, неистовые бури, нападения пиратов… Знаете ли вы, к примеру, где остров Борнео? А он и там побывал, и в Африке, и даже на мысе Горн… Мой Пашенька два раза земной шар обогнул!.. А как он интересно рассказывает! Его я готова слушать бесконечно. Бывает, сядем — я с пяльцами, он с трубкой, и Павел Иванович начинает говорить, и

всякий раз ведь новое — заслушаешься!.. А кроме того, — понижала юная графиня голос, — он ведь любит меня и, значит, балует. Все прихоти мои исполняет и иначе, как “душечка Мария Николаевна”, не называет. На руках меня носит».

В то, что граф О-ский способен, даже и в буквальном смысле, носить супругу на руках, верилось легко. Мужчина он был статный, весьма подтянутый. Несмотря на седую как лунь голову, Павел Иванович нимало не походил на обрюзгшего, доживающего свой век старика. Утро он начинал при всякой погоде ванной со льдом, затем велел седлать любимого каурого и отмахивал верст десять-пятнадцать верхом. Упражнялся на рапирах, стрелял без промаха. И сам, не полагаясь на управляющих, вел хозяйство, вникая во все тонкости, отчего состояние его не только не уменьшалось, но и приумножалось.

В описанное время в доме О-ских проживали также сестры Марьи Николаевны — Елена и Ольга. Обе старше, чем Машенька, обе такие же, как она, бесприданницы. Юная графиня мечтала составить их счастье, и супруг, во всем ей потакавший, даже взялся поспешествовать сим планам — ради чего, против обыкновения, начал в последнее время выезжать в гости к соседям

вместе со своим (как он говорил) выводком. А после Крещения был намечен отъезд всего семейства, первый после замужества Маши, в Москву — на ярмарку невест, как справедливо заметил поэт. Ради жены и любви к ней граф готов был даже поступиться своей тягой к уединенной жизни и вероятными муками ревности, которые, как он предчувствовал, придется ему испытать, лицезрея прехорошенькую Марью Николаевну на балах и в салонах в виду статных кавалергардов, молодых блестящих полковников и вдохновенных повес.

Слух о том, что дом О-ских приоткрылся, распространился по всей округе. Тем и воспользовались нынче незваные святочные гости. Румяные с мороза, они ввалились в огромный дом О-ских.

Явление ряженых вызвало переполох. Немедля было доложено старому графу, который как раз читал доставленный ему из Петербурга список пьесы Николая Гоголя «Ревизор» и хохотал, утирая слезы. Павел Иванович, узнав о визите, распорядился тут же одевать его, а также подавать угощение.

На короткое время незваные соседи остались в гостиной одни. Карнавальное веселье отчасти было сбито заминкой, и пятеро визитеров

с интересом и некоторой опаской рассматривали убранство комнаты. А здесь было на что посмотреть. На специальном столике возвышался выполненный со всею тщательностью огромный макет шлюпа, на котором бороздил океаны отставной адмирал. Рядом помещался глобус вышиной в человеческий рост. Стены были украшены шкурами леопарда и зебры, головами бизона и антилопы. Подле размещались оскаленные индейские маски, туземные луки, стрелы, копья… На полках специально изготовленного застекленного шкапа лежали слоновьи бивни, кости, травы, стояли многочисленные сосуды — на некоторых из них рукописные облатки с черепом и перекрещенными костями строго возвещали: «ЯДЪ». Ряженые гости — а многие оказались в кунсткамере О-ских впервые — с восторгом и любопытством переходили от экспоната к экспонату.

И тут юная графинюшка, несмотря на то что одета и причесана она была по-домашнему, радостно вбежала в гостиную.

Визитеры, коих насчитывалось пятеро, оказались теми людьми, которых особенно рада была видеть Марья Николаевна. Несмотря на костюмы, в кои те были ряжены: гусара, татарчонка,

дворника, медведя, венецианского дожа, — догадаться о том, кто скрывается под нарядами, труда не составило. Все гости прибыли из имения Образцово, отстоявшего на двадцать пять верст от Никольского, и представляли обитавшую там богатую и хлебосольную фамилию К-ных.

Именно там, в Образцове, в семье К-ных, провела свое детство графиня Марья (и две ее старшие сестры). Именно там нашли они кров, заботу и пищу — а порой и обиды, горести и слезы, доставляемые им старой и деспотичной бабулечкой, княгиней К-ной. С имением К-ных были связаны первые впечатления и опыты жизни Марьи Николаевны. Там учили ее чтению, французскому и музыке, там играла она в куклы и прятки, там… Ах, сколько больших и маленьких воспоминаний, радостей, вдохновений, открытий, связанных с Образцовом и его обитателями, хранила память юной графини!..

Она бросилась на шеи гусару и татарчонку — своим подругам, сестрам Соне и Наталье К-ным. Легким поклоном головы приветствовала троих молодых людей (дворника, медведя, венецианского дожа), притом щеки ее при виде мужчин (а может, лишь одного из них) вспыхнули пунцовым цветом.

Тут явился в гостиную успевший переодеться старый адмирал. При виде гостей, особенно мужской их части, лицо его на мгновение исказила гримаса неудовольствия и даже досады, однако благовоспитанность победила, и граф приветствовал соседей с истинно русским радушием.

У Павла Ивановича имелась веская причина не любить если не всех представителей семьи К-ных, то, по крайней мере, двоих из числа святочных визитеров.

Один из них, француз Лагранж, давно стал в Образцове своим человеком и воспринимался уже как член фамилии. Он был учителем княжеских дочерей, Сони и Натальи, а также их старшего брата Николая. А заодно обучал и трех сестер — бедных родственниц: Марью, Елену, Ольгу. Что заставило его прибыть в холодную Россию — никто доподлинно не знал. Романтически настроенные особы утверждали, что в пору французской революции тридцатого года он выступил против герцога Орлеанского, будущего короля Луи-Филиппа, и потому был принужден бежать из страны. Но злые языки утверждали, что причиной его бегства явилось шулерство, коим на родине промышлял француз, — однако никаких тому подтверждений не имелось, а карт

Лагранж и вовсе не брал в руки. Как бы то ни было, в семействе К-ных учителем оказались довольны. В отличие от многих своих малообразованных соотечественников, прибывших в Россию в поисках легкого заработка, Лагранж, по счастию, был подлинным энциклопедистом. Вдобавок он обладал счастливым искусством донести, в занимательной и легкой форме, широту своих познаний до юных воспитанников. Детей он учил не только языку, чистописанию и математике. Лагранж преподавал им азы стихосложения, музыкальной гармонии, живописной композиции. А сколько часов проводили они в прогулках по парку и близлежащим лесам, составляя гербарии, наблюдая и описывая повадки птиц, зверушек, насекомых! Сколько книг, порой опасно волнующих, прочли барышни благодаря рекомендациям француза!

Немудрено, что едва ли не все воспитанницы — и Соня с Натальей, и бедные сестры — были по-детски влюблены в своего учителя. Они соперничали между собой за его внимание и похвалу, что, с одной стороны, льстило Лагранжу и смущало его, а с другой — способствовало его педагогическим успехам.

Помимо глубоких знаний и приятных манер,

француз обладал весьма выразительной внешностью: бритое лицо, хищный нос, пронзительный взгляд из-под кустистых бровей. Неудивительно, что при виде его трепетали сердца не только юных воспитанниц, но и дев на выданье, и даже благородных матрон, добродетельных матерей семейств.

Личность учителя пленила в свое время в самом нежном возрасте и Машеньку. Месье Лагранж явился для Марьи Николаевны первой и невысказанной любовью. Ах, сколько слез она, десятилетняя девочка, пролила от невозможности ни понять, ни объяснить, ни выразить свои чувства. Сколько часов провела в сладкой истоме, предаваясь мечтаниям о его поцелуях — и о том, как однажды он подхватит ее на руки, подсадит в карету — и они ускачут далеко-далеко, только вдвоем, и *он* будет держать ее за руку!..

О своем детском увлечении французом она после замужества, смеясь, поведала графу. Марья Николаевна считала, что меж супругами не должно быть секретов ни в настоящем, ни даже в прошлом. Павел Иванович добродушно и снисходительно выслушал рассказ юной жены, но сердце его, против воли, царапнула в тот момент ревность, и хмурая тень омрачила чело…

Однако у Павла Ивановича имелись изрядные основания ревновать к другому гостю. Николай, старший сын К-ных, стал Машиной подлинной первой любовью. (О ней юная графиня, старавшаяся быть перед мужем честной во всем, до донышка, также поведала супругу.) И если детская влюбленность в Лагранжа была для Маши вполне невинной, то увлечение Николаем стало истинным чувством.

Оно оказалось разделено. Влюбленные таили его и от домашних, и от самих себя — но все ж таки оно прорывалось: и в лучистых взглядах, которыми они порой обменивались, и в нечаянных касаниях рук, когда они сидели над книгой или разбирали ноты, и в прогулках по парку, когда оба, словно случайно, отставали от общества и оказывались наедине. Наконец состоялось решающее объяснение…

Николай стоял перед Марьей на коленях и молил стать его женой. Он говорил, что завтра же явится к своей матери и попросит благословения на брак — а если вдруг княгиня К-на не пожелает составить его счастья, тайно увезет Машу и обвенчается с ней. Один лишь поцелуй выпросил Николай у бесприданницы. (И мысль об этом случившемся в прошлом поцелуе, о котором

рассказала Маша, до сих пор раскаленным углем язвила сердце Павла Ивановича: как тяжело! Его жена, графиня О-ская, когда-то любила другого…) Да, она любила Николая! Но, плача, тогда отказала ему…

Барышни, в отличие от мужчин (те бывают обычно полностью ослеплены любовью), все-таки хорошо понимают практические последствия каждого своего «да» или «нет». И Марья Николаевна ясно осознавала в тот незабываемый момент объяснения, к каким гибельным разрушениям всего уклада может привести ее брак с Николаем. Дела семьи К-ных были к тому времени полностью расстроены. Имение перезаложено. После смерти старого князя ни маменька Николая, ни его деспотичная бабушка не имели ни воли, ни умения для того, чтобы вести хозяйство. Управляющие обманывали их. К-ны не могли отказаться от своих широких привычек: балов, приемов, визитов, подарков, нарядов. Деньги утекали как вода в песок. Спасти положение могла лишь женитьба единственного сына Николеньки *на деньгах*. Брак с бесприданницей Машей поставил бы крест на надеждах К-ных возродить мощь фамилии. Семья оказалась бы на грани разорения. Юная Марья Николаевна хорошо это понимала.

И справедливо полагала, что едва ли маменька благословит Николая на брак с нею. А жениться тайком, без родительского одобрения, означало обречь себя и будущих детей едва ли не на нищенское существование. Да и не могла Маша поступить столь дерзко и неблагодарно с семьей, которая дала ей и ее сестрам все: и любовь, и заботу, и образование…

И в тот памятный момент, скрепя сердце, обливаясь слезами, Марья Николаевна решительно отказала Николаю.

На следующий же день княгиня К-на, возможно почувствовав сердцем любовную связь сына с бесприданницей, а может быть основываясь на сообщениях *шпионов* из числа дворни, немедленно отослала его в полк. Через три дня после объяснения он, не смея перечить матери, уехал, обливаясь слезами. Плакала и Маша, сказавшаяся больной, не вышедшая прощаться и из-за занавесок в гостиной наблюдавшая со сжимавшимся сердцем, как Николай садится на коня, как родные и дворовые провожают его…

А спустя полгода к юной Марье Николаевне посватался старый граф О-ский. После отъезда любимого сердце юной девы молчало. Отставной адмирал был для нее, бесприданницы, выгодней-

шей партией. К тому же Павел Иванович слыл благородным, ученым, милым человеком. Его седины, его стать, его манеры пришлись барышне по вкусу. Конечно, она не любила его — но он хотя бы был ей не противен. К тому же своим замужеством она устраивала и свою будущность, и, в определенном смысле, будущность обеих своих сестер и избавляла семью К-ных от тягот опеки над тремя приживалками.

С тех пор, а минуло уже три года, Марья Николаевна ни разу не виделась с Николаем и не писала ему. Ей стало казаться, что она вполне полюбила пятидесятилетнего графа. Она глубоко уважала Павла Ивановича. Ей никогда с ним не было скучно. Он не докучал ей капризами, но, в свою очередь, выполнял все ее прихоти. Чего же боле? Какой еще любви вам надобно, когда речь идет не о юном кипении крови, а о тихой семейной жизни?!

И вот — снова явился *он.* Тот, известия о ком Маша получала лишь кружным путем, через сестер К-ных, а встречи с ними тоже случались нечасто… Маша жадно всматривалась в мужчину, которого некогда любила. (Костюм медведя почти не скрывал его лица.) Николай возмужал. Черты лица его загрубели. Но глаза смотрели

столь же упорно и вдохновенно… Марья Николаевна поспешно отвела взгляд. Кто знает, каким чувством наполнилось в тот момент ее сердце!..

Наконец последним гостем, не знакомым никому из О-ских, был маленький, кривоногий, волосатый мужчина, ряженный в костюм дворника. То был полковой командир Николая, храбрец, игрок и жуир Евгений Л-ской. Николай пригласил его погостить в своем имении. Вечно в долгах, не имевший ни кола ни двора, Л-ской охотно принял приглашение хлебосольного семейства и уже успел, судя по взглядам и репликам, которыми он обменивался с сестрами К-ными, стать у них своим.

Л-ской был представлен графу и графине.

Явление в гостиной Павла Ивановича на минуту смешало азарт и веселье. Однако общее смущение длилось недолго. Старый граф заставил себя стать гостеприимным, залучился добродушием. Подали шампанское. Слуги расставили на столе закуски, кушанья и графины с наливками. Началась непринужденная беседа.

Машенька ненадолго исчезла — а явилась уже в костюме аглицкого матроса (один из многочисленных подарков, собранных ее супругом во время кругосветных странствий). Вместе с нею

в гостиную впорхнули сестры, Елена и Ольга, также успевшие наспех принарядиться в подобие карнавальных костюмов.

Принесли гитару. За нее взялся Лагранж. Потом его сменил Николай, не менее искусный музыкант. Он заиграл «Барыню», а немолодой Л-ской, раскрасневшийся от вина и общества пяти прехорошеньких юных дев в возрасте от двадцати пяти (Елена) до шестнадцати (Соня), пустился в пляс сам и принялся приглашать барышень и Марью Николаевну.

Веселье вспыхнуло пуще прежнего. Полковник Л-ской совершал уморительные прыжки. Лагранж представлял величавого венецианского дожа, пригласив на менуэт самую старшую из барышень, Елену. Лицо последней сияло от удовольствия. «Гусар» и «татарчонок» (Соня с Натальей) стали танцевать вальс, да запутались в шальварах и едва не грохнулись, вызвав всеобщий взрыв хохота, прежде всего своего собственного.

Затем принесли ножницы, веревочку, колечко — и молодежь принялась играть. Дух веселья и карнавала разлился по гостиной. Даже слуги, переменявшие блюда, задерживались в дверях и с улыбкой, отчасти снисходительной, наблюдали

за господами.

И только отставной адмирал сидел в одиночестве за столом над своим бокалом. Он наблюдал за танцующей, играющей молодежью — и по лицу его была разлита зависть к чужой безмятежной юности и грусть по почти минувшей жизни… Впрочем, светлая печаль его была все ж таки отчасти приправлена ревностью. Своими дальнозоркими глазами, со стариковской проницательностью, он безошибочно подмечал, кто чем занят в гостиной, кто с кем говорит и какие на кого взоры бросает.

Слава богу, его Машенька казалась абсолютно холодной и к Лагранжу, и, самое главное, к Николаю. Она, конечно, была приветлива с ними обоими и даже кокетлива, как требовал того карнавал, — но в меру, как со старыми добрыми друзьями. «Да! *Там* если и было что — давно поросло быльем!» — уверился адмирал, утишая собственную ревность.

Тем паче учитель, к примеру, не выказывал к его юной супруге никакого интереса. Он оказывал явные знаки внимания ее старшим сестрам, Елене и Ольге, — причем, с французской галантностью, сразу обеим. Графу даже пришла было мысль, что одна из сестер может составить

Лагранжу партию. Конечно, брак с французом-учителем станет явным мезальянсом, но, что называется, за неимением гербовой… А он ведь собирается дать за сестер жены (Машенька упросила) хоть небольшое, но приданое. При экономном хозяйствовании на скромное существование Лагранжу с супругой хватит… Нет, нет! Замужество с учителем-иностранцем — вещь невозможная, оборвал свои размышления граф. Что скажут и о нем самом, и о его супруге в обществе? Только одно: так спешили сбыть с рук засидевшуюся девицу, что отдали ее первому встречному, человеку без роду без племени, без состояния! Нет, решительно сказал себе Павел Иванович, о браке с Лагранжем нечего и думать.

В то время Николай, его сестры — Соня и Наталья, а также милая Машенька и кривоногий гусар составили другой кружок. В нем беспрерывно раздавались взрывы хохота, причем царил среди молодежи бравый полковник — в сущности, ненамного их старше. Павел Иванович снова с удовольствием отметил, что его юная супруга не выказывает ни смущения, ни волнения, находясь рядом с предметом своей девичьей страсти. Да, она поглядывала на Николая и смеялась его шуткам, но гораздо большее внимание уделяла гусару

Л-скому. Вдруг заметив, что граф сидит в одиночестве, Машенька совершила то, что наполнило его душу тихой радостью. Она подбежала к нему и, низко склонившись над ухом, прошептала: «А ты знаешь, я ведь люблю *тебя,* мой Пашенька…»

И эти сладкие слова, обращенные к нему, стали последними, которые слышал адмирал в своей жизни… Он еще переживал это короткое объяснение в любви — любви спокойной, зрелой, уверенной; еще радовался тому короткому признанию, которое не променял бы на все вздохи страсти и горячечные клятвы… Как бы желая полнее прочувствовать объяснение, граф отпил из своего стакана… И вдруг схватился за горло, захрипел, а потом и повалился без чувств прямо на навощенный паркет…

Произошло всеобщее замешательство, которое сменилось судорожным движением всех присутствующих. К лежавшему на полу графу бросилась Машенька. Она рухнула на колени и приподняла голову супруга, обхватив ее руками. «Пашенька! Пашенька!» — шептала она, однако старый адмирал оставался без чувств. Лишь хрип доносился из его горла, а на губах запузырилась пена.

— Пустите, Марья Николаевна. — Лагранж решительно отстранил графиню и сам склонился

над умирающим. Судорога прошла по телу графа. Голова его со стуком ударилась о пол. Пена на губах выступила еще обильней, сменилась рвотой — а через секунду Павел Иванович перестал дышать.

— Он умер, господа, — молвил учитель, распрямляясь.

Крик «Не-ет!» раздался в гостиной. То кричала Машенька. Она снова пала перед супругом на колени, обливаясь слезами.

В дверях показалась перепуганная дворня. Общество в волнении и растерянности сгрудилось поодаль распростертого на полу тела графа и плачущей рядом с ним графини. И тут Лагранж тихо проговорил — по-французски, чтобы не поняли слуги:

— Знаете, что, господа? Граф — отравлен.

Прошло три месяца.

21 марта 1840 года

Из письма Пьера Лагранжа, домашнего учителя семьи К-ных, своему другу и коллеге в Москву (писано по-французски)

«…невзирая на то, что все *ryajenye*, присутствовавшие в тот момент в гостиной, не сомневались, что бедный граф стал жертвой отравления, нами решено было сохранить сей факт в тайне,

дабы не бросать тень на почтенные семейства, представители коих оказались замешаны в столь отвратительные обстоятельства. Домашний врач К-ных, ничтожный пьяница, констатировал смерть О-ского от апоплексического удара. Разумеется, никакого вскрытия и исследования мертвого тела не проводилось. Старый адмирал был отпет в домовой церкви и похоронен на Никольском кладбище. Прекрасная юная вдова соблюла на тризне все правила приличия — была бледна и непрерывно плакала. Ее сердечный друг гусар Николя, обоюдная страсть которого с графиней ни для кого не являлась тайной, благоразумно держался от нее на приличном расстоянии и лишь изредка бросал на свою Мари пламенные взоры.

Вскоре огласили завещание графа. Как и следовало ожидать, все огромное состояние Поль О-ский оставлял своей супруге. В одночасье вдова становилась одной из богатейших женщин Русской империи! Воистину! Одно мановение руки! Потребовалось лишь взять с полки склянку с ядом и влить его в бокал бедной жертве, доверчивому мужу, — и она обеспечила всю свою будущность! Миг — и графиня стала свободной и богатой, а следственно, счастливой.

Ты спросишь меня: отчего я уверен, что коварной преступницей явилась именно Мари, а не кто-то иной находившийся в тот вечер в зале? Я много размышлял о сем предмете — и теперь уверен в своем выводе. Мне помогли две великие науки, логика и психология, а также истории интриг и отравлений, начиная с Древних Афин и семейства Борджиа, и методы знаменитого нашего сыщика месье Видока, и книга мсье Офила “Яды и общая токсикология”. Все это поспособствовало найти разгадку преступления, невольным свидетелем которого я оказался.

Мне (и последующее завещание сие доказало) было очевидно, что единственным человеком, кому выгодна смерть старого графа, является его супруга. У нее имелся мотив — наследство и устранение старика-мужа. Ей было доступно орудие преступления. Буфет, в коем хранились различные яды, привезенные графом из его странствий, запирался на ключ, а его легко мог получить любой из проживающих в доме. Добавим, что именно графиня, вдова и наследница, последней подходила к бедному графу. Ничто не мешало ей в тот момент тайком влить в стакан супруга смертельное зелье.

Кроме того, напомню тебе, что на протяжении

многих лет я являлся учителем Мари. Должен сказать, что меня всегда восхищала изощренность и изворотливость ее ума, даже в девичьем возрасте острого как бритва. Ей хорошо давались естественные науки. Она увлекалась изучением природы и даже, как мне живо припомнилось после злодейского преступления, горячо интересовалась у меня всевозможными ядами и способами их воздействий.

Но зачем, спросишь ты меня, убийца пошла на преступление не в тишине усадьбы, наедине со своим несчастным супругом, а, напротив, во время нечаянного праздника, когда гостями их дома стали мы пятеро? Полагаю, именно в том и заключался ее дьявольский план. Смерть в тишине всегда вызывает подозрения. Когда свидетелем кончины человека — пусть старого, но физически крепкого — является одна лишь жена да, быть может, ее родные сестры, кривотолков не избежать. А тут гибель произошла, как говорят русские, *na miru, pri vsem chestnom narode*. Только благодаря своей наблюдательности и учености один я заметил расширившиеся зрачки умиравшего графа, судороги в его мышцах, обратил внимание на пену и рвотные массы, шедшие из его горла… Иначе русские, невысоко

образованные, особенно в естественно-научном смысле, и не заподозрили бы отравления. Баре солидарно, убеждая друг дружку, заключили бы, что гибель графа произошла от самых естественных причин.

Кроме того, Мари, пошедшая на преступление в присутствии стольких свидетелей, имела, полагаю, одновременно и другую цель. Ведь если бы обстоятельства сложились для нее несчастливо и началось-таки расследование об отравлении мужа — что, конечно, маловероятно в столь дикой стране! — она сумела бы приписать собственное злодейство кому-то из нас, тех, кто делил с покойным графом его последнюю трапезу. Помимо того, у графини-убийцы нашлись бы и заступники, и благоприятные для нее свидетели. Элен и Ольга, присутствовавшие в зале, — ее родные сестры. Конечно, они, если бы потребовалось, дали бы обеляющие злодейку показания. В часы карнавала Мари, надо полагать, не без умысла, успела очаровать полковника Л-ского. Вряд ли он, дамский угодник, также не встал бы на защиту столь очаровательной особы. Софи и Натали К-ны — подруги Мари с детства. А Николя… Что ж, Николя — ее возлюбленный, не смевший жениться на бесприданнице лишь по причине ее

ничтожного материального состояния. Теперь же, после столь счастливого (для него) устранения старого графа, он единым махом получит и его жену, и его деньги! Естественно, если бы подозрение вдруг пало на возлюбленную Николя, он, как настоящий шевалье, не просто защищал бы даму сердца. Он мог быть настолько благороден, что взял бы преступление на себя… Сей вариант, полагаю, также держала в уме преступница…

Ты спросишь меня: а почему я не допускаю, что убийство мог совершить Николя? Ведь ему, при условии будущей женитьбы на Мари, тоже выгодна смерть графа… Однако за время, пока Николя был моим учеником, я сумел составить о нем полное впечатление. Юный князь К-н бесхитростен. Он настоящий офицер — прямой и честный. Думаю, его привела бы в ужас одна лишь мысль о коварном преступлении. Кроме того, Николя пробыл в полку более трех лет. В усадьбе несчастного графа он (как, впрочем, и я) ранее никогда не бывал. А ведь для убийства требовалось заранее прознать, где хранятся яды, и раздобыть ключи от шкапа, в котором они помещались… Нет, Николя решительно не убийца…

Кто ж еще мог бы претендовать на сию роль? Смехотворно записывать в убийцы пугливых,

словно овцы, сестер-бесприданниц Элен и Ольгу. Слишком уж они трепетали пред графом, своим благодетелем. Кроме того, его смерть была им невыгодна, ведь Павел Иванович собирался составить их счастье — вывезти в Москву, выдать замуж — и даже обещал пусть небольшое, но приданое.

Может быть, отравительницей стала одна из сестер К-ных? Сложно поверить… Ни у Софи, ни у Натали не имелось ни малейшей причины ненавидеть О-ского, ни малейшей заинтересованности в его гибели.

Может — рассмотрим совсем уж невероятную версию, — убил кто-то из слуг? Тоже исключено. Русские *krepostnye* — столь забитые и невежественные существа, что одна мысль поднять руку на «доброго барина» привела бы их в ужас…

Итак, пользуясь методом исключения, заключаем еще раз: убийца — Марья Николаевна!

Что являет собой смерть графа, так сказать, с медицинской точки зрения? Я попытался, исходя из симптомов отравления бедного Павла Ивановича (а я воочию наблюдал их), определить, какой из ядов дала ему коварная отравительница. Вряд ли то был мышьяк: гибель от него, как описывают, более продолжительна и мучительна. Скорее

всего, причиной смерти стал яд органического происхождения. Возможно, один из недавно открытых химиками алкалоидов: морфий, или же атропин, или стрихнин. Впрочем, не сомневаюсь, что на планете существует и множество других, неизвестных пока современной науке ядов, и они также могли входить в коллекцию адмирала, которую он собрал в своих многочисленных странствиях. К примеру, есть свидетельства путешественников, что туземцы Южной Америки добывают из желез обитающих там лягушек-древолазов сильнейший яд — он способен даже в самых ничтожных дозах привести к мгновенной смерти… Ну это к слову…

Кроме того, против Марьи Николаевны имеется косвенная улика: уже после похорон несчастного графа мне довелось бывать в доме О-ских. И что же? Злосчастный шкап в гостиной был на месте, диковинные штуки за стеклом — тоже, однако ядов среди них не оказалось! Мне сказывали, что графиня велела заложить их в свинцовый ящик и закопать в тайном месте в саду. Возможно, конечно, то была простая предосторожность, дабы более никто не воспользовался, случайно или намеренно, заморской отравой. Однако скорее, я думаю, сей жест стал попыткой изба-

виться от веревки, служащей новоявленной леди Макбет напоминанием о повешенном. Или, что вероятнее, желание скрыть любые связанные со злодеянием улики.

Нет, нет! Никаких сомнений! Мари было ради чего стараться. Три года назад из нищей барышни, живущей благодеяниями деспотичных дальних родственников, она превратилась в графиню О-скую. Теперь, злодейски отравив мужа, она явилась свету богатой и свободной гранд-дамой. И, я не сомневаюсь, она скоро обретет полное счастье со своим возлюбленным Николя — или другим юным и смазливым охотником за приданым!..»

Прошел год.

2 января 1841 года

Из письма вдовы, графини Марии Николаевны О-ской, другу своей юности Николаю К-ну, адресовано из Москвы в полк

«Итак, минул ровно год со дня ужасной смерти моего Пашеньки. Так же, как тогда, сегодня морозно, солнечно, весело. Тройки с ряжеными носятся по улицам Москвы, всюду смех и восклицания… Вот и закончен мой формальный траур, однако душа моя не перестает скорбеть… Я обещала дать ответ тебе ровно через год после

гибели Павла Ивановича. Я постараюсь быть честной пред тобой.

Ты умоляешь меня выйти за тебя замуж. Милый Николенька! Четыре года тому назад, когда я была почти ребенком, твоя любовь была для меня отрадой. Когда ты на коленях просил моей руки — один Бог знает, как мечтала я тогда быть с тобой! Как хотелось мне воскликнуть “да!” и какое напряжение душевных сил потребовалось, чтобы отказать тебе!.. Отказать — лишь во имя твоей семьи и той безграничной благодарности, которую я испытывала (и испытываю) ко всем вам: маменьке, сестрам, бабуленьке, покойному князю. Чувство долга оказалось тогда сильнее — но, боже мой, как же я страдала!..

Однако время проходит, и меняет мир, и меняет нас. Замужество с графом, от которого я сперва не ждала ничего для себя хорошего, лишь отвращения и покорности, было, как видится мне сейчас, самой счастливой порой моей жизни. Бесконечная ласковость и приязнь покойного Павла Ивановича, его достоинство, живой ум и доброе расположение духа поначалу внушили мне уважение, вскоре его сменила любовь. Мне нравились часы и дни, которые мы проводили вместе, когда он уезжал по делам, я хандрила,

когда раздавался вдалеке колокольчик его тройки, я радовалась и бежала к нему навстречу… И если прибегнуть к поэтическому сравнению, мое давнее чувство к тебе я бы уподобила жаркому факелу, который на короткий миг осветил мое тягостное существование. Однако он, увы, померк в моих глазах в свете яркого, ровного и ясного солнца, которое осветило всю мою жизнь с графом.

Прости, Николенька! Прости! И сейчас я — опять! — не могу ответить тебе согласием. Ты скажешь: но ведь граф мертв — а жизнь продолжается. Да, мой Пашенька ушел от меня. Но я до сих пор помню его. Каждое утро я встречаю мыслью о нем. Каждый вечер я провожу в молитвах о его душе…

Но не только память о покойном графе мешает мне отдаться тебе. Я знаю: мое замужество, особенно с тобой, станет в глазах общественного мнения еще одним свидетельством моей вины. Да и ты будешь немедленно зачислен людской молвой в злодеи.

А ведь существование мое и без того ужасно. Слухи о том, что граф был отравлен и именно я подала ему смертельное снадобье, широко распространились в обществе. Не в силах долее оставаться в месте, где произошла трагедия, я

переехала в Москву. Однако и сюда доползла ядовитая молва о преступнице, отравительнице Мари О-ской! Ко мне не делают визитов. Мною манкируют на балах. Многие в свете открыто отказываются принимать меня. Говорят, что по Москве даже распространяются подметные письма, в которых меня называют злодейкой. Дело дошло до того, что даже дворовые уже шепчутся за моею спиной и отказываются мне служить!

Ты вряд ли поймешь всю глубину моих страданий. Лишившаяся самого дорогого мне человека, оклеветанная, я нахожу спасение лишь в чтении Евангелия и молитвах. Ты пишешь, что сумеешь своей заботой и любовью исцелить мои раны. Нет! Я знаю: меня не сможет утешить ни один человек, ни один мужчина. Даже ты, Николенька.

Поэтому я приняла решение — удалиться от мирской жизни. Завтра, да, завтра я еду в Д*** пустынь. Мир был жесток и несправедлив ко мне — но я не держу на него зла. Испытания, обрушившиеся на меня, были необходимы. Они понадобились, чтобы я совершила правильный выбор. И я — выбрала. Выбрала не суету света, а свет души. И я буду молиться за этот мир, за всех вас — и за тебя, Николенька, конечно, тоже, как за одного из самых дорогих мне людей.

Свое имение и дома я распорядилась продать, средства, полученные от них, и состояние, доставшееся от графа и теперь нимало мне не нужное, велела разделить на три части. Первая и вторая отойдут, поровну, моим сестрам Елене и Ольге. Третью же часть я завещала передать твоей маменьке, княгине К-ной, в память о ее благосклонности и доброте. Надеюсь, эти деньги помогут вашей семье наладить расстроенные дела, а впоследствии устроить счастье моим названым сестрам Наташе и Соне — да и тебе, Николенька.

Прощай же! Прости за все.

Твоя Мари».

…Минуло более чем полтора века. Давно истлели в могилах косточки всех участников той давней святочной истории. Как же сложилась их судьба? Об этом мы можем судить по крупицам: из обрывочных слухов, темных преданий, дошедших к нам из позапрошлого века, и кратких записей в архивах.

Мария Николаевна О-ская постриглась в монахини под именем Марфа. Она провела свою жизнь в трудах и молитве, снискала уважение и любовь сестер и тихо угасла, с улыбкой на устах, на восемьдесят пятом году жизни, успев увидеть

зарю столь несчастливого для России двадцатого века.

Князь Николай К-н в лето, последовавшее за своим вторым неудачным сватовством к Марии Николаевне, в августе 1841 года был убит в перестрелке с черкесами близ селения Ведено.

Обе его сестры, Соня и Наташа, вышли замуж и прожили каждая долгую и счастливую жизнь. Они обзавелись многочисленным потомством. Известно, например, что Соня скончалась в городе Харькове в 1891 году, в окружении четверых детей, одиннадцати внуков и одной правнучки. (Именно она, та самая правнучка Сони, стала, в свою очередь, нашей прабабушкой — через которую эта история дошла, почти через два века, до нас.)

Евгений Л-ской, полковой командир Николая, вскоре после гибели своего молодого друга вышел в отставку, женился на прехорошенькой вдовушке, осел в ее имении в Псковской губернии, хандрил, пытался писать мемуары, стрелял вальдшнепов и отдавал должное настойке, в приготовлении которой его супруга достигла истинного совершенства, — от нее и помер, в 1856-м, на сорок четвертом году жизни.

Елена, старшая сестра Марии Николаевны,

получив от ушедшей в монастырь сестры гигантское состояние, неожиданно для всех вышла замуж за француза-учителя Лагранжа. Не успело шокированное общество осмыслить сие скандальное известие, как молодые уехали в Париж. С ними отбыла и сестра новобрачной Ольга.

Жизнь их во Франции сложилась, как сказывали, несчастливо. Лагранж пристрастился к игре и дурным женщинам. Он промотал большую часть состояния обеих сестер и через три года, преследуемый полицией, сбежал в Южную Америку, прихватив все драгоценности жены. Елена в расстройстве заболела горячкой. Доктора объявили, что надежды нет.

Елена на смертном одре причастилась. В последней своей исповеди она покаялась батюшке в самом тайном грехе своей жизни. Говорят, она написала покаянные письма и Софье, и Наташе К-ным. (Инокиня Марфа в своей обители в переписку не вступала.) Однако письма к сестрам до наших дней не дошли, и мы излагаем содержание последней исповеди Елены Лагранж своими словами, как передала нам его прабабушка.

…Я была влюблена в него как кошка. Давно и взаимно. Еще с тех пор, когда жила с сестрами в семействе К-ных, а Лагранж был нашим учи-

телем.

Мы встречались с ним тайно. Никто не знал о нашей связи.

Потом — какой удар по нашей любви! — мы оказались с ним разлучены. Мария вышла замуж за графа О-ского. Нам, вслед за нею, пришлось переехать в дом адмирала.

Однако моя страсть к Лагранжу не угасала. Встречи наши, после того как мы с сестрами переместились в Никольское, стали редки. У Пьера не было повода делать нам визиты. Мне нечасто удавалось вырваться из дома. И тем сильнее крепло мое чувство. Я не владела собой…

Пьер говорил, что наша любовь обречена. Мы никогда не сможем быть вместе. Если только… Если только я не стану хозяйкой своей собственной судьбы. Лагранж исподволь внушал мне, сколь счастливо может перемениться наша жизнь, когда бы… Когда бы старый граф умер. «Твоя сестра никогда не забудет тебя и даст позволение на наш брак. И мы обеспечим свое счастье и вместе уедем», — говорил он мне.

Однако Павел Иванович был здоров и крепок. Его естественной кончины нам пришлось бы дожидаться долгие годы. И тогда Лагранж — клянусь, я была как в тумане! — стал убеждать

меня отравить старого графа. Благо заморские яды имелись в избытке в шкапу Павла Иваныча в гостиной, а ключ к нему был легко доступен. Я отказывалась наотрез.

Но потом… Старый адмирал повелел нам всем после Крещения отправиться в Москву — с тем чтобы выдать нас с Ольгой замуж. Это означало неминуемую разлуку с любимым — навсегда. Сердце мое разрывалось от мысли, что мы расстанемся.

И тогда я согласилась действовать. Я была как в дурмане. Правда, я наотрез отказалась своей рукой влить в питие графа отраву. Я лишь пообещала Лагранжу добыть один из заветных пузырьков.

Чтобы предварительно проверить действие ядов, француз однажды тайно, покуда Павел Иванович вместе с Машей и Ольгой были на прогулке, проник в наш дом. Я сказалась больной, мы остались с ним наедине, и я передала возлюбленному несколько снадобий.

Впоследствии он испытал их и указал мне, какое из зелий даст немедленный, безболезненный результат — и смерть адмирала покажется всем естественной.

Именно Лагранж в тот святочный вечер убе-

дил молодых К-ных и полковника отправиться в виде ряженых в наш дом.

Когда веселье было в разгаре, мой возлюбленный незаметно влил снадобье в стакан графу. Павел Иванович упал замертво. Это было ужасно!

Однако нас никто не заподозрил…

А Лагранж умело, подметными письмами, шепотками и наветами, убеждал общественное мнение, что виною смерти графа стала вдова, моя сестра Маша. Я тысячу раз готова была ей открыться. Однако меня удерживала любовь к Лагранжу — ведь в случае моего признания неминуемо пострадал бы и он.

В итоге Пьер с помощью интриг добился своей цели. Не в силах вынести позора, Мари удалилась в монастырь. Треть огромного состояния она оставила мне.

Наконец-то моя мечта сбылась! Мы с Лагранжем обвенчались и уехали в Париж…

Однако деньги и любовь, добытые ценою убийства и позора, не принесли мне счастья…

Ах, Маша, простит ли она меня?.. Умолите за меня сестру о прощении… Простите и вы, бедный Павел Иванович… Скоро, совсем скоро и я отправлюсь туда, где пребывает ваша душа…

Господи, прости и помилуй мя, грешницу…

Татьяна Устинова

Ангел пролетел

В ординаторской нарядили елочку, искусственную и немного кособокую, залежавшуюся с прошлого года в коробке. Глеб, взгромоздившись на шаткий пластмассовый стул, прицепил наконечник, грузно спрыгнул, и некоторое время все любовались необыкновенной красотой. За окном густо и бесшумно валил снег, главврач Шумаков прихлебывал кофе и вздыхал, а больше никаких звуков не было слышно. Даже лифт не гудел.

На елке вздрогнул и прозвенел колокольчик.

— Ангел пролетел, — тихонько сказала Маша, и все как будто украдкой оглянулись по сторонам, не увидят ли пролетевшего ангела. Только Шумаков не оглянулся, продолжал пить свой кофе и разгадывать кроссворд.

Ему было наплевать на всех ангелов в мире, такая уж у него была натура. Не романтическая.

А примерно в два часа дня в палате интенсивной терапии умер пациент. «Примерно» потому, что, когда дежурный врач заглянул в палату, медсестры на месте не было и больной уже не дышал какое-то время.

Поднялась некоторая паника, впрочем не

слишком активная: пациент был уже стар — и на благополучный послеоперационный исход никто особенно не надеялся.

Прибежал «сам Шумаков», который и делал операцию, и расстроился: операция была проделана блестяще, он очень старался — и, когда все удалось, как-то поверил в то, что и дальше все будет хорошо.

А больной взял и умер.

— Да что вы так расстроились? — то ли удивилась, то ли посочувствовала операционная сестра Нонна Васильевна, сворачивая провода и отцепляя датчики. — Он уж свое пожил, а вы все равно молодцом, Дмитрий Антонович!

Вот это самое «все равно молодцом» окончательно вывело Шумакова из себя.

Он саданул дверью, послал к такой-то матери санитарку, которой не повезло попасться ему по дороге, засел в ординаторской и закурил, чего никогда себе не позволял.

В дверь заглядывали, но зайти никто не решался.

Он выкурил три сигареты, методично бросая бычки в чью-то кружку с остывшим чаем — они всплывали и, коричневые от чая, болтались на поверхности. В раздражении схватил трубку

непрерывно звонившего телефона и грохнул ее на стол рядом с аппаратом, швырнул на кушетку оставленный кем-то из дам в кресле пуховый платочек, от которого несло табаком и сладкими духами, и зарычал, когда дверь снова приоткрылась.

— Дмитрий Антонович…

— Вам чего?

— Там… пришли. К этому… к покойному. Вы… выйдете или сказать, чтобы обождали?..

Шумаков посопел носом, и медсестрица — от злости и тоски он позабыл ее имя — поглубже спряталась за дверь.

— Почему меня так раздражает слово «платочек»? — мрачно осведомился он.

Медсестрица в дверях сморщилась, понимая, что сейчас произойдет нечто страшное и предотвратить или остановить это никак нельзя, словно надвигающийся поезд. И переспросила жалобно:

— Что?.. Какое слово?

Напрасно она переспросила!

Впрочем, даже если бы не переспросила, изменить все равно ничего было бы нельзя.

— А такое слово! — заорал Шумаков, будто только и ждал этой возможности. — Вот такое вот слово, черт бы вас взял!.. «Платочек», мать

вашу!.. Разбросали, как… как в будуаре! Это что?! Больница или бордель?!

— Я не знаю, — пропищала медсестрица и заплакала за дверью, — я не знаю, что вы такое говорите, Дмитрий Антонович…

— А вот об этом я говорю! — Он вскочил, двинул стол и опрокинул стул. Платочек валялся на кушетке, он сдернул его, скомкал и швырнул, но почему-то не в медсестрицу, а в сторону окна. — Развели тут, черт возьми, всякие дортуары, а что больные мрут, нам плевать, да? Куда дежурная сестра из реанимации подевалась? Елочку пошла наряжать?

— Да не знаю я! — провыла медсестрица. Она утирала щеки и украдкой посматривала в коридор, не идет ли кто на помощь. Никто не шел, все знали, что главному нужно «выпустить пар».

Главный очень трепетно относился к своим больным. Он пришел в коммерческую медицину из Института Склифосовского и сильно отличался от закормленных молодых врачей, которые точно знали, что работа — это просто работа. Вот зарплата, вот премия, вот выходные с праздниками, а вот материал, с которым надо работать. Ну и какая разница, что материал этот — люди? Люди тоже материал!..

— Сестры на месте нет, по кушеткам у нас платочки валяются, а родственникам о смерти я должен сообщать, да?

— Дмитрий Антонович…

— Да идите вы!.. Срочно ко мне дежурного врача и эту дуру, которая из реанимации ушла! А родственникам скажите, чтобы ждали меня!

— Может, Глеб Евгеньевич скажет…

Медсестрица работала не первый день и, несмотря на свое безутешное горе из-за несправедливости главного, интересы свои все-таки соблюдала.

Главный поорет, успокоится, но запомнит, что она о нем в трудную минуту заботу проявила, предложила Глеба на амбразуру послать!..

— Не надо ничего, и идите вы отсюда уже!..

Платочек валялся на полу, отравлял ему жизнь.

Он знал: вскоре ему станет очень стыдно, что он так орал, просто нестерпимо стыдно — и придется как-то извиняться перед медсестрицей, имени которой он так и не вспомнил, и уговаривать совесть, и унимать гадливость по отношению к себе самому.

Он снова закурил, свирепо косясь на платочек, потом встал, поднял его и швырнул на кушетку.

Ему казалось, что руки у него тоже воняют сладкими духами.

Узнал бы чей, убил бы!..

При мысли о смерти его опять всего перекосило, он двинул кресло, задел ножку стола, стол дрогнул, на нем закачалась искусственная елочка в горшке, украшенная тем, что он мысленно называл «фунтиками» — крохотными, затянутыми в фольгу коробочками как бы для подарков. Шумаков замер. Елочка покачалась-покачалась, повалилась и задела кружку, в которую он швырял окурки. Перехватить ее он не успел. Кружка медленно, как бы нехотя, наклонилась, Шумакову даже показалось, что на миг замерла в таком положении — он зажмурился, — и с грохотом упала.

— ...!

Чай, смешанный с окурками, выплеснулся на стол, залил истории болезней, журнал и клавиатуру компьютера.

Шумаков кинулся спасать истории. Спас, сорвал с крючка полотенце и стал судорожно промокать воду. Собрал в горстку окурки и ногой нащупал под столом педальку мусорки с откидной крышкой.

Он кинул окурки, мельком глянул внутрь, и

крышка захлопнулась.

Что-то там, внутри мусорного ведра, показалось Шумакову подозрительным, и он снова нащупал ногой педальку. Крышка послушно поднялась, как будто пасть распахнулась.

Три мокрых скрюченных окурка лежали сверху на полупустом медицинском пакете. Обыкновенный пакет, в котором бывают препараты для капельниц, — прозрачный полиэтилен, черные буквы.

Главврач Шумаков сдвинул прямые темные брови, отчего сделался похож на филина, подумал секунду, нагнулся и вытащил пакет. Окурки один за другим тихо попадали в мусорку.

Шумаков изучил пакет и даже вытер его ладонью.

Именно этот пакет с физраствором поставили больному, который умер примерно в два часа. Он знал это совершенно точно, потому что буквы внизу были как будто чуть-чуть смазаны, словно печатная медицинская машина пошла немного вкривь. Он его и принес дежурному врачу — и тогда же заметил смазанные буквы.

Что-то не так. Что-то явно не так.

Шумаков еще раз посмотрел на буквы, сунул пакет в карман и вышел из ординаторской. Не-

большая компания, стоявшая в конце коридора — две сестрички и три молодых коммерческих дарования, — завидев его, засуетилась и, как мираж, растворилась в коридорной тишине и сиянии люминесцентных ламп. Никому не хотелось встречаться с главным.

В отдалении хлопнула дверь за последним из рассосавшихся.

Боком Шумаков ощущал некое холодное движение, словно в кармане что-то переливалось. Там переливался медицинский пакет, наполовину наполненный жидкостью.

Хотел бы он знать, *что именно* поставили больному вместо безобидного физраствора!

Он распахнул дверь в оперблок и заглянул по очереди в одну и во вторую операционную. В первой никого не было, а во второй кто-то пел чудесную песню.

— Маленькой елочке, — пел кто-то в операционной, — холодно зимой. Из лесу елочку взяли мы домой…

Новый год не просто подступал все ближе и ближе, он обложил со всех сторон людей, учреждения, кафешки, троллейбусы, автобусные остановки и дома. Кругом были поразвешаны лампочки, веночки и гирляндочки, расставлены

елочки и фигуры в шубах. Шумаков думал про фигуры, что это Снегурка со Снегурком.

Он не любил Рождество — и Новый год тоже не любил.

— Нонна Васильна! — позвал он, и его голос эхом отозвался в кафельном пространстве оперблока. — Вы где?

Куплеты про маленькую елочку смолкли, и из двери во вторую операционную выглянула санитарка Люся.

— А!.. Дмитрий Антонович! Вам чего?

— Мне чего? — поразился Шумаков.

— В смысле… вам чего… угодно?

Люся была санитаркой «старой закалки».

В старину санитарок специальным образом закаляли так, чтобы они ненавидели всех больных, врачей, медсестер и свою работу. Для того чтобы закрепить это ценное для санитарок состояние, им мало платили, а работу поручали тяжелую и неблагодарную. С тех самых пор так и повелось — раз санитарка, значит, «старой закалки».

Люся на самом деле была добрейшей души женщина, очень исполнительная и трудолюбивая. Шумаков ее ценил, даже специально выписал из Склифа, когда ударился в «капиталистическое производство», то есть в коммерческую

медицину. Люся долго сомневалась, уходить или оставаться, но с уходом Шумакова на прежнем месте работы стало совсем худо, и она решилась. Зарплата на новом месте у нее выходила раз в пять больше, а работы было раз в тридцать меньше. Да премии, да вежливое окружение, да еще чистенькие, богатенькие больные и их душевные родственники! И никаких ножевых и пулевых ранений, и никаких топоров в спине, и никакой рвоты и кровищи на сверкающем полу, но Люся все же иногда вздыхала и печалилась: из Института Склифосовского, где все заняты спасением человечества, почти никто и никогда не уходил в коммерческую медицину.

Шумаков тоже временами вздыхал и печалился, но по секрету от Люси.

— Так чего вам угодно-то, Дмитрий Антонович?

— Где Нонна Васильевна?

— Да хто ж ее знает?

Он передразнил:

— Хто знает?

Люся удивилась:

— Так я не знаю. Я тута… прибираюсь маленько.

Шумаков зашел. Умерший его пациент был

накрыт с головой белой простыней.

«А что, Дмитрий Антонович, — спрашивал он перед операцией и потирал сухие старческие руки — бодрился, — сыграем мы с вами в шахматишки после наркоза или уже тогда у вас на меня времени не останется?»

Никакой капельницы рядом с трупом не было. То есть вообще никакой.

Шумаков стиснул кулак. Зря он вспомнил про «шахматишки».

— Люся, ты капельницу убрала уже?

Санитарка разогнула спину и подперла рукой бок. Вид у нее стал задумчивый.

— Капельницу-то? Так не видала я при ем капельницы. Не знаю, где она. А ведь должна быть-то, а, Дмитрий Антонович?

То, что капельница должна быть, Шумаков и сам знал, без Люси.

Они оба оглянулись. Шумаков налево, а Люся, опершись на швабру, так что щеку стянуло в сторону и вверх, направо.

Капельницы не было.

Сердце у него похолодело. Он, врач, знавший о человеческой анатомии все, физически ощутил, что с левой стороны стало значительно холоднее, чем с правой.

— Кто мог капельницу убрать?

— Да хто же знает, Дмитрий Антонович! Нонночка, может, или Глеб Евгеньевич, или Марья Петровна, или Сергей, а может, и Виктор Васильевич…

Вряд ли кто-то из врачей или сестер унес капельницу с собой в кармане, быстро подумал Шумаков. Ох, вряд ли.

Следовало что-то сделать, а что именно, он решительно не знал.

О таких вещах он читал в детективах или видел в кино, когда по вечерам мирно засыпал под какой-нибудь сериальчик.

Мало того что рядом с больным никого не было, так еще и капельница пропала! И медицинский пакет с физраствором он нашел в мусорном ведре в ординаторской.

Час от часу не легче.

Всей своей железобетонной докторской сущностью Шумаков сопротивлялся мысли, что пациента могли… могли…

Он даже додумать до конца никак не мог.

Он сунул руку в карман хирургической робы, нащупал там пакет с жидкостью и заставил себя додумать.

Его пациента не могли убить. Это ерунда ка-

кая-то.

Или могли и это не ерунда?..

— Чтой-то вы говорите, Дмитрий Антонович?

Он задумчиво посмотрел на санитарку и вышел.

Милицию вызывать? ФСБ, ЦРУ, ОГПУ, МВД и Центризбирком?

Он вышел неправильно. Ему нужно было во внутренний коридор, а он попал в центральный, где на полу, как и положено коммерческому и процветающему учреждению, лежали ковровые дорожки, стояли дивной красоты фикусы и горели яркие лампы. На диване из кожзаменителя сидела молодая дамочка, стискивая на коленях крохотную красную сумочку, а рядом с ней высился незамысловатый молодой человек в пальто до полу.

Шумаков выскочил прямо на них и замер. Они тоже воззрились на него.

Отступать было некуда.

В кармане трепыхнулся медицинский пакетик.

На елке, стоявшей в углу, звякнул колокольчик.

Ангел пролетел, подумал Шумаков. Кажется, так говорят, когда колокольчик звякает.

— Доктор, здравствуйте, — энергично начал молодой человек, вынимая руки из карманов и несколько театрально касаясь дамочкиного плеча. — Ну, как наши дела?

Шумаков постоял в отдалении, а потом пошел к ним. Он шел мимо поста, и Галя, которая дежурила сегодня, даже голову от бумаг не подняла.

Они не могут, подумал Шумаков про весь мир. Они не могут, только я один могу!

Он шел прямо на них и не знал, что будет делать, когда дойдет.

Сколько раз это было. Сколько раз он говорил себе, что больше ни за что и никогда. Сколько раз все начиналось сначала.

Он подошел и остановился.

— Что наш дорогой Петр Елизарович? Мы можем рассчитывать, что Новый год будем встречать всей семьей?

Дамочка посмотрела Шумакову в лицо и спросила совершенно спокойно:

— Дед умер?

Шумаков кивнул.

— Сегодня?

Он опять кивнул.

— Около двух, — не спросила, а констатировала она. — Я поняла.

Молодой человек зажал в зубах какой-то очередной бодрый вопрос и уставился на дамочку.

— Катя, — пробормотал он, так и не прожевав как следует вопрос, — что ты… что такое? А вы?! Что вы такое говорите?! Утром нам сказали, что все в порядке!

— А в два часа он умер, — жестко, жестче, чем нужно, сказал Шумаков и глянул на Катю.

Что именно она поняла? И как?

— Наш дорогой… он не мог… да я на вас в суд… да нам по телефону…

— Замолчи, — приказала Катя. Она вдруг сделалась очень бледна и потянула с шеи шарф, как будто он душил ее.

— Да как вы можете!.. Да это же внучка! Вы не знаете, с кем связались!..

— Замолчи, — повторила Катя строго. — Мы… я могу… пойти к нему?

— Ты не должна, — моментально отозвался молодой человек. — Это же больница, а не… зал прощаний!

Потому что ее спутник верещал так активно, и еще потому что Катя была все так же бледна и он чувствовал ее нервозность так, словно попал в электрическое поле, Шумаков решился:

— Да. Можете. Я проведу вас. Только придется

раздеться и надеть бахилы.

— Благодарю вас, — светским тоном изрекла Катя, как будто он пригласил ее на мазурку.

— А вы кто? — вдруг спросил у нее Шумаков. — Можно узнать для начала?

— Вы что? Вы отдаете себе отчет, с кем говорите?!

— Меня зовут Екатерина, я внучка Петра Елизаровича. Вы разговаривали с моей мамой, Ириной Петровной.

— Да, — согласился Шумаков. — Ирину Петровну я помню.

Молодой человек фыркал безостановочно. Фыркал и закатывал глаза.

Шумаков понимал, почему он фыркает и закатывает.

Екатерина Рождествина была наимоднейшей телевизионной ведущей, ее мать Ирина — наимоднейшим дизайнером, а покойный дедушка — писателем, хоть и не самым модным, но получившим однажды Нобелевскую премию по литературе.

Он, хирург Шумаков, угробил нобелевского лауреата. Только и всего.

Он приказал принести бахилы и смотрел, как телевизионная «звезда» натягивает их на туфли.

Она была в туфлях — среди зимы! Туфли были не очень чистыми — видно, вышла из машины и попала в снег. Зато лакированные башмаки молодого человека сверкали.

За это сверкание Шумаков возненавидел его еще больше.

«Звезда» отдала Гале, вынырнувшей из своего закутка, пальто и сумочку и пошла за Шумаковым, очень старательно глядя прямо перед собой.

Они прошли через несколько дверей, повернули и оказались в оперблоке.

— Подожди здесь, — приказала Катя своему спутнику, когда Шумаков открыл дверь. — Не ходи за мной.

Он начал было возмущаться, но, как показалось главврачу, с облегчением остался в коридоре.

Шумаков пропустил ее вперед, подвел к каталке и вышел в другую дверь: не было никакого смысла торчать рядом с ней, и неловко ему было, и маятно, и совесть его мучила!..

Она вышла довольно скоро — минут через семь, он только прикурил вторую сигарету. Он курил в коридорное окно, вздыхал и мучился.

— Дайте мне сигарету.

— У меня только «Честер».

Она наконец на него взглянула, и он вдруг понял, какое у нее горе. Самое настоящее горе.

— Мы все знали, что рано или поздно это случится, — сказала она негромко и выдохнула дым в окно. — Но все равно надеялись, что дед будет жить вечно. И как это он так нас подвел! И что? Сердце?

— Сердце, — согласился Шумаков, ненавидя себя. — И возраст.

Она согласно кивнула. Она же не знала, что в смерти ее деда виноват именно он, Шумаков!

— А… вы его любили?

— Он меня вырастил, — ответила она просто. — А почему вы спрашиваете?

— А этот… урод в коридоре, он кто? Ваш муж?

Ему даже в голову не пришло, что так спрашивать неприлично. Что «урод» и впрямь может оказаться мужем, да еще горячо любимым, да еще чудесным во всех отношениях человеком!

Врачи бестактны и циничны — кажется, именно так принято думать?

Катя Рождествина усмехнулась.

— Он мой жених, — пояснила она. — Очень перспективный во всех отношениях.

— Оно и видно, — пробормотал Шумаков.

Она больше ничего не сказала. В молчании они

докурили, и Шумаков закрыл окно.

— Я вас провожу.

Она кивнула. Ее самообладание ему нравилось. Она облегчила ему самую трудную часть работы.

Шумаков проводил их до охраны и постоял, глядя, как они идут за стеклами: она взяла спутника под руку — и они о чем-то говорили, о своем и неслышном. Он не имел к ним никакого отношения — и все же имел.

Потому что знал то, чего они не знали. Потому что в кармане у него лежал медицинский пакет.

Охранник Коля сказал с удовольствием:

— А я ее только что по телику видел. Она программу ведет… эту… как ее… «Свобода выбора». Про политику всякую и про знаменитостей. Красивая тетка, да, Дмитрий Антонович? И маленькая такая! В телике она высоченная, а на самом деле…

— Ты не заметил, никто из наших не выходил сегодня? С утра? — задумчиво спросил Шумаков.

— Зачем?

— Ну… так просто.

Охранник пожал плечами:

— Да все выходят, Дмитрий Антонович.

— Да не все! Я никогда не выхожу, когда дежурю!

— Это верно.

— Ну? Выходил или нет?

— Ну Глеб Евгеньевич выходил. Нонна Васильна выходила. Мария Петровна выбегала. Она вернулась быстро, а Нонна долго была, ее водитель привез. Куда-то за подарками они ездили, что ли?

Шумаков думал: кто-то поменял больному препарат. Физраствор оказался в мусорке, значит, поставили другой препарат, от которого остановилось сердце. Это ужасная мысль, но единственно возможная. Сердце было изношенным и старым. Особенного ничего не нужно, простимулировал как следует, и оно не выдержит. Встанет.

Оно не выдержало и встало.

Капельница исчезла.

Глеб, Нонна Васильевна, которая ушла сегодня с поста, оставив больного помирать в одиночестве, и Маша, Мария Петровна. Кажется, она сегодня дежурит. Или Витька дежурит, Виктор Васильевич?..

Потирая ладонью щеку, он думал.

Кто и зачем мог желать смерти его больному? Кто и зачем мог его… убить?

Глеб мелькнул в конце коридора, и Шумаков

его окликнул.

— Да не виноват никто, — издали начал Глеб, подходя. — И ты не виноват, ты же операцию сделал как бог в Одессе!

Иногда он выражался странно.

— Нонны почему в оперблоке не было?

— У нее спроси, — сказал Глеб, подойдя. — Мало ли куда отлучилась! Она же к стулу не привязана!

— Она медицинская сестра.

— А я клятву Гиппократа давал, — сообщил Глеб. — И ты давал. И что из этого?

— Капельницу из второй операционной ты забрал?

Глеб помолчал.

— Дим, — проникновенно начал он после паузы, — на кой ляд мне сдалась капельница из второй операционной? Из первой тоже не нужна. А что? Пропала?

Шумаков кивнул.

Расследование не клеилось. И как это в кино все получается так складно и ловко, и хочется самому непременно что-нибудь расследовать, и кажется, что ты умнее всех?!

— Ты куда сегодня ездил?

— Ты чего, Дмитрий Антонович? Я понимаю,

пациент у тебя… того, но ты отчет-то отдавай себе…

— Я отдаю себе отчет! Куда ты ездил, я тебя спрашиваю!

— Шурке подарок покупал, — сообщил Глеб мрачно. — Или нельзя в рабочее время?

— Можно, — морщась, сказал Шумаков, — все можно.

Он обошел Глеба и ушел в сторону ординаторской. Глеб смотрел ему вслед.

Никаких подарков в шкафчике у Глеба не оказалось.

Ни пакетов, ни свертков в красно-зеленых рождественских бантах. Зря он наврал так… топорно. Проверить ничего не стоит.

Машины у Глеба не было, а в раздевалке у них шкафчики как в детском саду — ни замков, ни дверок. Все вокруг колхозное, все вокруг мое.

Шумаков, оглядываясь, как крыса на помойке, рылся в чужих вещах.

Нет, гораздо хуже, чем в чужих: он рылся в вещах людей, с которыми работал долгие годы, которым доверял и которых любил. На самом деле любил.

И подозревал всех скопом.

Глеб наврал ему. Он не покупал никаких по-

дарков.

У Нонны Васильевны в пакете обнаружилась пластмассовая елочка со звездой, источавшая конфетные запахи, — детский новогодний сюрприз. Внуку прихватила, что ли? Внук у нее родился месяц назад, зачем ему конфеты?!

У Маши тоже обнаружилась пластмассовая елочка, а у Маши никаких детей вовсе не было.

В другой раз Шумакову были бы забавны эти елочки, а нынче он только больше ожесточился: его вдруг задело, что и Маша, и Нонна эти подарки… украли. Их еще даже не начали раздавать, он знает совершенно точно.

Их еще не начали раздавать, а они уже по своим шкафам растащили. И самое главное, цена им грош, а зарабатывают все хорошо — и все равно, все равно таскают!..

За дверью в коридоре кто-то громко запел про елочку, и Шумаков замер в раздевалке, оскалившись, как та самая крыса.

Он должен найти ответ на все вопросы.

Он не сможет работать, если не найдет.

Песня про елочку приближалась.

Шумаков метнулся к своему шкафчику, выудил из кармана куртки новую пачку сигарет — подкладка вывернулась, затрещала, — пошел

к двери и в коридоре столкнулся с Машей.

Это она пела про елочку, которой холодно зимой.

— Что это вы, Дмитрий Антонович, — спросила Маша, перестав исполнять песню, — уже вторую пачку начинаете?

У нее было прекрасное настроение.

— Маш, ты зачем сегодня из здания уходила?

— Что такое, Дмитрий Антонович?!

— Ты сегодня уходила? С работы?

Она потупилась.

— Ну и что?

— Да ничего. Зачем ты уходила? Или отпрашиваться теперь не модно?

— Да ведь на пять минут всего!.. И вы всегда отпускаете!

— Маша!

— Я булку выходила купить. К кофе. В буфете не было ничего, вот я и выходила.

У него немного отлегло от сердца.

Булка — в этом слове было что-то такое обнадеживающее, и успокоительное, и домашнее, и милое. Как и в самой Маше.

— А кто капельницу забрал из второй операционной?

— Да Лебедев забрал. Я видела.

Этого Шумаков не ожидал.

— Ты видела?!

— Ну да. Он по коридору ее катил. А что?

— Во сколько это было?

Маша посмотрела на него с сожалением, как будто на тяжелобольного, у которого нет никаких надежд на выздоровление.

— Я… не запомнила, Дмитрий Антонович. Но уж, конечно, после того как… Ну больной уже к тому времени умер, понимаете?

— Понимаю, — согласился Шумаков.

— А почему вы об этом спрашиваете, а? — поинтересовалась Маша. — Что-то случилось?

— Капельница пропала, — буркнул Шумаков, — а спросить не с кого. И с дисциплиной у нас беда. Все шастают куда хотят. Надо собрание провести.

— Давайте только после Нового года, а? — попросила Маша жалобно и улыбнулась. — Ну пожалуйста!.. Какая дисциплина, когда Новый год на носу!

Шумаков махнул рукой, сунул в карман сигареты, наткнулся пальцами на медицинский пакет и снова помрачнел.

Он уже скрылся за поворотом коридора, когда Маша проворно достала телефон и нажала одну-

единственную кнопку.

Сергей Лебедев был в ординаторской. Качал ногой и смотрел теннис. Он был большой аристократ, любил теннис и «Формулу-1».

— Куда ты капельницу дел?

— Какую капельницу, Дмитрий Антонович?

— Из второй операционной капельницу!

— А… больной поставил, которая в третьей палате лежит. Толстая такая. Как ее… Чуркина Тамара Григорьевна, вот как!

— Зачем ты из операционной капельницу взял?

Лебедев перестал качать ногой и насупился.

— В третьей палате своей нет, что ли?

— Да есть!

— Тогда зачем?..

— У нее держатель отвалился. Пакет не держится. Вот я и взял из операционной. А что такое-то? Нельзя, что ли?

— Нельзя! — заорал Шумаков. — Нельзя! Ты чего, первый день на работе?! Кто это из операционных капельницы хватает?

— Да я один раз только!

Вообще говоря, это было очень похоже на Сергея Лебедева. Если ему чего-то не хватало, он немедленно утаскивал это у соседей, на которых

ему было решительно наплевать.

Сергей как раз никогда не работал в Институте Склифосовского.

— А что там стояло, в этой капельнице, когда ты ее упер?

— Ничего там не стояло.

— Как — ничего?

Лебедев пожал плечами и одним глазом глянул в телевизор. Там разыгрывали матч-бол, как же пропустить-то?

— Ничего не было, Дмитрий Антонович. Точно тебе говорю. Я и сам удивился. Наверное, Нонна все сняла. Еще до меня. Да ты не переживай, что он помер, дедок этот! Мы же все знаем, да? Ты молодец, так красиво, как ты, все равно бы никто не сделал!..

Шумаков стиснул кулак, но удержался и ничем в Сережу Лебедева не кинул.

— Хочешь конфетку? Машка конфеты в вазу насыпала. А я ей говорю: «Убрала бы ты их от меня подальше, а то все сожру», а она мне говорит: «Хорошо тебе, а я на диете уже неделю. Одни яблоки ем. Мне ночью, — говорит, — шоколадка снится размером с дом». А я ей говорю: «Ну что ты себя так изводишь?! Ты вполне стройная и красивая девушка, мужики тебя и так любят», а

она мне отвечает…

На диете? Она только что сказала, что выходила булку купить, потому что в буфете ничего не было!

— …а если что, тебя Эдик Шихирман так красиво прооперирует, что будешь ты стройной и прекрасной, как…

Выходит, Маша тоже наврала.

Глеб не ездил за подарком, потому что его нет в шкафчике.

Маша не покупала булку, потому что она на диете.

Кто еще из близких и родных врет ему?

Недослушав Сережины излияния про Эдуарда Шихирмана, светилу пластической хирургии, на которого все без исключения молодые врачи хотели быть похожими, Шумаков вышел из ординаторской.

Он чувствовал себя гончей, которая «плохо работает поле».

Первым делом он завернул в третью палату.

Толстая Тамара Григорьевна Чуркина мирно почитывала романчик, а из капельницы ей в вену мирно капало какое-то обезболивающее. Завидев Шумакова, она заулыбалась и задрала на лоб очки. Шумаков тоже улыбнулся, сделал

вид, что проверил ее капельницу, и внимательно осмотрел ту, что была задвинута в угол.

Держатель на ней на самом деле оказался сломан.

Выходит, не врал Сергей Лебедев, сердцеед и бонвиван!..

Лучше бы врал.

Лучше бы он врал, а Глеб говорил правду.

Нонну Васильевну Шумаков нашел в переходе между оперблоком и палатами. Она отчитывала Люсю, санитарку, как известно, «старой закалки».

— Нонна, почему ты ушла от больного? — услав Люсю, спросил Шумаков. — Ты ушла, и он помер, черт побери!..

— Димочка, он бы и так помер, — сказала Нонна жалобно. — Ну ты же знаешь! Он был совсем старенький, мы ему даже хотели в операции отказать, анестезиолог хотел, ты же помнишь! А его уговорили, и операцию ты сделал… как всегда… ну что ты, Шумаков? Ну это же правда!

Она смотрела на него лукавыми глазами, вроде бы печалилась, а может и смеялась. У нее были лукавые глаза, светлые волосы, пышная грудь, на которой не сходилась ни одна роба, и прокуренный низкий голос.

Еще у нее недавно завелся внук, и она его обожала.

С Нонной он тоже работал целую вечность, как и с Люсей, и представить себе не мог, что она может… хладнокровно убить его больного.

Впрочем, что мы знаем о наших ближних?

— Кто капельницу ему менял?

— Никто не менял, Дим. Ты назначил, я поставила, и все. Больше не подходил никто. — Глаза у нее перестали смеяться, стали сосредоточенными и, кажется, даже потемнели. Она умела так серьезнеть, глазами. — Как можно!

— Откуда ты знаешь, что никто не менял, если тебя на месте не было?

— Да кому в голову взбредет у твоего больного капельницу менять? Ты же сам назначил!

Тому, кто собирался его убить, подумал Шумаков мрачно. Тому, кто его убил. Он не мог признаться Нонне в том, что безобидный препарат, который он назначил, он сам и нашел в мусорном ведерке в ординаторской.

— Я подарки получала, — сказала сестра осторожно. — Я каждый год получаю, ты же знаешь. Я и в этот раз получила. Себе взяла и Машке дала, она конфеты шоколадные обожает. Сейчас на диете, а потом, сказала, съест. На праздник. Гле-

бовой Шурке отдала…

— А где ты ее видела?

— Шурку-то? Она заезжала. А что?

— Ты ей только подарок отдала?

Нонна пожала плечами. Роба на груди поднялась и пошла складками.

— Я подарок, а Глеб пакет отдал какой-то. Сказал, чтобы не смотрела, там подарки. А что такое, Дмитрий?

Значит, Глеб все-таки покупал подарок. Все-таки покупал. Все в порядке. Он покупал Шурке подарок. Он так и сказал с самого начала, хотя не знал, в чем Шумаков его… подозревал.

— Нонна, а еще? — проскулил он жалобно. — Еще что-нибудь ты видела или… слышала? Что-нибудь странное или… подозрительное, а?

— Дмитрий, что случилось?

Он промолчал.

— Не знаю, — она пожала плечами. — Понятия не имею. И не пойму, чего ты хочешь-то от меня?

Про то, что в капельнице поменяли пакет, Шумаков не мог Нонне сказать.

И еще ему очень было жаль телевизионную «звезду» Катю Рождествину, которая жила с дедом и, кажется, очень его любила.

При мысли о Кате он моментально вспомнил ее

«урода» в кашемировом пальто и окончательно из-за этого расстроился.

Почему самые лучшие, самые красивые и самые нежные женщины всегда достаются уродам в кашемировых пальто?

Оставив недоумевающую Нонну в коридоре, он вернулся в ординаторскую, согнал Лебедева с кресла и открыл в компьютере данные на поступившего две недели назад Петра Елизаровича Рождествина.

Ему нужен был телефон.

Телефон он нашел.

Он работал у Склифосовского и никогда не позволял себе дамских штучек вроде нервности излишней или институтской робости, поэтому он позвонил.

Оскорбленный Лебедев выключил телевизор, повернулся спиной, сложил на груди руки по-наполеоновски и уставился в метель. В ухо Шумакову ввинчивались длинные гудки.

Би-ип. Би-ип. Би-ип.

Сергей сопел.

На елке вздрогнул и прозвенел колокольчик, и в это момент трубку сняли.

— Да.

— Это Шумаков, — сказал он быстро, — могу я

поговорить с Екатериной Рождествиной?

— Здравствуйте, — выговорили в трубке, — впрочем, мы сегодня уже виделись. Вы что-то хотите мне сказать?

— Я хочу поговорить о вашем дедушке. — Он специально говорил быстро, чтобы не было возможности отступить. — Боюсь, мне нужно… сказать вам… что…

— Что?

— Приезжайте, — предложил он, — приезжайте, и мы поговорим.

Она подумала какое-то время.

— Хорошо. Но не в больнице, если можно. Мне в больнице… плохо делается. Я подъеду, а вы выходите. У меня черная «Хонда». Джип.

— Я найду вас. — Тут вдруг Шумаков понял, что волнуется, как будто она назначает ему свидание.

— Через полчаса я подъеду.

Как он станет говорить ей, что деда убили? Как? Какие найдет для этого слова?

Он подошел к Сереже и из-за его плеча глянул в сад. Снег все летел и летел, и не было ему ни конца ни краю. Одинокий пес сидел под фонарем и мотал головой — стряхивал снег.

«Вот и я такой, — подумал Шумаков жалоб-

но. — Сижу под фонарем, и снег на меня сыплется, и никому я не нужен, и есть мне охота, и никто не берет меня к себе, потому что у всех уже давно есть прекрасные принцы в кашемировых пальто».

«Хонда» у нее. Джип. Ишь ты!..

Мысли были дикие, но от них главврач чуть не заплакал, за что очень себя осудил.

Сергей Лебедев молчал и сопел.

В коридоре произошел какой-то шум, голоса вплотную приблизились, дверь распахнулась, и ввалилась небольшая толпа — все его сотрудники, которых он любил и которым доверял. Один из них прикончил беззащитного послеоперационного деда, и нагревшееся доказательство этому отвратительно оттягивало карман его хирургической робы.

Лебедев оглянулся, заулыбался и перестал изображать Наполеона.

Вся толпа осталась у дверей: впереди Нонна с пакетом и бутылкой, за ней Маша, дальше высоченный Глеб, Люся «старой закалки», Виктор Васильевич, до которого Шумаков еще не добрался со своими вопросами.

— Дмитрий Антонович, — начала Нонна. — Хоть до Нового года еще две недели с лишним,

мы решили тебя сегодня поздравить. А то ты странный у нас какой-то, как в воду опущенный. Мы решили…

— Стоп, — сказал Шумаков. Скулы у него покраснели, и шее стало жарко. — Объясните мне, вы все объясните, как вот в это мусорное ведро попал этот пакет.

И он выхватил из кармана медицинский пакет и шлепнул его на стол. Пакет издал отвратительный звук.

— Именно этот пакет я поставил больному Рождествину. Кто его выбросил и зачем? Что вместо него капали больному?

В ординаторской сделалось тихо как в гробу.

Шумакову всегда казалось, что самое ужасное в гробу — это тишина и темнота.

— Ну?

— Дмитрий Антонович, — внутри этой тишины выговорила Маша, Марья Петровна, — это я выбросила. Я знаю, что это не по правилам, но… это я.

Опять стало очень тихо, и только звякнул колокольчик на елке.

«Ангел пролетел», — почему-то подумал Шумаков, а вслух сказал, и не сказал, а загремел даже:

— Ты? Зачем ты с капельницы пакет сняла?

— Так больной же… умер. Я и сняла. Мне Лебедев сказал, что капельницу заберет, потому что в третьей палате держалка отвалилась, и я ему эту освободила. А пакет здесь выбросила… потому что…

— Ну?

— Не кричи, Дмитрий, — распорядилась Нонна Васильевна. — Муж ей позвонил. Она с пакетом прямо сюда и прибежала, к телефону. Он в полярной авиации служит и вернуться должен был только в феврале. А он прилетел. Сюрприз сделал. Вот она к нему и помчалась как полоумная. Вернулась и всем конфеты свои пораздавала, из подарка. На радостях.

Шумаков шумно выдохнул.

— А мне почему не сказала? Наврала, что за булкой ходила?

— Да вы же всегда громче всех кричите, что на работе никаких личных дел, — пробормотала Маша и всхлипнула.

— Как тебе скажешь, когда ты у нас — гроза! — поддержал Глеб. — Я тебя сам боюсь. К Шурке на свидание чуть не в окно лезу, черт!.. На тебя попадешь — мало не покажется!

Шумакову стало еще хуже, чем было.

— Значит, ты сняла пакет, когда он уже умер?!

И никакой другой не ставила?

Маша посмотрела на него сочувственно и с некоторым подозрением, как на ненормального:

— А… зачем ему ставить, если он… умер уже?

Все разом зашевелились, словно выдохнули, и опять замерли. Нонна держала перед собой бутылку с шампанским как брандспойт.

— Давайте дернем по глотку, — предложил Глеб, вышел из-за Ноннина спины и шлепнул на стол, рядом со злополучным пакетом, полбатона толстой вареной колбасы в целлофановой обертке, — пусть у нас до праздников больше никто не помрет!

— Он умер просто потому, что умер, — в ухо Шумакову сказала Нонна Васильевна и поставила наконец свою бутылку. — Не переживай ты так, Дмитрий!

Когда он скатился с крыльца, черная «Хонда» уже стояла неподалеку. Снег сыпался, падал на капот и медленно таял. Катя Рождествина сидела на корточках рядом с передним колесом и гладила по голове давешнего пса. Пес был здоровый, худой, со свалявшейся, как будто лишайной, шерстью.

Шумаков поскользнулся на ступеньке, чуть не упал, она подняла голову и посмотрела на него.

— Он пришел поздороваться, — сказала она про пса. — Про жизнь рассказать.

— Рассказал? — спросил Шумаков глупо.

Она кивнула. Ее замшевая перчатка с тонкой золотой цепочкой на запястье была в мокрой собачьей шерсти.

Ветер налетел, приналег, пес зажмурился и отвернулся.

Катя поднялась и посмотрела на Шумакова.

— Вы хотели меня видеть? Что-то случилось?

— Ничего не случилось, — выпалил Шумаков, ужасаясь тому, что говорит, — просто я хотел сказать вам, что ваш дед был чудесный человек. Изумительный.

Катя погладила подсунувшуюся собачью башку.

— Это точно, — сказала она задумчиво. — Вы только за этим меня позвали?

Шумаков кивнул.

В жизни не попадал в такие идиотские положения.

Пес переступил передними лапами. Совсем замерз, наверное.

— Поехали? — вдруг спросила Катя Рождествина, телевизионная ведущая. — Вы мне поможете его вымыть. На маму никакой надежды, и живет

она далеко.

— Кого… вымыть? — не понял Шумаков.

— Его. — И она кивнула на пса. — Смотрите, какой грязный! Как же он будет в квартире жить?

— Вы хотите?..

— Его зовут Гриша, — торопливо перебила Катя. — По-моему, именно так его и зовут. Как вы думаете?

Шумаков посмотрел на пса. Пес посмотрел на него и вильнул хвостом со слабой надеждой.

— Пожалуй, — согласился Шумаков. — Пожалуй, Гриша.

— Ну уж точно не Вася, — заключила Катя и открыла дверь в салон своего джипа. — Садитесь.

Под самый Новый год метель опять разгулялась, и радостно было думать, что праздник уже наступил и можно никуда не спешить и валяться хоть до завтрашнего вечера. И на дежурство Шумакову только третьего числа — вот когда!

На елке вздрогнул и тоненько прозвенел колокольчик.

— Ангел пролетел.

— Ты в них веришь?

— А ты нет?

Он пожал плечами.

— Я не знаю.

— Почему?..

— Не знаю, и все тут. Я же врач. И некрещеный даже. Мать в церковь ходит, ставит свечку за меня, а я так… Фома неверующий.

— А я верю в ангелов, — помолчав, сказала она с убежденностью, которая его насмешила. — Особенно на Рождество. Знаешь, я как-то чувствую, что они где-то близко.

Он завозился, свесился с дивана и стал шарить по полу. На ковре должны валяться джинсы, а в них должны быть сигареты. Ему очень хотелось курить, а вставать не хотелось. Он шарил, и под руку ничего не попадалось, а потом попалось холодное, мокрое и мохнатое.

— Фу!.. — сказал он мокрому и мохнатому. — Фу, на место!..

Горячий и влажный язык немедленно облизал ему физиономию, пес радостно задышал прямо в лицо, и Шумаков быстрым коротким движением погладил лобастую башку, а потом оттолкнул.

Ему не хотелось, чтобы Катя видела, как он гладит. Он боялся показаться сентиментальным.

Погладив, он подтянулся и вернул себя на диван.

Она деликатно зевнула и спросила:

— Что ты там копался?

— Сигареты искал.

— Нашел?

Он помотал головой, уверенной рукой взял ее за шею и притянул к себе. Она прилегла и задышала, как давеча пес Гриша. Вот только облизывать его не стала, а, наоборот, вывернулась из-под руки и спросила:

— Принести тебе сигареты?

— Да ладно.

— Да не ладно! Ты же хотел!

— Ну хотел, но это же не значит, что ты должна за ними бегать!

— Почему? — Она выпростала ноги из-под одеяла, выражая немедленную готовность бежать куда угодно. Для него. Просто потому, что ему чего-то захотелось.

Сигарет, к примеру.

Он поймал ее за руку, уложил обратно в душистое и сухое тепло их общей постели и прижал покрепче.

Она некоторое время будто еще порывалась мчаться исполнять любое его желание, а потом притихла.

На елке вздрогнул и тоненько прозвенел колокольчик.

— Ангел пролетел, — сказала она.

Он лежал и думал: «Неужели мне так повезло? И неужели все это на самом деле так просто?»

Она лежала и думала: «Как мне повезло. Господи, спасибо тебе, кажется, вправду повезло!»

Пес лежал и думал: «Вот повезло-то. А еще и ужинать будем!»

Ангел летал и думал: «А мне-то как повезло! Работа была несложной».

Елена Бриолле

Подарок к смерти

Особняк де Вильре

Прозрачное небо к семи часам налилось темной синевой, и теперь снег хлопьями заметал город Люс. На фоне горных пиренейских хребтов город выглядел как каприз людей, которые решили остаться здесь вопреки логике природы. Однако жители привычно отстаивали свое право на жизнь в горах, и сегодняшним вечером в каждом окне мерцали свечи и керосиновые лампы.

Извозчик подъехал к старинному особняку семьи де Вильре и указал гостям на величественное каменное здание с резными деревянными ставнями и высоким дымоходом, из которого поднимались струйки дыма. Дом стоял на склоне и возвышался над городом, как черный страж.

Кристиан де Вильре первым соскочил на землю и потянулся. Мороз обжигал щеки, но молодой повеса стянул шапку, вдохнул зимнюю свежесть и весело проорал:

— Господа, добро пожаловать в нашу семейную конуру!

Со двора ему навстречу рвануло снежное обла-

ко, и второй гость с замороженными усами над шарфом из английской шерсти не сразу распознал в нем пиренейского горного пса.

— Беллент! Мой мальчик! — Пес прыгнул на Кристиана, и тот повалился в снег, радостно обнимая собаку. — Я тоже очень рад тебя видеть! Только будь умницей, не напугай наших дам!

— Мама, я боюсь! — Маленькая курносая девчушка прижалась к изящной женщине в белом манто, но та поцеловала ее в лоб и погладила по спине. — Все хорошо, этот пес — мамин друг! Он будет нас охранять ночью от злых духов!

Усач, укутанный в шарф, сноровисто подхватил один из чемоданов и подал руку последней гостье.

— Элизабет, прошу вас, пожалуйте за мной.

Элизабет Хардинг стянула автомобильные очки и в первую очередь вытащила за собой две пары лыж, словно весь остальной багаж для нее не представлял никакой ценности. Затем вся компания направилась в дом.

Пока старый слуга помогал дамам устраиваться на втором этаже, усач зашел в гостиную и опустился в большое мягкое кресло времен Наполеона III. На мраморной каминной полке лежала стопка аккуратно разрезанных конвер-

тов с письмами, чернильница с пером и набором для вскрытия писем. Мраморный камин был редкостью в таких городах, но, видимо, семья де Вильре могла себе позволить такую роскошь.

Усач подбросил в камин полено. Огонь радостно обхватил свою добычу яркими языками пламени. Бархатная волна тепла окутала гостиную. Гость вдохнул аромат хвои и смолы и развязал шарф. В его семье уже давно не собирались в семейном кругу на Рождество. С тех пор как умер отец, мать много играла по праздникам на пианино, а потом плакала. Он не очень любил в такие дни оставаться в Париже, и когда приятель по карточным играм Кристиан де Вильре пригласил к себе на Рождество в Пиренеи, да еще в компании двух прелестных дам, усач с облегчением согласился.

В углу до самого потолка возвышалась елка. Такие разлапистые дикие елки встречаются только в горах. В Париже бы она стоила целое состояние. Ее пушистые ветви украшали разноцветные бумажные ленточки и красивые стеклянные шары. Блестели колокольчики, фантики, в которые завернули орешки, конфеты и пряники, а между ними светились самодельные фигурки ангелочков с белыми фарфоровыми головками, растопыренными в разные стороны ручками и

локонами из овечьей шерсти. От свечей, привязанных проволокой к ветвям, исходил мягкий теплый свет, и даже ведро с песком, поставленное под деревом на случай пожара, не омрачало атмосферу приближающегося праздника.

На лестнице послышались шаги, и вскоре в гостиную влетел Кристиан де Вильре. За ним вошел статный пожилой господин с бакенбардами и пенсне и высокий человек в охотничьем костюме. По их одинаково нависающим векам, как у людей из семьи, в которой несколько поколений проживали в горах и щурились от яркого солнца, усач сделал вывод о том, что перед ним три последних представителя благородного семейства де Вильре. Они не заметили его присутствия.

— Кристиан, в приглашении говорилось, что мы собираемся 15 декабря, а вы приехали только сегодня. В следующий раз можешь вообще не приезжать! С тех пор как умерла мама, ты здесь почти не появляешься, — сказал старший брат. — Да, и кстати, своего карточного прихвостня и эту вздорную мисс Хардинг тоже оставляй в Париже. Нам в Люсе скандалы точно ни к чему, правда, отец?

— Крис, в этот раз ты действительно слегка перегнул палку, — прогундосил старик де Вильре

и подошел к столику у окна, чтобы налить себе стакан горького ликера «Суз». — Альберт с Терезой гостят у меня уже неделю, и…

— Ох, паńа, можно подумать, что твой Альберт с Терезой как монах с аскезой — никогда не играл в карты и не гулял, — парировал Кристиан.

— Во всяком случае, я никогда не тащил в родительский дом всякое отребье! — сказал Альберт.

В этот момент Кристиан заметил своего гостя в кресле у камина и, прыснув, ответил:

— Уж кто-кто, а мои гости — кто угодно, только не отребье, братец. Начнем с Мари: она на тебя работает! Мисс Хардинг приехала отдохнуть сюда так же, как и вы с Терезой.

— Я не говорю о Мари.

— А еще позволь представить тебе лично моего дорогого, очень дорогого приятеля…

Старшие представители семейства де Вильре повернулись и уставились на усача. Снег на его усах уже растаял, поэтому их концы свисали, как у небритого корсара. Отец глотнул еще ликера и улыбнулся, но тут за дверьми что-то прошуршало и в гостиную вошла юная девушка. Ее платье отдавало провинциальной модой на юбки со шлейфом, а по ее смущенному виду казалось, что это она здесь случайная гостья. Усач поклонился

и остановил взгляд на ее лице. Девушка тщательно припудрилась перед тем, как спуститься, но ее веки все равно распухли то ли от простуды, то ли от слез.

— Тереза, голубушка, садись, дочка! — выдохнул старик, пропуская девушку вперед. — Это невеста Альберта, — представил он ее усачу. — А это Альберт, мой старший сын, у него в Париже своя компания.

— Прошу прощения, мсье, — смутившись, сказал Альберт, посмотрев на свои часы. Такие часы в Париже стоили дороже, чем породистый скакун. — Мы вас не видели. Просто Крис ни разу не приезжал, чтобы не устроить какую-нибудь компроментацию, о которой потом шумит весь город!

— Можно подумать, что Люс — это город! Ты это слышал, приятель? — обратился Кристиан к своему другу. — Это агонизирующая в горах деревня, которую населяют соскучившиеся по настоящей жизни и молодости старики, охотники и пастухи!

При этих словах старший брат побагровел и вздернул подбородок, чтобы поставить младшего на место, но усач развел руками и примирительно сказал:

— Крис, мне здесь нравится: мы вдали от парижской суеты, ну что ты взъелся? Сам же мне по дороге расписывал, какой здесь прекрасный воздух!

— Господа, давайте я велю накрывать на стол, — тихо прозвенел голос Терезы. Девушка встала и на ходу продолжила: — Скоро уже девять, и спутники Кристиана наверняка утомились после долгой дороги. Мисс Хардинг также попросила пригласить на ужин господина Моро, я послала за ним.

— Охотника Моро? — переспросил Альберт. — Давненько мы с ним не виделись. Он все еще считает себя вдовцом?

— Да, мне рассказывали, что он так не оправился после самоубийства своей невесты и продолжает хранить верность ее памяти. Это дано немногим, — ответила Тереза и посмотрела на Альберта.

Альберт отвел глаза и рассеянно сказал:

— Невеста Моро действительно была красавицей.

Через полчаса в доме запахло сильным одеколоном: в гостиную зашел широкоплечий господин с бородой. На нем тоже был охотничий костюм, только, в отличие от Альберта, Моро не казался

охотником, а был им. По его манере двигаться и пронзительному взгляду можно было догадаться о том, что обычно он предпочитает не компанию высшего общества Люса, а дикую природу.

Глаза мисс Хартинг тут же загорелись, и она сразу засыпала Моро расспросами о снеге в горах, о том, как и на кого он охотится, о жизни в Люсе. Усач к их разговору не прислушивался, отметив про себя, что охотиться в Пиренеях можно разве что на белок.

Вскоре в гостиной накрыли на стол. На белоснежной скатерти возвышалось главное блюдо — запеченная индейка с каштанами, которые кухарка Аделин специально заказала в Лурде, чтобы удивить парижских гостей. В качестве гарнира она приготовила овощное рагу. Кроме того, на столе стояла фуа-гра, а на десерт Аделин подала датский десерт «Рисаламанде», рецепт которого ей принесла кухарка мэра города, — рисовый пудинг с миндалем и вишневым соусом. В конце на стол подали булочки с горячим шоколадом, и все сразу оживились от ароматов, наполнивших гостиную. Дочь Мари с аппетитом съела свой десерт и попросила у мамы разрешения выйти из-за стола, а потом затеяла возню с игрушками у елки.

— Мари, надеюсь, присутствие моего брата не только в парижской конторе, но и здесь, на отдыхе, не слишком вам досаждает? — спросил Кристиан.

Молодая невеста Альберта и его конторщица Мари одновременно покраснели.

— Ну что вы, — ответила Мари, — очень любезно с вашей стороны пригласить нас с Элизабет в Люс.

Элизабет Хардинг улыбнулась и добавила:

— Альберт, предлагаю поднять тост за твою семью и ваше гостеприимство! Мы с Мари решили, что это будет прекрасной возможностью подготовиться к Зимней пиренейской неделе.

— Подготовиться? — спросил, моргая, старик де Вильре. — Вы собираетесь вернуться в Пиренеи в феврале, чтобы посмотреть соревнования?

— Чтобы поучаствовать в них, папа́! — сказал Кристиан, наливая себе бокал глинтвейна. — Мисс Хардинг и Мари будут участвовать в прыжках с трамплина и в саночных заездах.

Альберт поперхнулся:

— В чем? Мари, вы это серьезно? Почему вы меня не предупредили? Прыжки с трамплина — это неприлично…

— Мы будем прыгать на лыжах, — ответила

мисс Хардинг. — Мы записались как первые женщины, готовые участвовать в прыжках с трамплина на лыжах!

— Что?! — Глаза Альберта расширялись все больше, а старик де Вильре в растерянности вытер лоб салфеткой.

— Господин де Вильре, — вмешался Моро, — мисс Хардинг попросила меня подготовить ее с подругой к выступлениям. Мы живем в прогрессивное время. Теперь женщины не боятся показывать, какие они сильные и бесстрашные…

— Моро, пока мисс Хардинг и Мари — гостьи нашего дома, они никогда не будут участвовать в таком скандальном для женщин мероприятии! — твердо заявил Альберт. — Как ты себе это представляешь?

— Альберт, сынок, не кипятись, — сказал, вздыхая, глава семейства. — Наверняка это новая проделка, которую придумал твой братец Кристиан.

— Нет-нет, на этот раз я здесь совершенно ни при чем! — поднял руки Кристиан.

— Господин де Вильре, — обратилась к Альберту Мари. — Там собираются участвовать женщины из разных стран, мы будем не одни, а

господин Моро подготовит нас для выступления. Вы только представьте, если мы займем призовое место. Об этом напишут в газетах, и для нашей компании…

— Об этом еще и в газетах могут написать? — переспросил Альберт.

— Все любители спорта соберутся на это мероприятие, братец: его организовывает «Туринг-клуб Франции», — сказал Кристиан. — Ты ведь не думаешь, что «Фигаро» и «Пети Паризьен» пройдут мимо? Как сказал мсье де Кубертен: «В спорте важна не победа, а участие, а в жизни — не завоевание, а достойная борьба!» Позволь нашим спутницам почувствовать дух эпохи, да, Тереза? — спросил Кристиан, подмигнув невесте Альберта.

Та в ответ опустила глаза и чуть слышно ответила:

— Альберт, думаю, что женщины тоже могут…

— Тереза, спасибо за твое ценное мнение, но вот что я вам скажу. Это дом де Вильре, самой благородной семьи Люса, и поддерживать его репутацию, Кристиан и дорогая мисс Хардинг, — наша обязанность. Если вы хотите участвовать в этом балагане, то нет проблем! Можете завтра переселиться в гостиницу — и участвуйте в чем

хотите.

— Мне тоже переселиться в гостиницу, мсье? С дочкой или самостоятельно? — с вызовом сказала Мари, резко снимая с себя шарф и подавая носовой платок дочери. Затем она вышла из-за стола и обратилась к девочке: — Жанна, пойдем, уже поздно. Тебе пора ложиться спать.

— Мама, нет, я еще поиграю!

— Пойдем-пойдем, милая.

В гостиной повисла неловкая тишина, которую нарушил Кристиан, обратившись к приятелю:

— Тебе все еще кажется, что семейный ужин — это гавань мира и покоя? Что думаешь?

— Думаю, что теперь самое время сыграть в бридж, — ответил усач. — Господа, не хотите присоединиться? Нам нужно еще два человека. Господин Моро? Мсье де Вильре? Мисс Хардинг?

— Простите, — сказал Моро, — благодарю за гостеприимство, но мне пора.

— Хорошего вечера! — сказал Ленуар, кивая.

— Моро, не будь таким занудой! Тебя все равно дома никто не ждет! — подкрутил усы Кристиан.

Моро бросил на него тяжелый взгляд и встал из-за стола.

Залитый кровью шарф

На следующее утро снег накрыл белым полотном весь Люс. Город, казалось, погрузился в сладкую дрему. Однако в особняке де Вильре ровно в семь пятнадцать утра раздался крик, разбудивший весь дом.

— Господи, господи, помоги! — причитала кухарка, громко стуча в дверь главы семейства. — Мсье де Вильре, Альберт, он там, идите скорее…

Усач растолкал Кристиана, валявшего у него на диване, а потом быстро сбежал вниз по лестнице. За ним в гостиную вошел растрепанный мсье де Вильре, потом мисс Хардинг и Тереза. Когда туда вбежал Кристиан, в комнате снова стало тихо. Перед камином во весь рост лежало неподвижное тело Альберта де Вильре. Рукой он сжимал у горла залитый кровью шарф, но глаза его уже не двигались.

— Сынок, мальчик мой, — упал перед трупом на колени старик де Вильре. На указательном пальце его правой руки было пятнышко крови: наверное, уже успел запачкаться. — Ты меня слышишь?

— Папа́, не надо! — закричал Кристиан.

— Что? Это же Альберт, твой брат! Прочь отсю-

да! Все прочь отсюда!

— Не трогай его. — Кристиан схватил отца за плечи и попытался усадить на стул, но тот сопротивлялся.

— О нет! — Тереза прижала руку к груди и тяжело задышала, опускаясь в кресло. — О нет!

— Что здесь произошло? — спросила мисс Хардинг.

Усач оперся на спинку кресла и громко сказал:

— Здесь произошло убийство, господа! Кристиан прав, не трогайте тело.

— Да кто вы такой, чтобы указывать в моем доме, что мне делать? — закричал на него старик.

— Папá, это Габриэль Ленуар, мой парижский товарищ и большой любитель карточной игры, — тихо сказал Кристиан и повернулся ко всем присутствующим. — Только я не сказал вам, что его основной вид деятельности — это сыск… Он работает агентом парижской префектуры полиции в отделе краж и убийств. Не трогайте тело. Черт побери, Альберт… Что же теперь делать?

Ленуар обвел глазами гостиную. Казалось, что все вещи, кроме стола, оставались здесь нетронутыми со вчерашнего вечера: стол убрали еще вчера, на камине все так же лежали письма, чернильница и перо, в углу стояла наряженная

елка…

Тут в дверях появилась Мари. Она ахнула и быстро закрыла глаза дочери.

— Пойдем, милая, — сказала она испуганным голосом. — Сходим в город, купим для всех сластей…

— Мари! — окликнул ее Ленуар и повернулся к окну. В его голубых глазах блеснули лучи утреннего солнца. — Прошу, никуда не выходите! Альберт…

Тут дочка Мари отодвинула мамину руку и большими глазами посмотрела на тело.

— Мама, он умрет? Все будет хорошо?

— Да, все будет хорошо, милая. Пойдем в город. Скоро откроются все магазины, мы прекрасно проведем время.

Ленуар еще раз попросил никого ничего не трогать и подошел к Мари. В этот момент девочка натягивала сапожки и схватилась за штору, чтобы не упасть. Штора качнулась, и Ленуар увидел, что одно из квадратов окна у входной двери было разбито и на ковре валялись осколки.

— Осторожно, не порежьтесь! — заметил он, подходя к окну.

— К нам сегодня забирались воры, мама? Это были злые духи, которые напали на дядю Аль-

берта? А нас защитил Беллент? — спросила пятилетняя кроха.

— Да, милая. Беллент нас спас! — выдохнула Мари, обнимая девочку.

— Но я не слышала сегодня ночью, как он лаял! — сказала малютка.

— Ему не нужно лаять, чтобы защищать дом. Ему достаточно появиться перед вором, улыбнуться во всю свою пасть, и тот сразу исчезает! Вот так! — Мари серьезно посмотрела на девочку и так страшно оскалилась, что дочка залилась смехом.

Ленуар накинул свой толстый шарф, и они все вместе вышли на порог, где он снова их остановил. Ко входной двери вели две дорожки свежих следов.

— Прошу, не наступайте на следы, выходите на дорогу справа, вдоль сугробов, — сказал он Мари с дочкой, и та быстро потянула ребенка прочь из дома, в котором только что произошло убийство. — Мари, только никому пока ни о чем не рассказывайте!

Молодая женщина кивнула и через минуту скрылась за воротами.

Ленуар огляделся. Вокруг было тихо. Он обошел дом, остановившись у разбитого окна. Странно,

но снаружи к окну не вели никакие следы. Если вор разбил окно, чтобы его открыть и пробраться внутрь, то почему нет следов? Даже если их замело снегом, должны были остаться неровности, но все вокруг было покрыто чуть подмороженной снежной коркой. Ленуар разрыхлил снег под разбитым окном. На земле заблестели большие куски стекла. Но если здесь валяются крупные осколки, а под окном внутри — только мелкие стеклышки и мокрые пятна от растаявшего снега, то это значит, что окно разбили изнутри! Получается, что «вора» не было, а Альберта убил один из гостей особняка де Вильре. Ленуар хмыкнул и провел замерзшими пальцами по усам. Его надежда на то, чтобы провести Рождество в теплом семейном кругу, окончательно развеялась.

Вернувшись к следам, ведущим от входной двери, он внимательно их осмотрел. Следы с первой дорожки были неглубокими и маленькими по размеру. Рядом с ними кое-где отпечатались углубления в виде продолговатых прямоугольников. Вторая дорожка следов, наоборот, представляла собой отпечатки крупного размера — и очень глубокие и в одну и в другую сторону.

В доме раздались новые крики, и Ленуар поспешно вернулся.

Атавизм викторианской эпохи

— Не смей так отзываться о моем женихе! Кристиан, как тебе не стыдно произносить такие слова при мсье де Вильре! — задыхаясь от слез, говорила Тереза.

При виде Ленуара Кристиан пожал плечами.

— Габриэль, я говорю только правду! Альберт всегда любил красивых женщин! Вот скажи, разве это не комплимент? — Он округлил глаза и подошел к стойке с сигарами. — Сам посуди: ведь наш дом наполнен прекрасными созданиями! Да, Аделин? — добавил Кристиан, подмигивая кухарке.

Тереза покраснела и поднялась к себе в комнату. Старик де Вильре продолжал сидеть на стуле, уставившись в одну точку. На полу, склонившись над трупом, стояла на коленях Элизабет Хардинг.

— Бет, я же сказал, ничего не трогать! — быстро подошел и опустился рядом Ленуар.

— Мсье, я закончила медицинские курсы санитарок и хотела убедиться, что Альберт действительно мертв.

Ленуар вздохнул. Ему это было очевидно и без проверки. Однако теперь сложно сказать, в каком именно положении лежала рука Альбер-

та де Вильре, когда он умер. Ленуар попросил мисс Хардинг отодвинуться и поискать успокоительное для отца семейства, затем надел тонкие кожаные перчатки и, в свою очередь, склонился над трупом.

В руке Альберт сжимал шарф, наполовину пропитанный теперь его кровью. Справа в шее темнела дырочка примерно с полсантиметра, нанесенная точно в сонную артерию — вернее, учитывая скорость, с которой кровь перестала поступать в мозг Альберта, во внутреннюю сонную артерию, arteria carotis interna. Удар был один и нанесен с хирургической точностью. Ленуар обернулся на мисс Хардинг и задумался. Мисс Хардинг так ловко доставала из своей серебряной складной сумочки колбочку с нашатырным спиртом, смачивала им ватку, имитирующую снег на елке, и подносила ее к носу старика де Вильре…

Когда тот окончательно пришел в себя, Ленуар обратился к англичанке:

— Мисс Хардинг, раз вы первая осмотрели труп, прошу простить мне мою вольность, но мне придется обыскать вас.

— Меня? На предмет чего? — с удивлением спросила мисс Хардинг. — Прямо здесь? При всех?

— Нет, прошу вас пройти со мной, скажем, вот сюда, — сказал Ленуар и раздвинул стоящую в углу китайскую ширму.

— Вы не шутите? Вы меня подозреваете?

— Я подозреваю всех присутствующих в этой комнате, — парировал Ленуар и вежливо, но твердо взял мисс Хардинг за локоть и провел ее за ширму. Она быстро отдернула руку, и Ленуар почувствовал, насколько англичанка была сильна. — Прошу, мисс, ваше сопротивление только все усложнит.

Элизабет Хардинг стиснула зубы и подняла руки, с вызовом посмотрев на сыщика. Ленуар первым делом открыл ее сумочку. Там, кроме флакончика с нашатырным спиртом, была упаковка таблеток.

— От головной боли, — ответила вслух на его немой вопрос мисс Хардинг.

Ленуар продолжил осмотр. Он провел руками по рукавам девушки и задержался на ее теле.

— Да, я не ношу корсета, — процедила сквозь зубы гордая англичанка. — Это атавизм Викторианской эпохи!

Ленуар присел, ощупал туфли и провел руками до верха чулок девушки. На это мисс Хардинг уже ничего не ответила, но по ее прерывистому дыха-

нию Ленуар понял, что у нее все-таки начинают сдавать нервы.

— Повернитесь ко мне спиной, — попросил он.

Ленуар молча распустил волосы мисс Хардинг, вытащив из них заколку, и внимательно ее осмотрел. Заколка была полукруглой и неровной с тупым деревянным концом. Пожалуй, такой не ударишь в горло.

— Можете идти, — сказал он вслух мисс Хардинг. Англичанка выхватила у него из рук свою заколку и быстро сделала прежнюю прическу.

— Спасибо, господин городовой! — с вызовом и обидой в голосе проговорила она, специально занижая полицейский ранг Ленуара до самого низкого и готовясь выйти из гостиной.

— Постойте, мисс Хардинг, — удержал ее Ленуар. — Так что вы делали сегодня утром?

— Каталась на лыжах! — ответила девушка и, громко топая каблуками, последовала за Терезой на второй этаж. Уже с лестницы она добавила: — Похоже, Альберт был прав и мне все-таки следует переехать отсюда в гостиницу!

— Какая породистая, да, Ленуар? — с восхищением проследил за ней взглядом Кристиан. — Кажется, мое сердце разбито…

— Как ты смеешь, щенок?! — взбеленился на

него отец. — Что ты сказал? Твоего единственного брата убили, а ты пустословишь, поганец! Чтоб у тебя язык отнялся! Вон из моего дома! Ни су не получишь от меня, ей-богу! Я велю переписать наследство сегодня же. Арман! — кликнул он слугу. — Арман, сходи за нотариусом. Я покажу этому щенку, как надо себя вести в отцовском доме. Его брата убили какие-то воры, а может, это ты привел сюда убийц, а, Кристиан? Не выдержал, что у старшего брата и красавица-невеста, и дела идут в гору, и положение. А у тебя, стервец, что есть? Чего ты добился в жизни? Шутов ко мне в дом привел и еще ухмыляешься?

Кристиан невольно замолчал и опустил глаза.

— Постойте, мсье де Вильре! — сказал Ленуар, ничуть не обижаясь на «шутов».

— Не смейте со мной разговаривать в таком тоне, мсье полицейский! Я почетный гражданин этого города и являюсь членом муниципального совета. Я вам не партнер по игре в картишки! Разве вы не видите сами, что тут происходит? Моего любимого сына сегодня ночью зверски убили какие-то дикие, бессовестные люди… — Старик вдруг сник, и по его лицу потекли слезы. Он никак не мог остановиться. — Что же мне теперь делать? Моего сына, моего бедного Альберта

убили… Теперь у меня никого не осталось.

Кристиан де Вильре подошел к серванту, достал бутылку вчерашнего ликера, вытащил пробку и молча сделал несколько больших глотков прямо из бутылки.

— Господин де Вильре, — тихо спросил Ленуар. — А откуда вы знаете, что это были воры? Я ведь раньше не говорил, что окно за занавесками у входной двери кто-то разбил…

Старик молча посмотрел сначала на Ленуара, потом на Кристиана, а потом снова сел на стул и опустил глаза на труп Альберта.

— Господин де Вильре!

— Прочь из моего дома… Оставьте меня в покое. Оставьте меня наедине с моим сыном!

Кристиан вышел из гостиной в бильярдную. Ленуар еще минутку постоял и, решив, что от старика сейчас ничего не добиться, вышел за де Вильре-младшим. Тот сидел у окна, рассматривая горный пейзаж. Небо заливало солнце, из-за чего от каждого предмета мебели в бильярдной тянулись длинные черные тени.

— Ленуар? М-да, приятель… Кажется, мой брат сыграл в ящик раньше меня… — серьезно сказал Кристиан, что очень контрастировало с его обычной шутовской манерой. — Слышал, что отец

хочет изменить завещание? Знаешь, а я ведь не думал, что там до сих пор стояло мое имя… Думаешь, что у кого-то в городе был зуб на Альберта?

— Я думаю, что не знаю, что ты сам делал после того, как мы закончили бридж в три часа ночи, а потом ты пришел и заснул на моем диване. Твой брат поднялся в свою спальню, отец остался в спальне на первом этаже, а где был ты?

— Что? Слушай, ты ведь тоже отправился спать!

— Я — да, а ты — нет, Кристиан.

— С чего ты взял?

— Кристиан, только не нужно со мной играть в эти игры. Может, тебе везет в картах, но ты не ночевал сегодня в своей комнате. — Ленуар сел в кресло напротив Кристиана и тоже посмотрел в окно. — Ты провел ночь с мисс Хардинг?

Кристиан повернулся к Ленуару и с удивлением посмотрел на приятеля.

— Ты меня иногда пугаешь… Я не хотел прятаться за ее юбкой, но раз уж ты сам это сказал, то хоть объясни, чем я себя выдал?

Ленуар вздохнул и спокойно произнес:

— Все и так очевидно. Ты был пьян и закончил ночь у меня на диване, а не в своей комнате. Штрих первый. Сегодня у тебя такие же красные

глаза, как у моего филера, который всю ночь следит за преступником. Штрих второй. Тереза всегда тебя раздражала, а Мари спала в комнате с дочкой, поэтому ты не мог провести эту ночь с ней. Штрих третий. На мисс Хардинг утром не было корсета, а вчера он на ней был, хотя она назвала его сегодня «атавизмом Викторианской эпохи». Штрих четвертый. Наконец, мисс Хардинг сегодня утром действительно ходила кататься на лыжах. Об этом свидетельствуют следы на снегу, которые она оставила утром: легкие отпечатки женских туфель и кое-где — прямоугольники от лыж. Обычно современные девушки надевают для подобных прогулок лыжные корсеты, но утром мисс Хардинг, должно быть, спешила после вашей бурной ночи, чтобы скорее забыть о той ошибке, которую допустила, поэтому она не стала надевать корсет, чтобы не шуметь и тихо выйти на улицу. Штрих пятый. Мне продолжать?

Кристиан смотрел на Ленуара со смесью восхищения и ужаса в глазах.

— Ты знаешь, что после сегодняшнего утра я никогда больше не сяду с тобой за один карточный стол? — сказал он. Затем взъерошил себе волосы и добавил: — Ах… Мой бедный отец! Он никогда меня не любил, как же он теперь будет жить без

своего Альберта?.. Ленуар, кто же укокошил этот образец чести и достоинства?..

Теперь лучи солнца заливали уже половину комнаты и падали под косым углом на Кристиана. Он снова посмотрел на горы. Затем постепенно его глаза стали закрываться. Кристиан попробовал сопротивляться накрывшей его дреме, но через несколько минут его голова упала на грудь и он заснул.

Разговор на кухне

Габриэль Ленуар встал и направился на кухню. Если он не хочет заснуть за расследованием, надо взбодриться.

Кухарка Аделин сидела за столом и чистила овощи. Ее заплаканное лицо посерело, и она то и дело останавливалась, чтобы успокоиться. Ленуар не хотел ее пугать, но когда он попросил приготовить ему кофе, Аделин все равно выронила из рук нож.

— Ах, мсье, какая я неловкая, простите! — Она поднялась, вытерла руки о передник и поставила воду на огонь. На столе уже стояли две пустые чашки, но Аделин быстро их сложила в сервант и вынула оттуда одну новую чашку из лиможского фарфора. Наверное, она думала, что парижане

всегда пьют кофе только из самой изысканной посуды. Ленуар не стал ее в этом переубеждать.

— Наверное, вам страшно… — начал он, но Аделин на него посмотрела так, что сыщик осекся. — Аделин, не волнуйтесь, я найду убийцу вашего хозяина. Скажите, что вы делали сегодня утром до того, как вошли в гостиную?

Кухарка вытащила банку с зернами кофе и кофемолку и сказала:

— Я всегда встаю рано, знаете. Нужно все приготовить: завтрак, вещи для хозяев… Сначала я испекла булочки, а потом пошла посмотреть, не нужно ли убрать пепельницы и стаканы из гостиной, и тут увидела Альберта… Что же будет с мсье де Вильре? Он так ждал свадьбу Альберта с Терезой…

Голос кухарки дрогнул. Она тяжело вздохнула, а потом начала перемалывать кофе. Ленуар вспомнил, что стаканы после вчерашней партии в бридж он действительно видел на столе в гостиной. Значит, Аделин больше туда не возвращалась. Кухарка заварила кофе и сервировала чашку Ленуару.

— Вам добавить молока? — спросила она.

— А кто сегодня утром приходил в дом? — сказал вместо ответа сыщик.

Аделин снова вздрогнула.

— Если вы о ворах, которые разбили окно, то я не слышала, когда это произошло, мсье! Я была в это время на кухне.

— На улице перед домом я видел дорожку довольно крупных следов грузного человека. Так кто сюда сегодня приходил, Аделин? — спокойно спросил Ленуар, пробуя кофе на вкус.

— Ах, это молочник. Он каждую неделю по утрам привозит нам большой бидон молока. Вот этот! — показала кухарка на бидон, стоявший у стены. — У него всегда свежее молоко, парное. А хозяева любят пить по утрам шоколад и кофе с молоком.

Ленуар кивнул и выпил еще один глоток кофе. Значит, вот почему следы были такими глубокими. Молочник нес в руках тяжелый бидон.

— Аделин, вы давно уже работаете на семью де Вильре — как вы думаете, кто мог желать Альберту смерти? И где был слуга Арман этим утром?

— Арман? Так он всегда уходит спать в свой дом. Он живет напротив. Этой ночью он тоже ушел. В полночь его уже здесь не было. А вот на второй ваш вопрос, мсье, отвечу так: единственный, кто действительно ненавидел Альберта, — это Кристиан. Господин де Вильре наверняка давно

уже лишил его наследства за то, что тот вечно попадает в разные истории: то проиграет крупную сумму, то устроит дебош в центре Люса с приглашенными певицами. Один раз он даже организовал у нас выступление негров, представляете? Я в жизни не видала черных. Весь город ходил смотреть. Мсье де Вильре потом неделю пил успокоительное…

Ленуар приятельствовал с Кристианом уже пару лет. Сначала они встречались в злачных местах Парижа, а потом Ленуар лично выпутал Кристиана из пары передряг. И он знал: Кристиан, конечно, скандалист и дебошир, он ненавидел своего брата, но любил отца. С каким огнем в глазах он рассказывал им во время поездки о Люсе, о своем родном доме! Ради отца он никогда не убил бы своего брата.

— Вы думаете, что Кристиан ради денег мог пойти на убийство? — спросил Ленуар, допивая свой кофе. От горячего напитка ему стало гораздо лучше. Он буквально чувствовал, как ускорялся его мыслительный процесс.

— Он… Не знаю, но если это не он, то кто? — спросила Аделин. — Воры?

— Хорошо, а какие отношения были у Альберта с его невестой? Вчера, когда мы приехали, у нее

были опухшие глаза, будто накануне она много плакала.

Аделин встала и подлила кофе в чашку Ленуара, затем ответила:

— Они всегда очень хорошо ладили, мсье. Но Тереза очень чувствительная девочка. Она никому не доверяет, даже в аптеку ходит самостоятельно. Боится она чего-то. Но думаю, что со временем у нее бы это прошло. Альберт был человеком действия, он не любил долго предаваться грезам, а Тереза была как раз такой. Уж не знаю, что их сблизило, мсье. Надеюсь, что она переживет свое горе. У меня больше сердце болит за мсье де Вильре.

Аделин говорила быстро и снова засуетилась, засучила рукава, открыла дверь в кладовку, отодвинула черное пальто с рыжим воротником и достала морковь. Она так старательно избегала взгляда Ленуара, что он провел рукой по усам и спросил:

— Вы уверены, что обо всем мне рассказали?.. Тереза вчера выглядела очень слабой и несчастной.

Аделин вздохнула и опустила руки.

— Мсье, я не хочу лезть не в свои дела… Но… В общем, Альберт поколачивал Терезу. У нас

из прислуги только я да Арман, так что одежду и ванну для Терезы готовлю тоже я. Когда они приехали в первый раз, я заметила синяки у нее на руках. То-то она всегда закрытые платья-то носит. Сейчас зима, но в доме у нас всегда натоплено. Иногда можно и короткий рукав надеть, а мадемуазель никогда даже локтя не оголит… Они вчера поругались вечером. Я слышала, как Альберт на нее кричал. Но он часто так делал, и я не придала этому значения, понимаете? Ох, дура я, дура! Она ведь в аптеку меня тоже посылала за мазями от ушибов! А я все думала, что это она для Альберта просила… — всплеснула руками Аделин. — Вы думаете, что это Тереза убила своего будущего мужа? Но это же грех какой!

— А Мари давно работает на компанию де Вильре?

— Мари? — переспросила Аделин. Похоже, она все еще продолжала представлять, как Тереза убивает Альберта, поэтому помедлила, прежде чем продолжить: — Мари работает на компанию уже лет семь. Мсье де Вильре говорит, что без ее коммерческой жилки и организованности Альберт бы давно обанкротился. Они с ее отцом когда-то уехали из Люса, чтобы работать с Альбертом в Париже. Отец занимается обработкой

звериных шкурок, а Мари все там в столице регистрирует и следит за порядком. Конторщица.

Ленуар знал, что Мари работала на брата Кристиана, но не предполагал, что у нее в компании такая важная роль. Эта девушка была полна сюрпризов. Сегодня утром именно она пришла в гостиную последней… Ленуар выпил еще один глоток кофе, последний, и резко встал. У него появилась одна мысль, которую срочно нужно было проверить.

О кроликах и лисах

— Спасибо за кофе, Аделин. А где находится в Люсе самая любимая кондитерская Мари? — спросил он у кухарки.

— Так на главной площади внизу и находится. Мимо никак не пройти, мсье.

Через полчаса Габриэль Ленуар уже заходил в кондитерскую «Ломбар». Все прилавки были изящно украшены еловыми ветками и пирамидками из разного рода конфет и шоколадок. Вокруг суетились дети, выбирая конфеты, которые они будут вешать на елку, и те, которые они съедят по дороге домой. Ленуар еле дождался своей очереди, чтобы спросить у продавщицы, не видела ли она в магазине Мари с дочкой.

— Мари? Конечно, они были здесь пару часов назад. Как давно Мари уже не приезжала в Люс! А девочка ее как выросла! Вы тайный поклонник? Собираетесь купить ей коробку шоколадных конфет? Тогда могу посоветовать…

— Нет, — отрезал Ленуар. — Скажите, куда они пошли дальше?

— Мари сказала, что хочет отправить срочную телеграмму отцу, — ответила продавщица.

— Хорошо, скажите, вы для начинки своих конфет часто используете молоко… По каким дням обычно приезжает молочник?

— Он приезжает из соседней деревни раз в неделю. Вот, сегодня утром тоже приезжал, привез нам молоко. Сказал, кстати, что видел, как из дома де Вильре выходила с лыжами какая-то мадемуазель. Вы не знаете, о ком он говорил?..

Из кондитерской Габриэль Ленуар пошел прямиком на почту. Здесь ему также пришлось выстоять очередь, потому что многие жители города отправляли поздравительные рождественские открытки своим близким, но терпение сыщика было вознаграждено. После того как почтальон внимательно прочитал надпись на его удостоверении, он поднял свои записи, скопировал текст телеграммы Мари и протянул его

Ленуару.

Там было написано: «Кролику больше не прыгать».

Мари? Неужели эта хрупкая, умная женщина могла хладнокровно убить своего начальника? И за что? Если именно Мари вела счета и документацию компании, то кому, если не ей и ее отцу, должно было бы перейти предприятие в случае смерти Альберта? Одинокая мать, которая полностью посвящает себя своему ребенку и работе… И шарфик! По дороге обратно в особняк де Вильре Ленуар зашел в похоронное бюро, а потом постоянно корил себя за то, что проглядел такую очевидную улику! Шарфик, который сжимал в руках Альберт перед смертью и которым он надеялся остановить кровотечение, принадлежал Мари! Теперь Ленуар отчетливо вспомнил, что она его сняла вчера на ужине. Голубой шарфик с темно-синими цветами.

Наверняка Мари уже уехала из Люса, забрав с собой только дочь под тем предлогом, что девочке не нужно смотреть на страшные вещи, которые произошли в этом большом старом доме. Какой же он был дурак! А ведь Мари ему даже нравилась…

Когда Ленуар вернулся в дом, то его удивлению

не было предела. Кухарка сказала, что Мари с дочкой вернулись и теперь играют вместе с Кристианом на втором этаже в их комнате.

Ленуар замер на пороге. Маленькая Жанна действительно весело играла с Кристианом и мамой в игру «Лошадиные скачки», которую они разложили на полу. Рядом валялись шоколадные конфеты, а на столе стоял кувшин с горячим шоколадом и лежали бутерброды. Похоже, Мари и не думала куда-то уезжать…

— Господин Ленуар? Как продвигается ваше расследование? — спросила она.

— Не так быстро, как работает городской телеграф, — ответил Ленуар.

Лицо Мари помрачнело.

— Кристиан, можно я поговорю с твоим другом наедине? — спросила она у де Вильре-младшего.

— У моего друга нет от меня секретов, Мари! Не волнуйся! — весело ответил Кристиан. Видимо, отдых пошел ему на пользу.

— Это конфиденциальный разговор.

— Тем более! После того как ты решила вчера перед сном поменяться спальней с мисс Хардинг, ввиду того что ее спальня была чуть больше, и я по ошибке провел эту ночь вместе с твоей подругой, между нами не может быть больше

никаких секретов.

Мари выпучила глаза на Кристиана, а потом посмотрела на Ленуара и сжала губы.

— Не бойся, именно Ленуар сегодня вывел меня на чистую воду, так что все, больше никаких тайн!

— Мари, — вмешался Ленуар. — Как понимать телеграмму, которую вы сегодня отправили отцу? Говорите сейчас же, иначе мне придется арестовать вас и привести на допрос в полицейский участок.

Молодая женщина посмотрела на дочь и Кристиана, но потом решительно поднялась и села в кресло.

— Так и понимайте, мсье Ленуар. Альберт действительно в последнее время представлял угрозу для всей компании, он шантажировал моего отца, поэтому я хотела поделиться с папой хорошей новостью.

— Та-ак, вот это поворот! — встрял в разговор Кристиан. — Неужели это говорит наша сдержанная, преданная Мари? Самая расчетливая и спокойная мадемуазель?

— Перестань паясничать, Крис! — сказал Ленуар. — А вы объяснитесь, Мари. Почему Альберт держал в руке ваш платок перед смертью и

почему он представлял опасность для вашей компании?

— Я не знаю, почему он держал мой платок, возможно, кто-то его сегодня утром… — начала Мари.

В этот момент Жанна заулюлюкала, когда ее лошадка дошла до финиша, и Ленуар вспомнил. Он вспомнил, как вчера девочка не хотела уходить спать, как она стащила мамин платок и тот упал рядом с елкой… Значит, Альберта убил кто-то другой?

— А по поводу компании, — продолжила Мари уже более уверенным голосом, — Кристиан, тебе тоже это нужно знать. Твой отец обо всем давно догадывался… В общем, Альберт заставил моего отца организовать подпольную мастерскую по производству поддельных шкурок животных для женских манто и воротников и угрожал ему каторгой, если тот выдаст Альберта полиции. Мой отец из-за этого начал болеть. Мы не знали, как с этим быть. Конечно, компания зарабатывала много денег, но мы рисковали погубить главное — ее репутацию. А мой отец до сих пор может попасть в тюрьму!

— Альберт решил организовать мастерскую по трансформации городских котов в шиншилл? —

спросил Кристиан. — Вот это фантазия, вот это деятельность, достойная честного человека из рода де Вильре. Не то что мои проказы. Вот подлец! Значит, отец об этом знает?

— Да, он иногда проверял счета по закупкам шкурок на рынках Копенгагена, Лондона и Лейпцига, а также на ярмарке в Нижнем Новгороде, а когда однажды он сравнил их с количеством проданных шкур, то заметил большую разницу… Особенно в отношении чернобурых лис.

Ленуар знал, что шкурки этих животных у элегантных модниц Парижа ценились выше всего. Если мех простой лисы мог стоить всего пару десятков франков, то мех чернобурой лисы стоил до пятнадцати тысяч франков за шкурку. Они ценились дороже золота. На рынок ежегодно поступало всего сто или двести шкурок, в основном из России, а спросы европейских модниц во много раз превышали предложение. Вот, значит, как дельцы справлялись с этой проблемой!

— Альберт закупал кроликов в Шампани и в Оверни, а потом их под руководством моего отца за несколько месяцев перекрашивали в чернобурых лис. Альберт не выпускал отца из мастерской и нанял ему в помощь работниц, которые окрашивали шкурки несколько раз, проклеивали их

волосками барсука и снова окрашивали, иногда каждый волосок отдельно. Такая подпольная деятельность длится уже два года. Я не знала, как положить этому конец. Если бы полиция узнала о подмене, то Альберт все свалил бы на нас с отцом, а у меня маленькая Жанна. Как мне было с ним тягаться? Именно поэтому я и отправила ту телеграмму, мсье Ленуар. Именно поэтому я почувствовала, как с моих плеч сегодня утром свалился тяжелый груз. Только не говорите об этом мсье де Вильре. Мне жаль старика.

— Кто же теперь продолжит дело Альберта? — спросил Ленуар, посмотрев на Кристиана.

— Ты же знаешь, отец никогда мне не доверял вести дела, — скороговоркой сказал он.

— Да, именно поэтому он до сих пор не вычеркнул тебя из завещания… — сыронизировал Ленуар.

— Крис, — вмешалась Мари. — Ты ведь знаешь, что старик все равно тебя очень любит…

— И я тебя очень люблю! — сказала маленькая Жанна и бросилась обнимать дядю Кристиана. От неожиданности он опрокинулся на спину и защекотал бока девочки. Она звонко рассмеялась. Мари с нежностью на них посмотрела и улыбнулась.

Я его не убивала

Ленуар вышел из комнаты и, пройдя до конца коридора, постучал еще в одну дверь.

— Войдите, — ответил ему тихий голос.

Сыщик открыл дверь. Тереза встала с кровати и пересела на диван.

— Как вы, мадемуазель? — спросил сыщик. — Держитесь, я распорядился сегодня, чтобы тело Альберта перевезли в похоронное бюро. До Рождества хоронить — плохая примета. Тело предадут земле через пару дней.

На этих словах Тереза не выдержала и снова заплакала. Ленуар на своем веку видел много девичьих слез, и как бы ему ни хотелось в этот момент увидеть театральность и расчет в состоянии Терезы, он никак не мог отделаться от мысли о том, что девушка искренне страдала.

— Мне сказали, что Альберт плохо с вами обращался. Тереза, почему вы от него не ушли? — сказал Ленуар и подсел к девушке, чтобы взять ее за руку и успокоить.

Однако от этого Тереза еще больше разрыдалась. Тогда Ленуар налил ей стакан воды и заставил выпить, а затем спросил:

— Вы ждали от него ребенка, Тереза? Именно

поэтому вы не могли от него уйти и именно поэтому Альберт начал организовывать свадьбу? Он обесчестил вас, правильно? Тише-тише-тише, — погладил он девушку по спине, когда она снова зарыдала. — Я не буду никому об этом говорить. Ваше положение еще можно исправить. Скажите, вы покупали микстуры для беременных женщин, чтобы вас не мутило, но ходили в аптеку за этими микстурами сами, говоря, что покупаете их для живота мсье де Вильре, правильно?

— Да… — только и смогла выдавить из себя Тереза. Ленуар снова погладил ее по спине и налил еще один стакан воды. — Мсье Ленуар, мы вчера… Ах, Альберт вчера снова на меня разозлился. Он кричал, чтобы я не выходила из комнаты. Я не могла его ослушаться. Я его боялась. Поверьте, я его не убивала! Поверьте, это был страшный человек! Мы еще не обвенчались, но он уже ходил к другим женщинам, мсье Ленуар. Он мне изменял. Он говорил, что это его право, что я специально забеременела, потому что рассчитывала на его деньги, что такие фокусы с ним уже пытались провести, но это всегда плохо заканчивалось, что ни прислуга, ни другие девицы не смогли его сломить, и если бы не запрет церкви на вытравливание плода, он бы давно отправил меня

к повитухе… Он говорил мне страшные вещи. Я больше не хочу его видеть! Никогда! Никогда в жизни!

Ленуар кивнул и прижал Терезу к груди. Девушка еще всхлипывала, но постепенно ее дыхание выравнивалось. Ленуар помог ей лечь на диван, прикрыл шалью, вышел из комнаты и спустился в дубовую гостиную. Там он сел у горящего камина и задумчиво посмотрел на место, где недавно лежало тело Альберта де Вильре, а потом на рождественскую елку.

Дух прошлого

В шесть часов обитатели дома де Вильре собрались внизу. Ленуар подкинул дрова в камин и подождал, пока все рассядутся. В этот вечер атмосфера совсем не походила на вчерашний праздничный ужин. Женщины оделись в черное, мужчины, насупившись, молчали. Когда в дверь позвонили, Арман проводил в гостиную господина Дидье Моро. Он тоже был одет в черное, впрочем как и вчера.

— Господа, сегодня я собрал вас здесь, чтобы попрощаться, — начал Ленуар. — Мсье де Вильре, благодарю вас за гостеприимство. Завтра я уезжаю.

— Ленуар, завтра будет Рождество, куда ты поедешь? — сказал Кристиан, обнимая Жанну, которая сидела у него на коленях.

— Мне пора. В любом случае после того, что я вам расскажу по поводу убийства Альберта де Вильре, думаю, что вам будет не до меня в этот праздничный день. Мисс Хардинг любезно согласилась составить мне компанию в дороге.

Элизабет Хардинг чинно кивнула, как это умеют делать только англичанки.

— Вам удалось найти убийцу моего Альберта? — прохрипел старик де Вильре.

— Да, но давайте обо всем по порядку. Начнем с того, что я попросил местного комиссара прислать к нам своих помощников. Слышите? Беллент как раз сейчас их облаивает. Я говорю об этом только для того, чтобы у убийцы не возникло желания сбежать. Все равно сегодня это не получится.

Все присутствующие переглянулись и замолчали.

— Итак, начнем с сегодняшнего утра. Арман в это время спал в доме напротив. Здесь точно находились: мсье де Вильре, два его сына, Мари с дочерью, Тереза и мисс Хардинг. Кроме того, не забудем про Аделин и вашего покорного слугу, —

поклонился Ленуар.

— А как же вор, который разбил окно? — сказал со свистом старик де Вильре. — Он и убил моего Альберта. Я всегда знал, что в городе у меня есть завистники.

— Нет, мсье, в дом ночью никто не забирался. Беллент не лаял, а уж этот верный пес облаивает каждого незнакомца, как он только что сделал при появлении полиции. Я осмотрелся вокруг, и утром никаких следов вокруг дома и под окном не наблюдалось. Самые крупные стекла от разбитого окна валялись снаружи, поэтому окно разбил кто-то, кто был в доме.

Все присутствующие продолжали молчать.

— Эта деталь никак мне не давала покоя. Я постоянно думал, кому же понадобилось придумывать историю о «воре»? Казалось бы, всем, но кто это сделал на самом деле, ведь в доме ничего не пропало?

— Этого мы не можем сказать наверняка, мсье Ленуар, — сказал Арман. — Я утром осмотрел только весь первый этаж, а мсье де Вильре проверил свой кабинет и сказал, что ночью кто-то рылся в его бумагах.

— Конечно, ведь окно разбил именно мсье де Вильре, — продолжил Ленуар.

Тереза ахнула и прижала руку ко рту. Кристиан растерянно посмотрел на отца.

— Сегодня утром, когда вы склонились над телом Альберта, я заметил на указательном пальце вашей правой руки каплю крови и подумал, что вы успели запачкаться в крови Альберта, мсье де Вильре. Но тогда бы пятно было смазано. Разбив окно, вы порезали палец о стекло. Я долго думал, зачем вам понадобилось устраивать весь этот театр, а потом понял. С годами сон становится все более чутким, а ваша спальня находится как раз под спальней, которую Аделин приготовила для Мари и Жанны. Сегодня ночью вы услышали звуки из этой комнаты. Они вполне определенно свидетельствовали о характере страсти, которой предавались любовники в спальне.

У мисс Хардинг вытянулось лицо, но она продолжала держать свою спину прямо.

— Когда утром вы вышли в уборную, то увидели свет в гостиной и нашли тело Альберта. Вы уже знали о его махинациях со шкурками животных и фальсификации бухгалтерских книг, поэтому подумали, что Кристиан сговорился с Мари после бурной ночи и убил Альберта.

Мсье де Вильре опустил голову и теперь смотрел на Ленуара исподлобья, словно затаившийся

перед атакой зверь.

— Тогда вы решили, что в случае обвинения Кристиана и Мари вы потеряете все: и двоих своих сыновей, и верную сотрудницу семейного предприятия, которая знает о махинациях Альберта. Это означало и неизбежный скандал, связанный с потерей доброй репутации компании де Вильре. Тогда, пока все спали, вы разбили окно, чтобы инсценировать кражу и убийство, а потом вернулись в свою комнату. За тяжелыми шторами сначала никто не заметил, что окно разбито, но потом все действительно решили, что в дом ночью кто-то забрался. Однако по стечению обстоятельств, мсье де Вильре, Мари перед сном попросила поменяться спальнями с мисс Хардинг, потому что в спальне мисс Хардинг было больше места для нее с дочерью. Когда под влиянием алкоголя Кристиан постучал в дверь спальни над вашей комнатой, он нашел не Мари, а мисс Хардинг. О дальнейшем вы догадываетесь сами.

— О, боже мой… — прошептала Тереза.

— Однако и Кристиан, и мисс Хардинг наутро посчитали, что их совместная ночь — большая ошибка. Что поделать? О времена, о нравы! Мисс Хардинг вышла рано утром из спальни, чтобы

покататься на лыжах и чтобы ее никто не видел в одной комнате с Кристианом. Кристиан завалился спать в мою комнату на диван. Слова мисс Хардинг подтвердила дорожка следов, ведущих наутро из дома. Молочник видел, как она уходила из дома в пять утра. А убийство было совершено около шести.

— Постойте! — поднял руки старик де Вильре и дрожащим голосом спросил: — Но это значит, что Альберта все равно убил… Кристиан?

— Нет, Кристиан на обратном пути снова ошибся спальней и приземлился на диване в моей комнате. Остальную часть ночи он никуда не выходил, а Мари не могла оставить свою малолетнюю дочь спать одну. Она тоже не выходила из своей комнаты всю ночь.

Старик де Вильре посмотрел на сына, и в его глазах появились слезы облегчения. Он вытер слезу тыльной стороной ладони и закивал сам себе.

Кристиан уставился на Ленуара, стараясь не смотреть на своего отца. Мари, сидевшая рядом, крепко сжала его руку.

— Но постойте, — нарушила всеобщее молчание мисс Хардинг, — если меня не было, а Мари и Кристиан Альберта не убивали, то остается

только Тереза?!

Тереза большими глазами посмотрела на мсье де Вильре и покачала головой, словно говорила, что это была не она.

— Не совсем, — спокойно продолжил Ленуар. — Не мне вам рассказывать, что за человек был Альберт. Каким жестоким и иногда бессердечным он мог быть, даже в отношении своей беременной невесты.

— Что?! — Теперь настал черед удивляться Кристиану. По реакции мсье де Вильре Ленуар понял, что старика эта новость не застала врасплох.

— Да, но, несмотря на это, Альберт позволял себе поднимать на нее руку. Тереза не могла его убить, потому что она его боялась. Иначе она бы давно уже нашла решение своей проблемы.

— Доченька, — прошептал старик де Вильре, — прости! Прости, что не отпустил тебя, когда ты хотела уйти…

— Мсье Ленуар, — сказала Мари, — но кто же тогда убийца? Неужели сюда ночью все-таки кто-то заходил?!

— Нет, ночью никто сюда не заходил, — ответил Ленуар. — Все дело в том, что со вчерашнего вечера никто отсюда не выходил, не так ли, Аделин и господин Моро?

— Мсье Ленуар, вчера вечером после ужина я со всеми попрощался и вышел. Разве вы не помните, как пожелали мне хорошего вечера? — спросил Дидье Моро.

— Как же, прекрасно помню. Только после этого вы вышли не во двор, а в кухню, где вас спрятала в кладовке Аделин. Сегодня, когда я разговаривал с вами, милая Аделин, на кухне уже стояли две чашки, которые вы быстро убрали в сервант. Я тогда подумал, что вы решили угостить меня кофе из более изящной чашки, но я ошибался. Вы просто хотели как можно скорее скрыть, что из предыдущих двух чашек до меня тоже кто-то пил кофе. То есть вы с господином Моро. Кроме того, в кладовке висело черное пальто ольстер с беличьим рыжим воротником. А такое охотничье пальто, защищающее от непогоды, носили только вы, мсье Моро.

— Нет, постойте, постойте, — сказала кухарка, — вы же сами сказали, что вокруг дома не было никаких следов. Как же мсье Моро мог выйти из особняка? Вы все придумали, мсье Ленуар! Наверное, это вы сами и убили Альберта!

— Вы правы, Аделин, вопрос с утренними следами долго сбивал меня с толку. Как же господин Моро мог выйти из дома, не наследив? Не пре-

вратился же он в ночного духа? Но все оказалось проще. Вы сами мне сказали, что утром приходил молочник и оставил вам тяжелый бидон молока. Получается, что на обратном пути его следы должны были стать легче. Однако, когда я осматривал вторую дорожку следов, то и в одну, и в другую сторону они были одинаковой глубины. Это означает только одно: господин Моро, как опытный охотник, вышел на дорогу по следам молочника. Именно поэтому следы стали глубже.

— Моро? Почему ты молчишь? — крикнула Аделин. — Мы ведь с детства друг друга знаем. Скажи что-нибудь! Скажи, что ты тут ни при чем!

Однако охотник продолжал молчать. Казалось, ему проще было убить бурого медведя в горах, чем попытаться найти себе оправдание. Кухарка посмотрела на него и в сердцах махнула рукой, сжатой в кулак.

— Как вы сами мне рассказали, господин Моро — однолюб. Он всегда любил свою невесту Сесилию и после того, как она повесилась, так и не женился на ком-то другом, несмотря на интерес противоположного пола. Аделин любила его, правда, мадемуазель? — обратился он к кухарке.

Аделин прижала руки к лицу и теперь тяжело дышала.

— Конечно, она его любила, иначе никогда бы не согласилась помочь Моро отомстить Альберту де Вильре, спрятав охотника на ночь в кладовке. Возможно, она тоже в свое время стала одним из трофеев Альберта…

— Но при чем тут мой сын? — не выдержал отец семейства.

— Эта грязная свинья соблазнила Сесилию накануне нашей свадьбы! — прогремел голос охотника. — Все ему было мало. Сесилия рассказала мне. Но я тогда был молод. Я накричал на нее, а потом ушел из дома в горы, а когда вернулся… Сесилия… Моя Сесилия повесилась.

Теперь все молча смотрели на господина Моро. Его борода казалась теперь еще чернее. В камине треснуло прогоревшее полено.

— Да, только человек, который привык убивать зверей, мог так точно попасть в сонную артерию, — сказал Ленуар. — Я только никак не мог понять, чем именно Моро убил Альберта. Для охотничьего ножа отверстие в шее убитого было слишком маленьким. Но сегодня, когда я сидел у елки и смотрел на нее, то общая картина полностью сложилась. Я еще вчера заметил на ней ангелочков. Все они самодельные. И у всех на голове белые волосы из овечьей шерсти. У

всех, кроме одного. Господин Моро убил Альберта ножом для вскрытия писем. Когда я спустился в гостиную, услышав голос Аделин, на каминной полке оставались письма, чернильница и перо. Однако на ней не было ножа для вскрытия писем. Увидев этот набор вчера в гостиной, господин Моро принял свое страшное решение о том, что Альберт примет смерть именно от него, вот только почему? Мсье Моро, почему вы, например, просто не задушили свою жертву?

— Этот письменный набор Альберту подарила Сесилия, — ответил угрюмо охотник.

— Набор подарила моему брату Сесилия? — удивился Кристиан. — Он ведь здесь уже вечность стоит… Я думал, что его купил отец.

— Это был ее рождественский подарок… — сказал Моро.

Тереза всхлипнула. Ленуар встал, подошел к столику у камина и сделал вид, что он взял нож для вскрытия писем.

— Вся ясно. Итак, после того, как Моро нанес Альберту удар, тот упал у елки и попытался остановить кровотечение шарфиком Мари. Он валялся на полу вместе с носовым платком Мари, с ними ее дочь играла вчера после ужина. Моро боялся, что кто-то войдет, и хотел избавиться от

орудия убийства. Он вытер нож и руку о шарфик. Затем он обвязал его белым носовым платком Мари так, чтобы поделка была похожа на остальных ангелочков, и прикрутил куском проволоки своего нового ангела к рождественской елке. Посмотрите, можно подумать, что в него вселился сам дух Сесилии.

Ленуар подошел к елке и взял в руки одного из ангелов. Когда он развязал платок, все ахнули. Это действительно был нож для вскрытия писем с рукояткой в форме креста.

Во дворе от холода заскулил Беллент.

На следующее утро Габриэль Ленуар помог мисс Хардинг закинуть чемодан и лыжи в коляску и устроился с ней рядом. Люс снова заливали лучи зимнего солнца. Город готовился к празднованию Рождества. Дети играли в снежки, а их родители толпились у мясной лавки и у булочной.

— Вы уверены, что больше не хотите участвовать в Зимней неделе? — спросил Ленуар, когда они отъезжали от дома де Вильре.

— А кто вам сказал, что я не буду в ней участвовать, мсье сыщик? — ответила англичанка. — Мы сегодня не успеем добраться ни до одного большого города. Отметим Рождество в Пиренеях, и я найду себе нового тренера. Иначе зачем я брала с

собой лыжи и терпела столько времени в трясущейся коляске?

— Вы знаете, а я ведь тоже умею кататься на лыжах, — сказал Ленуар, подкрутив ус.

— На тренера по лыжам вы все равно не тянете, хотя теперь я доверяю вам больше, чем кому-либо. Но вы всегда можете быть моим оруженосцем и носить лыжи, когда я устану! — Мисс Хардинг покосилась с улыбкой на Ленуара и поправила на руках муфту. — Жаль только, что накануне Рождества мы останемся без подарков, мсье сыщик.

— Вы хотите, чтобы я купил вам новый письменный набор? Кажется, в Люсе такие наборы делают особенно изящными, — предложил Ленуар.

— Ну уж нет! Такой подарок к смерти мне точно не нужен. Лучше подарите мне Пиренеи! — сказала мисс Хардинг и взяла под руку своего спутника.

Юрий Усачев

Снег в черном зеркале

Что ты хочешь услышать? Правду? А ты к ней готова?

А я? Не знаю… Все так неправильно получилось. Мне кажется, что я до сих пор чувствую тот снег и весь ужас происходящего. Знать бы тогда, какой кошмар ожидает меня после всего, когда я заблудился и попытался впервые в жизни проявить себя как настоящий мужчина и вывести на чистую воду того сумасшедшего. Хороший подарок на новогодние праздники я преподнес всем, правда?

Знаешь, иногда тяжкий груз — это приговор, которого ты не ждешь. Его происхождение и обоснование могут быть неведомы заключенному, потому что тюрьма открыла для него свои двери просто так. Дуновение ветра принесло несколько пылинок, попавших в глаз, что привело к потере равновесия, когда правая рука случайно царапнула кусочек неба и из щели просто свалился непрошеный груз. Прозрачная тюрьма накрыла все тело: приговор вынесен по случайности.

Или все-таки нет? Может, я заслужил то, что со мной произошло? В любом случае той тяжести я

не вынес, иначе были бы целы мои ногти, сердце и душа.

Я бы хотел все исправить, но тупость не позволила это сделать из-за трусливости, окатившей каждую клеточку моего тела. Здравствуй, отчаяние. Прощай, надежда. Мои ноги и руки привели меня на странную ветку реальности, проросшую так неожиданно и сумбурно. Импульсом для ее рождения, кажется, стала глупая неудача, когда я коснулся смерти в буквальном смысле.

День был солнечным и зимне-ветреным, потому что в преддверии Нового года погода решила устроить всем жителям Даутфолса сюрприз. Люди обычно мечтают о волшебстве, представляя что-то типа праздничных огоньков, милых сказочных существ или тупой удачи в лотерее, но не тут-то было — держите, дорогие мои, неестественную предновогоднюю погоду! Вселенная услышала ваш запрос, как сейчас модно говорить, но упустила детали. Снег летел со скоростью разъяренного гепарда и царапал лицо. Это был даже не снег, а острые бело-прозрачные крупинки. Богиня-зима рассыпала сахар где-то на небе, когда наливала чай, психанула и смела все на нас — людишек из маленького городка вблизи Балтийского моря.

Мне так не хотелось выходить из дома тогда. Последние впечатления от официальной процедуры развода были слишком свежи и надрывали мою носоглотку невыплаканными эмоциями в виде скопления соплей. Нет, я не черствый мужик, способный просто разорвать свою прошлую жизнь, будто это всего лишь кусок бракованной туалетной бумаги. Хотя внешне я произвожу именно такое впечатление. Метр девяносто, борода и грива цвета пшеницы, массивные черты лица и ярко-зеленые глаза с нависшими веками. Полускандинавский богатырь с оттенками славянских примесей, ведь помнишь? Надеюсь, не забыла, хотя уже прошло лет пять.

Ты ведь тоже переживала. А я тем более. Несмотря на мой устрашающий вид, я — абсолютная размазня. Наверное, поэтому ты и решила освободиться от меня, планируя символично встретить Новый год уже без брачного обременения и первого января ступить на путь перезагрузки. Я не виню тебя. Только себя. И за это, и за произошедшее, и за последствия.

Моя работа была тебе тоже ненавистна. В пятьдесят лет вкалывать разнорабочим на кладбище — покрыть себя клеймом неудачника. Признаю, но, дорогая моя, ничего поделать я с собой не мог,

потому что пригрелся. Будем честны: непозволительно было превращать свою жизнь в череду пресных дней без цели. Но таков уж я. Говорю же, раз-маз-ня.

Я надел свои теплые штаны, непродуваемую куртку с мехом лося и те смешные сапоги, которые ты мне купила на русской ярмарке. Вышел на улицу и чуть не упал из-за мощной волны ветра и ледяных брызг то ли снега, то ли дождя. Частные дома вокруг угрюмо наблюдали за мной глазницами разнокалиберных окон и удивлялись моей неуклюжести. Я чувствовал их осуждение, но давно привык к нему. Все-таки мои громадные мышцы имели большой вес, поэтому свалить меня не так-то просто, даже под давлением молчаливых наблюдателей. На самом деле за каждым окном стояли жители. Знаю, что они наблюдают и обсуждают наш с тобой разрыв. Маленький городок — молниеносные сплетни неизбежны.

Я отряхнул налипший на бороду белый налет и зашагал вдоль улицы к кладбищу. Надо было сразу надеть шапку, но я, как всегда, не продумал все до мелочей. Накинул капюшон куртки, сопротивляясь потокам колющих белых частиц, и попытался убрать свои космы и бороду под воротник: в них уже образовались мелкие ле-

дышки, таков уж сегодняшний суровый день. Глаза уперлись в тротуар, защищаясь напряженными веками, и я отдался воле ног. Они быстро привели меня к кладбищу, где уже находились другие работники.

— Привет, Бугор! — заорали мужики.

Никто не называл меня по имени. Просто Бугор — из-за габаритов.

— Что у вас тут? — спросил я.

— Очередной старик похарчился. Родственников не будет. Быстро хороним и разбегаемся, а то нас самих замурует заживо твариная погода. Гля, что творится-то!

Я угукнул и направился к очерченной надкопами будущей могиле. Все копали вручную, кряхтя и матерясь. Выплескивать злость на тяжелую работу мы старались через обвинения мерзкой погоды. Не беда, что мы, словно жуки, копаемся в обледеневшей земле, просто мерзкий снег усложняет дело и противно лезет за шиворот. Время шло, ругательства летели, ветер дул, а могила медленно углублялась, раскрывая будущую комнату неизвестного мне старика. Он ведь никогда отсюда не выберется, хотя как посмотреть: его душа или психическая энергия куда-то ведь свалят, да? Видишь, дорогая Лина, я почти интеллектуал,

задумываюсь о высоких вещах — о путешествии души. И об этой… реинновации! Нет… реинкарнации! Точно! Может, небезнадежен твой викинг?

Справа от нас была могила неизвестной женщины, чье имя подтерли годы. На облезлом фото различались милые очертания, но я не знал, кто она. Скорее всего, кто-то знатный в прошлом, потому вместо надгробной плиты была статуя огромного ангела, держащего в руках портрет той самой неизвестной женщины. Даутфолс — совсем молодой город, здесь нет старинных захоронений, но вид этой могилы был запущенным. Никто не поддерживает порядок. А вдруг хозяйку усыпальницы уже никто и не вспоминает, как думаешь? Грустно.

За скульптурой ангела мне почудилось движение. Я выгребал очередной пласт земли из ямы и заметил боковым зрением что-то странное. Остановился и прищурил глаза, настраивая зрение, подпорченное непрекращающимся мокрым снегопадом-дождевалом. Сгорбившийся старик держался за край крыла ангела и ощупывал свою грудь.

— Эй, вам плохо?! — крикнул я.

В ответ в меня полетела мокрая черная пыль, потому что внезапно ветер дунул в противо-

положную сторону и смахнул с чужой лопаты остатки выгребаемой земли. Я закрылся руками и быстро стал вытирать лицо краями рукавов куртки.

— Ты что-то спросил? — обратился ко мне один из могильщиков.

Рядом с каменным ангелом никого. Я огляделся по сторонам — на кладбище было только семь могильщиков, не считая меня.

— Не-не, ничего, — ответил я, нахмурившись, и взялся за лопату.

Доведя дело до конца, все стали выползать из ямы. Самый худой из нас по кличке Кривой выбрался очень прытко и скинул нам лестницу. Я бы никогда так не смог. Габариты… сама понимаешь.

Рядом с выкопанной могилой стоял небольшой внедорожник, а из его багажника торчал гроб.

Увидев мое удивленное лицо, Кривой пояснил:

— Мы привезли его прямо из морга. Деда упаковали в последний путь и велели просто похоронить без всяких церемоний. Никакие родственники не нашлись и не отозвались, даже службу в церкви не заказали, представляешь? Место у него было уже куплено на кладбище, но никто не знает, откуда он взялся. Деда мертвым

нашли в туалете кафешки нашей.

— Как это? — удивился я.

— Бугор, не тупи! Никто из местных не знает его. Эзра, который в охране кафешки работает рядом со зданием, где музыкальный магазин, позавчера утром пришел, открыл помещение и нашел его. Как он туда залез и когда — непонятно. Скорую вызвали, полицию. Трупак. Все, отжил дядька свое — да и помер рядом с унитазом. Символично даже выпустил последний выдох в потаенную даль канализационных отходов — туда, куда отправляется все, что наша жизнь посчитала ненужным и дерьмовым.

Кривой заржал от своей мерзкой философской аллегории и хлопнул меня по плечу. В ответ я смог только натянуто улыбнуться и направился к внедорожнику.

Гроб был закрыт. Все могильщики окружили его.

— Старик мелкий и худощавый был, так что тут много сил не потребуется, — объявил Кривой. — Четверо с легкостью справятся. Бугор, Вопила, Зеленый и сын Хосе — заканчивайте тут, а остальные обедать. Потом поменяемся: вы жрать, а мы быстро закидаем все землей. Оплату всем раздам наличкой вечером, когда шеф клад-

бища заплатит. Зайду к каждому, все равно все на одной улице живем.

Мы покивали и занялись делами.

Ой, Лина, если бы ты знала, как мне хотелось побыстрее отделаться от этого дела. История мутная прям с этим стариком, руки не слушались — или это просто из-за холода. «А вдруг его убил кто да оставил в нашем городке, покрывая следы?» — подумалось мне тогда.

Делать нечего. Мы взяли гроб и понесли к могиле. Остановились, прикинули дальнейшие действия. Пока трое держали, Вопила продел веревки под дном гроба с подголосками из мата, которые льются из него как постоянное музыкальное сопровождение. Каждый из нас четверых взялся за один из веревочных концов с большим узлом и стал опускать мертвеца в его новую спальню. Тут уже нам всем стало тяжелее, потому что держали мы вес перед собой — считай, животом, так кишки могут повыползать через пупок.

— Спокойнее, медленнее! — руководил Вопила. Его и прозвали так за громогласный голос и привычку командовать где ни попадя.

Гроб уже коснулся дна ямы, когда моя левая нога заскользила вперед. Мокрая земля была слишком гладкой, а я — ужасно неповоротливым,

поэтому мое могучее тело полетело в могилу и с глухим ударом шлепнулось на деревянный ящик мертвеца. Холод неожиданно полез во все имеющиеся в моей одежде щели. Это странно, потому что тут, на дне, не было ветра. Будто чьи-то ледяные руки проползли под рукава и схватились за мои предплечья. Я ощутил именно хватку! Мне стало так жутко, что я резко перевернулся на живот. Дыхание стало пропадать, а в ушах застрял гул. Меня придавило к гробу так, что я не смог пошевелиться.

Не знаю, как мою огромную тушу мужики достали из ямы, но через какое-то время я оказался дома в постели. Надеялся, что ты придешь ко мне, хотя бы из жалости. Но нет — со мной рядом сидел Кривой, насмехавшийся над моей «грациозностью».

— Еле вытащили ведь! Зеленый отвез тебя на внедорожнике, подшучивая, что мы променяли мертвеца на выжившего: одного отправили, другого доставили.

Зеленый имел огромную родинку болотного оттенка на всю левую щеку, поэтому его и прозвали так. Он обычно привозил трупы на кладбище и выдавал туповатые шутки.

Кривой продолжил:

— Деньги занесу позже, а ты пока отдыхай. Но только это… на тот свет не собирайся, а то нам в таком случае надо бригаду из семнадцати человек нанимать, чтоб твой здоровенный труп опустить на дно ямы.

Он заржал как лошадь, но потом изменился в лице, а его рот превратился в узкую полоску.

— Нам понадобится твоя силища, Бугор… Особенно в ближайшее время.

— А я никогда и не отказывал в работе мышцами. Будет наплыв похорон? Надеюсь, не произошло никакого теракта! — ахнул я, осознав возможный ужас. — Неужели пропустил новость?!

Кривой опустил глаза и выдохнул через поджатые губы, из-за чего по комнате пролетел глухой свист.

— Уже и не знаю, что страшнее — теракт или то, что сейчас происходит. Мужики тебе не говорили?

— Нет. Не понимаю, о чем речь даже, но испуган до чертиков. Не томи!

— Ды воруют у нас…

Я сплюнул воздух, а с ним и несколько брызг слюны вперемешку с возмущениями.

— Вот напугал-то! Инструментов и так мало, но

неужели вся трагедия в украденной лопате или свистнутых ботинках? Опять твои шутки.

— Бугор, не тупи! Воруют у нас не вещи, — мрачно и строго поставил меня на место Кривой.

— А что тогда?

— Трупы…

Оборвались все звуки в комнате. Мне кажется, в этот момент никто из нас даже не дышал. В молчании собрались шок, ужас и скорбь по пропавшим телам, которым не удается получить покой.

Кривой продолжил:

— Подробности нельзя разглашать. Даже прессе рот заткнули. Скандал ужасный начнется, если родственники умерших узнают, потому что, скорее всего, виноваты мы: охрану никто не ставил никогда. Мы ж тихо жили тут, и никакие преступники не маньячили даже вблизи кладбищенских ворот. Мертвых хоронили, близкие истерили, священники отпевали, рабочие молчали и делали свое дело. А тут такое… Никто ни о чем не знает, но девять трупов уже выкопали и утащили.

— Как это? — спросил я, постепенно отходя от шока.

— А вот так. Смотритель у нас ночами спит же — на фиг ему глазеть на надгробья в темноте?

Никто и камеры не догадался поставить, ни к чему ж они. Еще раз говорю: не было надобности в какой-то охране. У нас из всех странных личностей появлялись только девки, что приходили каждую неделю с двумя сиреневыми ирисами на могилу двух парней. Помнишь, гробы даже не открывали во время похорон, они вроде бы сильно изуродованы были — мутная история. Ты тогда еще утешал ту, что посимпатичнее и помоложе. Она так рыдала, все не могла никак успокоиться, даже чересчур театрально это выглядело. Ну да ладно. Помнишь же?

Я кивнул.

— Так и все. Больше никаких чудиков там не лазило. Жили себе без происшествий.

У меня никак не укладывалось в голове, что в Даутфолсе появился какой-то некромант или кто похлеще.

Возникло предположение:

— Может, сатанисты?

— Начальство говорит, непохоже. Никаких следов ритуалов не было. Хотя кто знает, что на уме у этих отбросов, — может, они и утащили да поиграли в свою бесовщину. Не знаю. Ты только это… Молчи! Не вздумай сказать кому. Между собой мужики перемалывают эту историю, но

не дальше. Начальство запретило, потому что разобраться надо. Они с полицией пока работают и ищут преступников. Как разберутся, сразу все объявят. Тогда журналюги закидают все газеты и интернет россказнями и фантазиями о том, что творилось на кладбище Даутфолса и почему руководство объектом допустило невероятный ужас. Вот придется нам девять трупов по новой закапывать, сила твоя и потребуется. А пока…

Кривой приложил указательный палец к губам и молча ушел, оставив меня в тишине и ужасе. Входная дверь тут же открылась, и в коридор влетела Анжела.

— Папа, ты как?! Мне сказали, что ты в могилу упал!

Нежными ручками она обвила мою шею и подарила запах ванили и апельсина, который я чувствую вот уже тринадцать лет от ее кожи с момента рождения. Проблемы кладбища сразу улетели в закрытый ангар моей памяти. Сейчас уже не до них. Ах, Лина, дорогая, какую же красоту мы с тобой подарили этому миру!

— Все в порядке, солнышко. У меня и ушибов-то нет.

Я улыбнулся и, конечно же, скрыл свои недавно пережитые ощущения ужаса. Анжела села на

пол рядом с моей кроватью и положила ладони на ее край.

— Ох, ну хорошо. Все вокруг говорят об этом мертвеце, что вы сегодня закопали. Его никто не знает из местных, это так странно.

Действительно. Кто-то знал бы умершего. Город слишком маленький, чтобы здесь затеряться.

— Может, тебе что-нибудь приготовить? Или сходить в магазин? Таблетки нужны? — волновалась Анжела.

— Нет-нет, все хорошо. Я вот все думаю об этом старике. Никто ведь не пришел его хоронить. Очень жаль.

— Согласна, — вздохнула дочка. — И его, скорее всего, убили.

— Что?!

— Ну… я случайно подслушала разговор учителей сегодня утром в школе. Говорят, его задушили в лесу на окраине города и подкинули в туалет кафе.

— Боже мой! — ужаснулся я.

— Да-да. Убийств нам еще не хватало тут.

— Так, нужно позвонить маме, чтобы она тебя потом забрала.

— Пап, не переживай! Она ждет меня в машине тут недалеко.

Вот так, Лина. Мы дожили до такого, что ты уже не можешь зайти ко мне. Наверное, мое лицо тебе противно. Не знаю, радоваться или печалиться оттого, что наша дочь так спокойно это воспринимает. Она слишком умна и воспитанна, даже если и чувствует какие-то неудобства — не покажет никакого волнения из-за нашего с тобой разрыва.

— Я сказала, что переживаю за тебя, нужно проверить, как ты. Вот мама и привезла меня. Думаю, раз тебе ничего не нужно и все хорошо, то мне пора возвращаться к ней. Ты точно в порядке?

— В полном, — улыбнулся я в ответ и начал вставать с кровати, демонстрируя свое прекрасное состояние.

Проводив Анжелу, я еще долго стоял у окна: смотрел, как удаляется ее силуэт в желтой куртке с белой опушкой из искусственного меха и белой спортивной шапке. Она свернула за угол, и это был последний раз, когда я ее видел.

В Даутфолсе убили какого-то старика, а на кладбище воруют трупы. В каком мире мы оказались, а?

Я включил компьютер и открыл в браузере вкладку «Новости Даутфолса», чтобы посмотреть, нет ли информации об этих преступлениях. Уди-

вительно, но в пестрой ленте событий рядом с прогнозом погоды красовался заголовок «Старость, которая закончилась у унитаза». Я кликнул на ссылку со статьей.

«Каждый мечтает прожить долгую и счастливую жизнь, окончание которой пройдет спокойно и безболезненно или даже во сне. Вот только подобное завершение не стало финалом для неизвестного, найденного в туалете местного кафе. Человек приблизительно в возрасте семидесяти лет провел свои первые минуты после смерти головой на холодном унитазе в абсолютной темноте и безвестности. Никто не знает, кто и как принес тело в то место и запер. Важно другое — насколько халатным было обращение с умершим. Никто не стал обращать внимание на ненужного старика, ведь тело не опознали. Его быстро сбагрили в могилу и забыли. Куда смотрят…»

Дальше были дешевые лозунги и нападки на чиновников. Тот, кто писал эту статью, надеялся на провокацию и на самом деле не испытывал никакой жалости к старику — ему нужно было привлечь внимание и устроить истерику в комментариях, которых уже насчитывалось 723. Согласен, похоронили быстро, с другой стороны,

кто станет содержать труп без оплаты за спецуслуги? Сейчас никто ничего не делает просто так. Видишь, я не такой дурак. Или у меня просто озарение небольшое? Хм-м… Старика все равно жаль.

Я прокрутил колесико вниз — прости, но я по-старинке пользуюсь мышкой, — и увидел фото пожилого мужчины, который лежал с закрытыми глазами, облокотившись на унитаз. Моя шея даже дернулась от неожиданности. Прищурившись, я наклонился к экрану. Быть того не может! Это ж тот незнакомец, которого я сегодня видел, выкапывая могилу! Бред полный. В тот момент я стал понимать, почему ты считаешь меня никчемным, ведь я недоразвитый человек — не мог же мертвеца увидеть? Лина, а может, я ясновидящий или какой-то еще крутой одаренный? Экстрасенс? Согласен, неудачная шутка. Ерунда все это. Я просто фантазер.

Меня беспокоило, что теперь наш город стал средоточием опасности, да еще и в период новогодних праздников. Где-то там гуляет Анжела, а вокруг нее бродят убийца, похититель трупов и бог знает кто еще! Ничего умнее, чем пойти патрулировать зимнее кладбище, я не придумал. Самочувствие было нормальным, даже хорошим

— видимо, адреналин от новостей восстановил меня после падения в могилу. Снова надев теплые штаны, непродуваемую куртку с мехом лося и смешные сапоги, я отправился на встречу с воющей метелью.

Теперь уже это был полноценный снег, который несся тюлевыми покрывалами повсюду. Он распадался на кусочки, врезаясь в мою бороду и ресницы. Не так противно, как раньше, но видимость все равно была плохой. Казалось, время стало ускоряться вместе с бешеными потоками снега, потому что вдруг начало темнеть. Чем ближе к кладбищу, тем темнее.

Я подошел к свежей могиле старика и остановился. Все уже усыпано снегом, и можно было подумать, что передо мной просто большой сугроб, в который прыгнул бы с азартом любой ребенок. Поток разномаркерных чувств накрыл меня, но быстро сбежал, потому что где-то между деревьями справа от края кладбища кто-то громко кашлянул.

Резко повернув голову, я сумел сфокусироваться на человеке, который уходил в глубину леса.

— Эй! — крикнул я.

В ответ ничего. Фигура скрылась. Я отправился вдогонку. Зачем? Хороший вопрос. Я не

думал о своих мотивах, хотя предположу, что бессознательно надеялся встретить и поймать кладбищенского преступника. Во мне слишком много роста и веса, так что я как минимум смогу в случае чего придавить его к земле и дождаться приезда полиции.

Было кое-что особенно странное: больно уж незнакомец похож на умершего старика. Он, сгорбившись, ускорял шаг, пришлось догонять. «Неужели мертвец ожил?» — подумал я тогда.

— Не убегайте! Я работник кладбища, не сделаю вам ничего плохого!

Бесполезно. Тот человек ускорился и стал удивительно ловко маневрировать между деревьями. Мое дыхание сбилось, и я остановился, схватившись за грудь. Одышка. Нужна пауза. Бежать дальше бесполезно, мне не догнать незнакомца в сгустившихся сумерках. Решил вернуться.

Оглядевшись, я осознал, что вокруг меня тихий заснеженный лес, находящийся во мраке зимы. Здесь не было ветра и метели. Деревья молчали и, скорее всего, спали. Им было все равно, что происходило здесь, что некто гнался за кем-то, что в Даутфолсе творятся непонятные вещи, что я переживал недавно за свою дочь, а сейчас стою

в растерянности посреди леса. Откуда-то с неба сквозь заснеженные ветки тускло спускался свет от полной луны, но его все равно не хватало, чтобы нормально видеть окружающее пространство. Лина, клянусь тебе, время взбесилось, потому что я не понимаю, как так быстро наступила ночь!

Холодный волчий вой коснулся моих ушей, будто скользящий нож. Меня пробило вагоном мурашек. Глаза забегали в поисках опасности, но зацепились за мои следы. «Я могу вернуться по ним обратно!» — подумал я. Бежать было тяжело, но торопливый шаг возвращал меня к кладбищу — по крайней мере, я так думал. В какой-то момент следы кончились, а вот лес — нет… Вокруг все те же молчаливые деревья и мрак. Снова пронзительный волчий вой, на этот раз уже громче. Значит, зверь приблизился. Сердце и без того устало из-за долгой пробежки, так еще ему пришлось тащить на себе мою возрастающую панику.

Выход один — идти наобум, ведь тревога не давала мыслить холодно, несмотря на отрезвляющий мороз. Я понял, что мои разгоряченные ноги растопили снег, который завалился внутрь сапог из-за постоянных шагов по засыпанным тропинкам леса: стопам стало мокро. Идти было

противно, я понимал, что скоро ботинки и адреналин перестанут спасать от холода. Нужно скорее выбираться. На кладбище есть домик смотрителя, там можно будет отогреться. Я побежал снова, но лес не кончался и только становился темнее.

Вынужденная остановка произошла одновременно с хриплым стоном, раздавшимся из моей глотки, что ознаменовало нехватку воздуха. Сзади меня раздался хруст снега. Обернувшись, я в страхе вгляделся в темноту между деревьев, но не увидел ничего. Дыхание все еще хрипело. Адекватная идея пробралась сквозь эмоции и заставила посмотреть вверх — можно забраться на дерево и спастись, если меня преследует волк. Задрав голову, я стал разглядывать стволы, но не нашел ничего подходящего: даже при моем росте не достать до нижних веток. Зацепиться не за что, но я понял, что есть другой шанс: над деревьями небольшим столбом поднимался белый дым. Неужели кто-то живет в лесу? Лина, ты знала?

В надежде укрыться от невидимого волка и холода я собрал силы и бросился в сторону дома. Лес будто не хотел моего спасения, становился плотнее и темнее. Все больше встречались торчащие из снега коряги. Я даже два раза упал, но все же выбрался из чащи на круглую поляну,

которую практически целиком занимал одноэтажный домик. В одном из окон горел свет, а из трубы на крыше валил тот самый белый дым. Там есть люди!

Подойдя к окну, я заглянул внутрь, но толком ничего не разглядел, потому что все загораживала кружевная серая штора. Где-то в глубине стоял стол с лампой, дарившей свет.

Я обошел дом. Слева к нему примыкал навес с двумя столбами, под которым прятались накрытые брезентом поленья. Больше вокруг ничего.

Порог был кривым и скрипучим, так что мое появление не стало тайной для хозяина дома, да я и не скрывался, не убийца же.

Мой кулак три раза ударил в дверь. В ответ — тишина.

— Здравствуйте! — как можно добродушнее крикнул я. — Простите за вторжение, но, по-моему, я заблудился. Да еще боюсь волков местных — воют где-то вблизи.

Ответа вновь не последовало.

Я постучался еще несколько раз с большей силой, и дверь просто открылась от вибрации. Было не заперто.

Заглянув внутрь, я увидел старую неухоженную комнату со столом, креслом-качалкой, сундуками

и печкой, справа от которой была дверь, — наверное, там спальня.

— Простите! Есть кто дома?

Тишина.

Топилась печка. Свет лампы дрожал. Я разрешил себе стать непрошеным гостем и зашел в чужое жилище. Может, хозяин вышел на улицу, чтобы набрать снега, ведь тут явно нет водопровода, все напоминает жизнь по старинке. Вне цивилизации. Никогда не слышал, что в лесу кто-то обосновался отшельником.

Наверняка хозяин скоро вернется. Он может испугаться меня, но думать о подобном некогда, нужно заняться моим спасением. Я закрыл за собой дверь и бросился к печке. Снял обувь и начал подставлять ноги по одной к теплой стене, чтобы согреть и высушить стопы.

Развернувшись к печи спиной, я ахнул. Справа от входной двери стоял и смотрел на меня человек с бородой. В полумраке я чуть не упал от неожиданности и уже приготовился извиняться за вторжение, но потом понял, что этого не требуется: я испугался своего отражения. На стене висело большое овальное темное зеркало. По краям оно было украшено серебряной рамкой с полусферами, составляющими старинное

украшение. Удивительно, но зеркало было таким черным не из-за минимума света в комнате. Я подошел ближе, чтобы убедиться в этом: отражение было тусклым, потому что передо мной был отражающий камень. Обсидиан. Я читал, что этот черный камень обладает мерцающими переливами и отражающим свойством. Первые зеркала, по одной из версий, изготавливали из отполированных пластин обсидиана. Ты удивлена моими познаниями, Лина? Хотя что от них толку, ведь я все равно испугался своего отражения. Вот тупица!

Приглядевшись, я распознал четыре слова, написанные по краям черного зеркала густой коричневой краской: Иегова, Элохим, Меттатрон, Адонаи. Я ничего не понял, но в этом доме с печкой и обсидиановым зеркалом мне стало не по себе. В окне слева от двери промелькнула тень. Меня стал обволакивать ледяной воздух, несмотря на правящий в доме жар от печки. Разум подсказывал: хозяин дома вернулся и вот-вот зайдет. Сейчас раздастся звук шагов на пороге, потом шум отворяющейся двери. Еще чуть-чуть. Он ведь только что был у окна, поэтому через миг застанет чужака, то есть меня, в своем доме — скорее всего, испугается и бросится защищать

свое жилище. Мне достанется. Точно достанется!

Три…

Два…

Один!

Никого.

Печка продолжала производить жар, а за стенами дома не появилось ни звука. Я еще раз поглядел в черное зеркало и отшатнулся от неожиданности: в отражении кроме меня теперь был падающий снег. Внутри комнаты, конечно же, не было никакого снега, а в черном овале кружили белые хлопья. Вытянув рукав до середины ладони, я потер им поверхность обсидиана, но это ничего не изменило — снег был там, внутри…

Расслабление потащило усталость к ногам, которые вмиг стали очень тяжелыми, и я попятился назад. Сел на кресло-качалку, хрустнувшую, но не развалившуюся от моего веса, и неожиданно потерял контроль над глазами, а через секунду и над сознанием. Сон поглотил меня.

Проснулся быстро, хотя ощущение было такое, что произошла перезагрузка, бодрость теперь овладела мной полностью. Я снова оглядел комнату: ничего не изменилось — и в черном зеркале продолжал идти снег. Он завораживал.

Я поерзал в кресле. Мое левое бедро заныло,

потому что под ним оказалась какая-то твердая вещица. Это была книга. Как я ее не почувствовал? Скорее всего, слишком сильно устал от сегодняшнего дня и моему телу было все равно, на что оно опирается. Да и я ж не принцесса на горошине.

«Папюс. Практическая магия» — значилось на обложке книги. 1912 года издания. Эм-м… Что за чертовщина?

В окне в очередной раз мелькнул силуэт, и через полсекунды раздался стук в дверь. Сердце ускорилось, а нервы стали натягиваться: что-то не по себе мне в этой лачуге. Отбросив страхи, я направился к двери, открыл ее и…

— ПОМОГИ! — рявкнул мужской голос, бросившись мне в лицо вместе с шибающим ветром.

Я упал на спину, но быстро стал подниматься на ноги, чтобы увидеть гостя. Вот только на пороге никого не было. Ничего умнее, кроме как выйти на улицу, не пришло мне в голову. Тихий уснувший лес в одежде из снега.

За моей спиной раздался кошачий вопль. Резко обернувшись, я увидел только качающееся кресло, но никаких животных не было. К страху стала подмешиваться злость. Огромной эмоциональной ложкой я начал размешивать этот

коктейль в своей груди, все больше добавляя жгучей приправы: мне хотелось избавиться от тревоги и взять себя в руки. Может, кто-то надо мной подшучивает и пугает?

Дверь в соседнее помещение. Чего не проверил сразу? Вот дурачина. Наверняка там кто-то есть. Забыв про распахнутую входную дверь, я пошел к межкомнатной. За ней была небольшая кладовка с люком в полу. Я дернул за горизонтальную ручку в крышке и поднял ее, вглядевшись в темноту. Противный запах вторгся в ноздри и стал провоцировать тошноту — пришлось сдержаться и дышать реже. Спуск был скрыт мраком. Глаза упорно взглядывались в черную глубину и пытались выцепить хоть малейшие очертания содержимого этого подпольного помещения. Из глубины снова раздался кошачий вопль, и в этот момент кто-то толкнул меня.

Выплюнув ругательства, мой рот ушибся обо что-то твердое вместе с грудью и ногами. Черт возьми! Кто бы мог подумать, что я окажусь в этой истории, а невидимка сбросит меня в подвал! Лина, что, ты думаешь, всплыло в моей голове тогда? Конечно же, сюжеты фильмов про маньяков-психопатов. Но я подумал о дочери — ради нее нельзя впадать в панику, надо просто взять

и выбраться. Вот только коленки предательски начали подрагивать.

Мое мясистое тело оснащено большим объемом мышц и запасом подкожного жира, так что я, как разбуженный посреди зимы медведь, свалился, разбив губу, но все же не сильно ушибся. А запах! Боже, вонь просто невыносимая. Я стал ощупывать все вокруг и оказался у холодной стены, обложенной кирпичом. Удалось найти подобие выключателя, так что я незамедлительно впустил свет в этот тайник. Люк исчез… Вернее, я не смог его увидеть, несмотря на появившийся свет, потому что кто-то его закрыл. На потолке подпольной комнаты висело вразнобой несколько лампочек с грубыми проводами в паутине. Комната напоминала жуткий алтарь: на земляном полу была выложена камнями пятиконечная звезда, в центре которой стоял напольный столик с тринадцатью крупными свечами разного цвета, а вокруг него… Жуть, Лина! Вокруг него лежало девять засохших трупов кошек! Меня чуть не стошнило, но в этот момент напротив меня оказался человек, и — я готов был провалиться еще ниже этого погреба — это был тот самый старик, которого мы сегодня хоронили. Я моргнул, и его лицо оказалось в сантиметре от моего. Бешеные

глаза впиявились в мои, а изо рта воняло как из могилы.

— Я не звал тебя сюда! Убирайся! Лучше помоги мне! — прокричал он.

Свет потух. Меня отнесло назад, и я уперся спиной в стену. Точнее, я думал, что в стену, но там оказалась еще одна дверь, которая под моим весом открылась и впустила неуклюжее тело. В этот раз я удержался на ногах, но снова упал от испуга, потому что неожиданно вспыхнул огонь: на стенах загорелись факелы. Не в силах больше выносить вонь, мой организм поддался рефлексам, и меня вырвало на холодную землю. Тыльной стороной рукава я вытер рот и посмотрел по сторонам, но лучше бы не делал этого. Дурень, почему не пошел обратно? Что я хотел найти? Точно не это. Девять женских трупов были завернуты в плотный целлофан. Девять девушек, тех самых, что украли с кладбища. Никаких сомнений! Сквозь прозрачные обертки, которые соорудил для них неизвестный, были видны гниющие тела. В испуге я попытался выбраться обратно, но из земли появились две руки и схватили меня за щиколотки. Крик не успел выпрыгнуть из моей глотки, как рывком меня затянуло в землю. Я понял, что теперь лежу в

абсолютной темноте, причем мне тесно. Попытка подняться была несвоевременной, потому что мой лоб ударился о деревянный потолок, который почему-то находился над моим лицом. В панике я стал брыкаться и набивать синяки о тесную поверхность.

Раздался шепот:

— Не надо…

Я замер.

Голос продолжил также тихо:

— Теперь понимаешь, что со мной?

Ты уверена, что мне стоит продолжать, Лина? Молчишь. Ну ладно. Расценю это как согласие.

Думаю, нет нужды объяснять, какой ужас меня охватил, тем более что я почувствовал, как нечто ползет по моим ногам. В кромешной тьме я ничего не понимал, но ощущал: здесь есть что-то еще — и оно, цепляясь за мои штанины, подбирается к лицу.

Тоже противное дыхание:

— Достань меня! Я еще жив!

Слова раздались так неожиданно, что я заорал и рефлекторно оттолкнул неизвестного. Ноги дернулись с такой силой, что проломили деревянную поверхность. Отдавшись инстинктам, я позволил себе разнести эту тесную каморку и

даже не сразу понял, что выбрался в освещенную комнату. Чтобы успокоиться, нужно было зацепиться глазами за что-то реальное и ощутить движение воздуха в ноздрях. Я хрипел в попытках дать волю сжавшейся от страха груди, чтобы впустить как можно больше воздуха в легкие. Осознание пришло постепенно: я только что выбрался из гроба, разломав его изнутри. Вокруг были знакомые стены и мебель — это комната ритуальных материалов в домике смотрителя кладбища. Так я вернулся? Здесь стояли заказанные пустые гробы, искусственные цветы, атласные ленты и инструменты. Вокруг никого, а в голове только вопрос: что со мной произошло?!

Мозг уже что-то понял и посылал мне сигнал побега. Нужно куда-то рвануть, но ради чего? Сейчас я в безопасности. Бегом! К могиле того старика, иначе будет поздно. Ведь он… Он еще жив! Колдун, который выкапывал трупы, а сейчас похоронен заживо! «Помоги», «Достань меня» — старик пытался связаться со мной. Пусть он выкапывал трупы, но его еще можно спасти, чтобы представить перед судом.

Я выбежал на улицу и, спрессовывая снег тяжелыми ногами, бросился к свежей могиле. Думаешь, я не подумал о том, что среди этих

выкопанных девочек могла бы быть наша дочь? Куда уж там! Конечно, я представлял такое! Гнал черные фантазии прочь, но они давили на отцовский инстинкт и вытаскивали очередную порцию злости. Это придало мне сил, чтобы вытащить старикашку-некроманта и набить ему морду.

После погребения ребята оставили инструменты, так что я сразу начал копать снег, а потом и свежую землю. Она была слишком холодной, поэтому слабо поддавалась, но мне было все равно. Я бросил лопату и стал царапать промозглую почву с таким остервенением, что повыдирал себе ногти. Кровь быстро темнела на холоде и сворачивалась.

Удар в шею отправил меня в нокаут. Я приземлился на лежащую рядом лопату, которая добавила мне еще один удар черенком в лоб. Я распластался на могиле.

— Хватай его! Такого здоровяка придется обезвредить шокером.

Дальше ты знаешь. Это были полицейские. Они наблюдали за кладбищем, чтобы поймать расхитителя могил, вот только попался я. Бесполезно было что-то доказывать. Меня отвезли в участок, предъявив обвинение. Сердце было на пределе.

Возраст уже не тот, да и, пережив несколько последних часов, нервная система была не готова к такому повороту событий. Я жил размеренной жизнью, окунувшись в рутину, и нервировал этим тебя, дорогая. А тут такой всплеск переживаний! Меня обвинили и могли приговорить к тюрьме за выкопанные трупы девушек. Разве можно было это вынести? Вот я и не вынес. Голова закружилась, а в груди стало так тяжело и горячо, что мне показалось, будто я снова в гробу с тем стариком в темноте. Инфаркт случился по дороге в полицейский участок.

Прости меня, Лина. Я просто хотел…

Лина вырвала руку, и София открыла глаза.

— Вы прервали контакт, — констатировала София. — Теперь я не смогу продолжать, а он не договорил.

Ее черные волосы пышными кудрями добавляли шарма внешности, но не смягчали строгий взгляд.

— Прошу прощения… Нужно было остановиться. Это уже стало невыносимо для меня.

Лина плакала и судорожно вытирала лицо пальцами. София встала из-за круглого стола, за которым проходил сеанс, посмотрелась в черное зеркало на стене и осмотрела свои глаза с поло-

павшимися капиллярами.

Не удостоив собеседницу взглядом, она строго произнесла:

— Я больше не буду выстраивать с ним связь. Перед тем как начать, мы условились — до конца держаться за руки и не говорить ни слова. Контакт с умершими — это не мобильная связь, быстренько перезвонить не получится.

— Я услышала все, что хотела.

— И все же вы не дали душе договорить. Потревожили, взбаламутили переживания, а потом резко прекратили. Не кажется ли вам это чересчур эгоцентричным?

София всегда была резка в своих высказываниях. Даже с клиентами. Даже понимая, что от ее действий и слов зависит оплата сеансов.

— Согласна. Но эмоции взяли верх. Сейчас я фактически пережила с бывшим мужем его смерть в осознании, что все уже случилось и я бессильна… Он говорил обо всем через вас, вашим голосом, а я слышала вместо этого его мягкий и глубокий тембр, который раздражал меня в последние годы перед разводом. Все получилось так глупо.

— Что вы имеете в виду? — не поняла София.

— А вы не знаете, что случилось на самом деле?

— Понимаю, смерть бывшего мужа и вроде как необоснованные обвинения вас потрепали, но это не значит, что весь мир в курсе ваших событий. Я живу в Ариале уже давно и не интересуюсь тем, что происходит в соседних городах, в Даутфолсе в том числе. Слишком много дел, сами понимаете. Желающих поймать сигнал от умерших достаточно, хоть я и не афиширую свою деятельность. Как и вы, многие приезжают ко мне за помощью из разных городов.

— Понимаю, — выдохнула Лина и аккуратно протерла уголки глаз мизинцами, смахивая оставшиеся слезинки. — В ваших способностях нет никаких сомнений, потому что все соответствует правде. Мой бывший муж был обвинен несправедливо. Тот старик, который ему мерещился, которого нашли в туалете кафе и быстро похоронили, действительно жил в лесу и никого не трогал. Его самое ужасное преступление — убийство девяти кошек. Он давно ушел от цивилизации и стал вести отшельнический образ жизни. Позже нашлись его родственники, рассказавшие, как старик увлекся древними магическими ритуалами, а ведь он был доктором философских наук и работал в университете столицы России. Но, по словам родственников,

увлечение средневековой философией увело его в эзотерику. Не принятый в семье со своим увлечением, он отдалился, уехал в Даутфолс и скрылся в лесу, чтобы практиковать. Убийство кошек — один из ритуалов для усиления магических способностей. Это все его преступления. А девушек выкапывал кладбищенский рабочий.

София подняла левую бровь:

— Все так банально?

Ее не пугали никакие психопатические замашки людей. За годы общения с клиентами каких только историй она не слышала.

— К сожалению, да. У него была кличка Кривой.

— Была?

— Именно. Он умер в тюрьме спустя два года после суда. Сокамерники постарались: не смогли вытерпеть рядом с собой некрофила, выкапывающего трупы девушек.

— Даже не рассказывайте мне, для чего этот ваш Кривой творил такое.

— Не буду. Факт в том, что он подставил старика из леса. Перенес тела в подвал его дома, а потом задушил и отнес труп в кафе, чтобы инсценировать внезапную смерть. Предварительно Кривой украл копию ключей у охранника кафе

по имени Эзра, они дружили. А мой муж… Он просто оказался в центре всего этого по глупости. Ударился головой очень сильно, когда хоронили старика, и потерялся в пространстве. Судя по его рассказу во время нашего спиритического сеанса, реальность и галлюцинации смешались в его голове. Жаль, я не зашла к нему тогда вместе с дочерью — поняла бы, что травма серьезнее, чем казалось. К сожалению, он бродил по лесу, по кладбищу… А полиция уже устраивала засаду, чтобы поймать расхитителя гробниц, и увидела мужа, копающего землю на свежей могиле.

Чтобы не вовлекаться в тяжелые эмоции Лины, София ответила с сарказмом:

— Ну и история, конечно. Выбрали же вы муженька в свое время!

— Знаете, есть кое-что особенно удивительное. Родственники старика потребовали выкопать его тело, чтобы перевезти в Россию и похоронить там рядом с предками. Когда гроб вскрыли, на внутренней стороне крышки были царапины, а руки старика изодраны.

— Вы хотите сказать, что старика похоронили заживо? Но его труп ведь был найден в кафе.

— Все верно. Похоже, Кривой не задушил его, а лишь вырубил. Сердце просто сильно замедли-

лось, это был затянувшийся обморок или что-то подобное. Бедняга, скорее всего, очнулся и испугался. А вдруг он действительно выходил на связь с моим мужем в поисках помощи? Все-таки дед занимался магией.

София лишь молча смотрела на клиентку и переваривала услышанное.

— Что ж… Благодаря вам я сегодня поняла, почему моего бывшего мужа застали на могиле старика. Этой главной детали мне и недоставало.

— Так вам было нужно только это?

На несколько секунд Лина замолчала с отрешенным взглядом, игнорируя вопрос, но потом засуетилась и стала рыться в маленькой сумочке, что висела на ее правом плече все это время.

— Я узнала все, что хотела. Вот, возьмите.

Она достала белый конверт с деньгами и протянула Софии.

— Положите на стол.

Лина подчинилась. На мгновение застыла, будто пыталась что-то вспомнить, а потом молча развернулась и ушла.

София сделала очень долгий выдох, будто хотела выдуть из легких все, что касалось чужой истории и той души, от лица которой она со-

всем недавно вела рассказ во время сеанса. Она спрятала конверт в карман платья и вышла в соседнюю комнату, где за компьютером работал Павел — ее муж.

— Закончили?

— Да, дорогой. Теперь я хочу отдохнуть.

Он ухмыльнулся и спросил:

— Скажи мне: ты реально это творишь? Или просто фантазируешь и говоришь, что хотят услышать твои клиенты?

— А какая разница? Главное, что они готовы за это платить.

София вышла и направилась к винтовой лестнице, ведущей на второй этаж, — там располагался ее личный кабинет для уединенных практик. Она зашла в него и села рядом с алтарем, уставленным крупными белыми свечами, золотыми украшениями и амулетами. Потом пристально посмотрелась в черное обсидиановое зеркало, висевшее с другой стороны алтаря. Его гладкая поверхность будто затягивала внутрь, и внимание уходило в него без сопротивления. София не могла отвести взгляда и даже моргнуть, потому что в зеркале кроме ее отражения был снег. Он падал красивыми хлопьями, умиротворяюще завораживая.

— А тот старик хорошо смыслил в магии, если раздобыл обсидиановое зеркало. Как жаль, что такая красота работает предвестником кошмаров. Ведь любой маг знает: снег в черном зеркале — предвестник беды, что и случилось с тем несчастным, упавшим в могилу. Надеюсь, эти маленькие хлопья не коснутся своим смертельным холодом никого из моих близких.

В дверь кабинета раздался стук. Приглушенный голос мужа позвал:

— София! На пороге какой-то мужчина. Говорит, ты ему срочно нужна. Если ты ему не поможешь, то, цитирую, «наступит катастрофа и его жена умрет».

— Сейчас спущусь к нему.

Ну вот и беда. А я уж подумала, случится в моей семье. Похоже, сегодня придется кому-то сообщить плохие новости.

Анна Полякова

Последний Сочельник

Метель началась внезапно, будто зима решила напомнить, что в канун Рождества именно она правит бал. Сергей Малышев снизил скорость, испугавшись, что его старенький «Форд» может занести. Случись что, трактор из Лиходеева вряд ли скоро доберется до места, рисковать не хотелось, да и спешки не было.

С трассы он свернул около десяти минут назад и сейчас ехал по заснеженной узкой дороге, которая петляла среди высоких сосен. Даже в сумерках места выглядели живописно. «Как в сказке», — подумал мужчина и почесал коротко стриженный затылок.

Он перебрался в областной центр только позапрошлой весной, а тогда служил в полиции района. Последний раз он выезжал в деревню семь лет назад по одному делу, ходу которому так и не дали.

Дорога будто тащила его не только по сугробам, но и по памяти. Снег шел стеной, хрустел на поворотах, и казалось, что сама погода против возвращения Малышева.

Тогда он был еще районным следователем,

молодым и упрямым, с привычкой не дослушивать людей до конца и лезть туда, куда не просят, что не очень-то нравилось его более опытным коллегам, предпочитавшим не будить лихо, пока оно тихо.

Семь лет назад в Лиходееве пропала Лена Гущина, девушка двадцати трех лет. Жила она одна, работала на ферме дояркой, слыла тихой и скромной. Ушла однажды вечером и не вернулась.

Тогда следствие пришло к выводу, что красавица уехала в город в поисках лучшей доли. На самом же деле Лена словно растворилась в воздухе. Дело быстро свернули, кто-то сверху велел не шуметь, соседи пожимали плечами, и только в глазах нескольких людей Малышев видел что-то похожее на страх.

Он пытался копать глубже, но ему быстро дали понять, что делать этого не следует. И вот теперь Малышев снова здесь.

В конце декабря ему позвонил отец Павел, священник из Лиходеева, кроткий и вдумчивый человек, в глазах которого всегда стояло что-то благостное, как на иконописных ликах святых.

— Прости, Сергей, — сказал он по телефону, и голос у него дрожал, как пламя на сквозняке. — Тут одна старушка, Марфа Яковлевна, прихожанка

моя, очень просила с тобой связаться. Хочет исповедаться перед Рождеством, просит, чтобы ты приехал.

— Я? — удивился Малышев. — Признаться, духовник из меня так себе.

— Думаю, это связано с той историей, помнишь исчезновение Елены, доярки с фермы?

Сергей прекрасно помнил ее светлое чистое лицо, смотревшее на него с фотокарточек в деле. Тогда его пытались убедить, что девушка уехала в город. Перебравшись в областной центр, он то и дело пытался найти схожие черты в незнакомках, спешащих по своим делам, но все было тщетно.

Новый год он собирался встретить с родителями, провести с ними несколько дней — ровно столько, чтобы насладиться обществом родни и не надоесть друг другу, а на оставшиеся выходные планов у него не было, потому Малышеву ничего не мешало наведаться в Лиходеево.

— Я приеду, — пообещал он.

Деревня встретила его так, будто все это время спала снежным беспробудным сном, словно медведи, которые, к слову, водились в местных лесах. Те же покосившиеся заборы, захламленные дворы, резные наличники с облупленной краской, ржавые ворота, кружевные занавески на окнах.

Он поставил машину у деревянной церкви с потемневшими от времени изящными куполами. Внутри было тепло, пахло свечным воском и ладаном.

Отец Павел вышел из притвора — худой, с поникшими плечами, но взгляд по-прежнему глубокий и ясный.

— Возмужал, — улыбнулся он Сергею и по-отечески обнял. — Семьей обзавелся?

— Да кто б меня сюда пустил в праздники-то, — улыбнулся он. — Пока сам себе хозяин.

Они немного поболтали о том о сем, усевшись на длинную скамью под одним из сводов храма. Малышев смотрел на иконостас и рассказывал о своей жизни, отец Павел поведал ему о деревенских новостях: их было немного, некоторые вызывали у собеседника снисходительную улыбку.

— К Марфе сейчас отправимся? — спросил наконец старик.

— Разве она не хотела исповедаться? — удивился Малышев.

— Сказала, что сперва с тобой поговорит. Можно было бы ее в храм пригласить, но связи нет, позвонить не получится.

Сергей достал из кармана смартфон и быстро

убедился, что сотовая сеть не найдена.

— В непогоду такое у нас случается, — кивнул в сторону окна отец Павел и улыбнулся, будто такие проказы природы его забавляли.

Они вышли из церкви, когда уже почти стемнело. Снег валил стеной, крупный и липкий, словно кто-то наверху высыпал его ведрами.

— Марфа на окраине живет, за речкой, — сказал отец Павел. — Там, где лес начинается. Дом с мезонином, ты его, может, помнишь.

Малышев кивнул: он помнил тот дом и хлипкую изгородь, да и саму Марфу тоже — сутулую, сухонькую, с тяжелым взглядом. Тогда, семь лет назад, она все время маячила где-то рядом, смотрела из-за калитки, внимательно наблюдала за его работой.

Они шли пешком, машину решено было перегнать под навес у дома батюшки: тот жил возле храма. Снег превратил улицы в белое безмолвие: ни одной цепочки следов, все сдуло, все укутало, даже отпечатков протекторов «Форда» Малышева уже было не разглядеть. Ветер шуршал в заборах, в подлеске потрескивали кусты, оба мужчины прятали лица в шарфы, не вынимая рук из карманов. Сергей смотрел на валенки отца Павла и даже немного ему завидовал: собственными бо-

тинками он уже успел зачерпнуть немало снега.

У дома Марфы свет не горел. Крыша была тщательно укутана белым зимним покрывалом так, что крыльцо почти сравнялось с землей.

Павел постучал.

— Марфа? — позвал негромко. — Это я, батюшка. Сергей приехал.

Ответа не было. Только треснула ветка над входом.

Отец Павел дернул за ручку, и дверь со скрипом открылась, дома здесь никогда не запирали.

В сенях на ступенях лежала хозяйка. Малышеву достаточно было одного взгляда, чтобы понять: женщина мертва.

— Господи… — прошептал Павел и перекрестился.

Сергей молча присел рядом. Пальцы Марфы были холодны как лед, открытые глаза смотрели в бревенчатую стену. На лице старушки застыло выражение ужаса.

Батюшка тихо молился рядом, а Малышев неспешно осматривал тело, стараясь ничего не трогать.

— Когда вы последний раз встречались с ней? — спросил он, не глядя на священника.

— Она была в храме позавчера, еще спрашивала

о тебе, говорила, что ждет, — ответил отец Павел, качая головой. — Неужели поскользнулась? Как же так, Марфа?

В сенях было довольно прохладно, но не настолько, чтобы ступени могли обледенеть. На ногах у женщины были войлочные домашние тапки — вряд ли она выходила в них на улицу, откуда могла бы принести на подошве мокрый снег. Да и, кроме халата и обвязанной вокруг пояса серой шали, на старушке ничего не было.

— Ногти обломаны, — задумчиво проговорил Сергей. — Да и поза не слишком похожа на случайное падение. Точнее скажет эксперт…

— Когда теперь, — вздохнул отец Павел. — В такую-то погоду!

— Да и смерть старушки в праздничные дни вряд ли вызовет у них особое рвение, — кивнул Малышев, вспоминая стиль работы здешних коллег.

За высоким окном в сенях, на стеклах которого мороз оставил замысловатые узоры, завывала вьюга.

Мужчина сидел на корточках возле трупа и внимательно разглядывал сухие безжизненные старческие руки. Затем достал из кармана телефон, посмотрел на экран и убедился, что связи

по-прежнему не было.

— Не приедут они скоро, — устало проговорил батюшка. — Все замело, до самого райцентра все в заносах, поди. Только на снегоходе, а их у нас нет.

— Значит, разберемся сами. Тело пока лучше не трогать.

— Но как же… — начал было старик, но осекся и снова принялся за молитву.

Малышев открыл дверь и вышел из сеней на крыльцо. Он оглядел двор — никаких следов не было, даже его собственные успело замести. Мужчина обошел вокруг дома, то и дело проваливаясь под наст. Все тут казалось замерзшим навсегда, как сцена из старого фильма. Вернувшись на крыльцо, он принялся поправлять сбившийся коврик у двери, на котором поблескивали снежинки. Наклонившись, Малышев заметил на нем то, что сначала принял за комок глины. Коричневый полукруг оказался обломком старой костяной пуговицы. Сергей вернулся в сени, где отец Павел продолжал усердно молиться, и убедился, что на халате Марфы пуговицы были совсем другими, пластиковыми, с перламутровым отливом. Более того, все они были на месте. Он сунул находку в карман и позвал:

— Пройдем в дом, отец Павел.

Старик кивнул и аккуратно поднялся по ступеням, стараясь держаться возле стены, чтобы ненароком не задеть покойную.

Малышев приметил в сенях старый комод с редкими следами лакового покрытия, открыл один из ящиков и извлек на свет кусок светлой ткани. Развернул выцветший от времени ситцевый платок и накрыл лицо Марфы.

Отец Павел осенил себя крестным знамением, и они вошли в дом.

Изба встретила их глухой, вязкой тишиной. Как будто и не было только что тела у порога, не было той тяжести, что легла на плечи мужчин сразу, как они вошли в сени.

Батюшка включил свет и встал у окна. Малышев прошелся по комнате. Дом был стар, но ухожен: нарядные половики, в углу примостился веник, на окне — герань в горшке. Все как у тех, кто давно никуда не уезжал и не ждал перемен. В центре комнаты на круглом столе, покрытом кружевной скатертью, лежала книга псалмов, открытая на середине. Рядом — сложенные клочки бумаги, обрывки, скорее всего из старых тетрадей, и простенькая шариковая ручка в пластиковом корпусе. Сергей аккуратно перебрал

листы — никаких записей на них не было.

В углу, на скамье, лежала вязаная кофта, аккуратно сложенная. На крохотном кухонном столе у окна стоял недопитый настой шиповника, давно остывший, рядом лежали засахаренные корки лимона на блюдце со сколом, все как при живом человеке.

Павел остановился у иконы и перекрестился. Мужчины не проронили ни слова, будто боясь нарушить покой хозяйки, не в силах осознать, что покой этот — вечный.

Малышев подошел к печке, заслонка была чуть приоткрыта, оттуда шел слабый жар. Видно, Марфа топила с утра.

Он достал кочергу, намереваясь пошевелить угли. И вдруг заметил что-то плотное и белесое, обгоревшее по краям. Клочок бумаги прилип к кончику кочерги. Малышев осторожно открепил находку. Положил ее на деревянную разделочную доску, до которой смог дотянуться со своего места, и поднес ближе к свету.

«Каюсь… видела… молчала… Каюсь, Лена кричала…» — больше слов было не разобрать. Малышев прочитал дважды. Затем молча передал отцу Павлу. Тот долго смотрел и первым нарушил тишину:

— Записка для исповеди, Марфа частенько с такими подходила. Старики так иногда делают, чтобы не сбиться, не забыть грехов, в которых следует покаяться.

Малышеву стало зябко, но не от холода, дом еще хранил тепло. Догадка, засевшая семь лет назад в затылке, словно острая заноза, теперь снова давала о себе знать.

Тихая, скромная доярка бесследно исчезла. Родных у Елены не было, бабка, что ее вырастила, умерла за пять лет до случившегося. Девушка жила одна, работала молча, не жаловалась. Когда она исчезла, никто особо и не забеспокоился. Списали на то, что уехала в город, может к какому-то ухажеру, хозяин фермы тогда еще вспомнил, как девушка обмолвилась о том, что мечтает выучиться на ветеринара. Вот и подумали: отправилась за мечтой — не одной, так другой. Только Малышев тогда не мог отделаться от чувства, что девушка не сбежала. Опыта у него было немного, но ее уютная комната, документы в комоде, туфли у порога, жареная картошка на плите говорили сами за себя. Такая обстановка в доме бывает не при бегстве, а после чего-то непоправимого.

Малышев и отец Павел сидели у старого кухонного стола. Лампа под потолком в белом матовом

абажуре мерцала, будто ей не хотелось светить. Дом Марфы был теплым, печь все еще отдавала жар, натопленная по-хозяйски. В углу стояли валенки, рядом — аккуратно висел платок. Все здесь говорило о женщине, которая готовилась к встрече, а не к смерти.

— Что думаешь, Сергей? — спросил батюшка.

Малышев не сразу ответил. Он листал страницы своей памяти, как старые допросные протоколы: строчки, лица, взгляды и неосязаемая фигура Лены Гущиной, исчезнувшей без следа и, казалось бы, без причины.

— Марфа Яковлевна не просто упала, — сказал он. — Слишком своевременно это случилось: просила позвать меня — и вот перед самой встречей умирает на пороге.

— И следов-то нет, — задумчиво проговорил батюшка. — Ни на пороге, ни во дворе, метель замела все, будто смерть сама пришла.

— Или тот, кто знал, куда идти, — ответил Сергей.

Он снова оглядел комнату, задержав взор на валенках в углу и висевшем на гвозде теплом коричневом пальто. Подойдя ближе, он убедился, что пуговицы на нем не были похожи на ту, обломок которой он нашел у порога.

— Кто знал, что покойная хотела исповедаться и искала встречи со мной?

— У нас в деревне не так уж много народу, но языки быстрые, узнать могли. Марфа не из болтливых, но могла поделиться своими намерениями с кем-то, кроме меня.

— Вот с этого и начнем, — сказал Сергей.

Метель за окном чуть утихла, они покинули дом Марфы, не погасив свет. Над деревней повисла глухая, промозглая тишина: дороги заметены, где-то за околицей тявкала собака да скрипели ворота в чьем-то дворе.

В Лиходееве всегда было немного людей, но в этот день деревня казалась и вовсе полупустой, будто жила в полудреме, в полутонах между явью и забвением.

Малышев и отец Павел шли по укатанной тропинке от дома Марфы в сторону старого клуба. Там, как сообщил старик, собирались вечерами женщины: грелись у печки, обсуждали, кто как живет, кто кого навещал, кто болеет, а кто поправился.

— Если кто и знал про Марфину исповедь, — сказал он, — там подскажут.

В клубе пахло углем, на столе дымился самовар. На табурете у печки сидела баба Варя, подперев

щеку, рядом — Дуня Лосева, с длинной толстой косой, уже седой, и вечно поджатыми губами. Среди них была женщина помоложе, Людмила, работавшая почтальоном.

Павел поздоровался и представил Сергея. Кое-кого из присутствовавших Малышев помнил.

— Нам бы только понять, — спокойно начал он, — знали ли вы, что Марфа собиралась на исповедь?

— Так зачем старой-то исповедоваться? — удивилась Варя. — Одна живет, ни с кем не спорит, не ворует, не пьет.

— Она мне говорила, — вступил Павел, — что грех старый у нее имеется, большой.

Те переглянулись.

— Так пущай покается, — фыркнула Людмила.

— Не успела она, — огорошил женщин отец Павел и сообщил, что Марфа Яковлевна отошла в мир иной.

В клубе раздался дружный тяжелый вздох, баба Варя разразилась рыданиями и причитаниями. Хотели звонить родне покойной, но связь по-прежнему отсутствовала.

Минут десять ушло на то, чтобы унять стенания и вернуться к интересовавшей Малышева теме. Первым делом он попросил в дом к покойной

не ходить, дождаться приезда своих коллег из района.

— Да кто ж знал-то, — медленно произнесла Дуня. — Марфа молчаливая, но вот вчера к ней кто-то заходил вечером. Я через окно видела силуэт мужской, в валенках.

— Кто? — спросил Сергей осторожно, боясь спугнуть удачу.

— Да почем знать, слишком темно было. Походка такая уверенная, вряд ли старик. Да и вовсе не из наших, может.

— А чего это — не из наших? — тут же встряла Варя. — Все свои, тут чужим делать нечего: метель, чернота.

Сергей пригляделся к Дуньке. Та нервничала. Не от страха, а оттого, что сказала лишнее.

— Если кто и знал про исповедь, так это тот, кто в церковь приходит часто, — заметил он вслух.

Женщины молчали, а отец Павел посмотрел на Сергея и сказал:

— Есть у нас один человек, кто часто в храме бывает. Прислуживает даже иногда.

— Да-да, и язык как решето, — подхватила почтальонша. — Без злобы он, но не держит в себе ничего, не может просто.

— Имя? — спросил Малышев.

— Николай Зюзин, сын бабы Агриппины. Ему под сорок, но все еще в холостяках ходит. Немного того он — с приветом, — но безобидный. К Марфе заходил иногда дрова поколоть, воду принести.

— Где его найти?

— В доме у матери, ближе к реке. Но не знаю, дома ли сейчас, Николай часто по лесу ходит, говорит, слышит там голоса ангелов. Хотя в такую погоду, поди, у печи сидит.

— Что ж, — сказал Сергей, — самое время с ангелами поговорить.

Людмила вызвалась проводить гостя, отцу Павлу пора было возвращаться в храм. Она прошла с Малышевым метров сто и, указав рукой на заснеженную серую избу, простилась.

Дом Агриппины Зюзиной стоял возле леса, дальше только старая дорога на кладбище и подъезд к речке. Печная труба дымила, на заваленном снегом заборе висели веники, о которых хозяева, кажется, забыли.

Николай открыл сразу. Высокий, сутулый, с длинной шеей, как у птицы, и глазами, в которых метались тревога и детская простота.

— А, это вы, здрасьте, — смущенно произнес он. — Мама ушла в гости к Полине, заходите.

Кажется, хозяин перепутал Малышева с кем-то,

впрочем, судя по тому, что успели поведать о Зюзине местные, человеком он был с некоторыми странностями.

Сергей прошел в дом, тут пахло медом и чем-то подгоревшим. На столе он заметил стопку блинчиков, от которых шел пар.

— Угощу вас, — с улыбкой произнес Николай, приглашая гостя за стол.

— Меня зовут Сергей, — представился гость. — Николай, я не к матери, к тебе пришел.

Мужчина кивнул, вопросов не последовало.

— Николай, ты ведь у Марфы бывал?

— Бывал, — кивнул тот. — Дрова поколоть, снег почистить. Одинокая ведь, дочь в областном центре давно живет с семьей. Марфа добрая и пироги с брусникой вкусные печет.

— Ты и сам не лыком шит, — заметил Малышев, макая горячий блин в блюдце с медом.

— Мать научила, — радостно закивал Николай.

— Слышал, что Марфа хотела исповедаться?

— Было дело, говорила, надо бы перед Рождеством. Я ей тогда сказал: «Чего вам, бабушка, каяться? Вы и мухи не обидите». А она мне — нет, мол, есть грех, большой. Тебе, говорит, не понять.

— Что еще говорила?

Николай замялся.

— Сказала, что точно решила снять грех с души, который семь лет за пазухой держит, что человека из города позвала. Я не понял, про что она, зачем на исповеди кто-то кроме батюшки? Подумал, может, врач какой.

Сергей нахмурился.

— Ты кому-то об этом рассказывал?

Тот задумался, почесал густую бровь.

— Я, когда на ферме помогал, с Семенычем разговорился. Он к Рождеству готовился, я и сказал тогда, что хочу исповедаться перед праздником, как баба Марфа, только грехов на ум не приходит, попросил помочь, подсказать, в чем я грешен. Ну он и спросил, что это я вдруг, а я ему про бабкины намерения и рассказал.

— Что именно? — напрягся Малышев.

— Ну что не хочу я семь лет в душе грехи носить, чтоб потом из города людей звать пришлось.

— А он что?

— Лопату из рук у меня выхватил и говорит: ступай, мол, отсюда. Я и ушел.

Сергей приподнялся на стуле.

— Когда это было?

— Дня два назад, может, три. Я в стойлах помо-

гал, а он на погрузчике был. Мне там работы часа на два оставалось, не знаю, что на него нашло…

— Ваш разговор кто-то еще слышал?

Мужчина призадумался.

— Тракторист с фермы, Егорка, он мог слышать, но точно не скажу.

— Ты не жил в Лиходееве, когда девушка пропала семь лет назад, Лена?

— Нет, мы в Ясной жили, только там дом плохонький был, вот сюда и перебрались с матерью, когда дед Ваня помер.

— А Семеныч? — Сергей смутно припоминал, что бригадира местной фермы, кажется, звали Петром Семеновичем Рыбаковым.

— Так Рыбаков — главный по коровам, — весело подмигнул Николай.

Выходит, память Малышева не подвела.

— Николай, а у Марфы, когда она тебе о намерении покаяться рассказала, никого в доме не было?

— Так мы снаружи были.

— Проходил, может, из соседей кто-то?

— Дуню Лосеву в тот день точно видел возле дома Марфы, но в какой момент это было, не скажу — запамятовал.

Сергей вышел от Николая с тяжестью в груди.

Ветер усилился, хлестал по лицу, по щекам метался редкий сухой снег. Он шел обратно к клубу, мысленно перебирая все, что уже знал.

Старушка собиралась покаяться, просила пригласить его, значит, знала: кто-то из прошлого, связанный с тем давним делом, все еще рядом. Раньше боялась, а теперь, когда жизнь близилась к неизбежному финалу, страх, должно быть, отступил.

Николай услышал о ее планах, сболтнул об этом на ферме. Он-то не жил в деревне, когда исчезла Лена, и не мог догадаться, что Марфа могла что-то видеть в тот злополучный день. Да и откуда ему было знать, что ее покаяние касалось дела Лены?

Дом Марфы — у самой фермы. Что она могла разглядеть через окно в тот злополучный день? Перед глазами встала картина: одинокая старушка сидит у окна, слушает завывания ветра и лай соседских собак. И вдруг — крик, именно о нем она писала в записке для исповеди.

Женщин в клубе прибавилось. Судя по заплаканным лицам, собрались они по поводу кончины Марфы Яковлевны. При виде приезжего разговоры за столом стихли.

Взгляд Малышева задержался на Дуне. Она сидела, теребя косу, на него смотрела. Именно

Лосева сказала ему, что видела гостя, выходящего из дома Марфы, она же была замечена Николаем в тот день, когда убитая рассказала ему о своих планах. Могла ли Дуня что-то скрывать?

— У кого есть ключи от дома Елены Гущиной? — спросил он без лишних предисловий.

Лиходеевцы переглянулись.

— А тебе по что?

— Переночевать там хочу, — легко соврал он.

— Да ты что, его семь лет не топили, там крыша течет, да и вообще дурное место! — махнула рукой баба Варя. — На ночь ко мне приходи, а то вон к — Людмиле, она женщина видная.

— И все-таки, — настаивал Сергей.

— У Райки должен быть, она Лене родня какая-то дальняя. Это продавщица наша, — ответила Дуня. — Часиков-то сколько?

— Без десяти восемь, — сообщил Малышев.

— Так что стоишь? — возмутилась старушка. — Беги, авось успеешь до закрытия.

Мужчина смутно помнил, где находился деревенский магазин, но страх опоздать будто вел его. Через шесть минут он уже тянул на себя тяжелую дверь с заледеневшей металлической ручкой.

Продавщица Рая была полной и румяной женщиной лет тридцати с небольшим, она вечно

ходила в вязаном берете с помпоном, каким бы ни был месяц. Глядя на нее, Малышев вдруг вспомнил, что семь лет назад она уже работала здесь. Только тогда на ее голове красовалась соломенная шляпка с пестрыми синтетическими розами.

Рая уже видела его из окна магазина в компании отца Павла и теперь приветливо кивнула.

— Говорят, это вы с батюшкой Марфу нашли, — сказала она, облокотившись о прилавок. — Страшное дело, тихая старуха была, никому зла не делала.

Само собой, крохотный магазинчик, как часто бывает в таких местах, был точкой скопления слухов, вот и о кончине Марфы Яковлевны Рае уже успели сообщить.

— Я слышал, вы ключ от Лениного дома храните?

Рая замерла, прищурилась.

— От Гущинского? — переспросила она, будто не поверила. — А тебе зачем?

На круглом лице продавщицы блуждала улыбка. Малышев предпочел сделать вид, что не заметил, как женщина перешла на «ты».

— Хочу посмотреть, как там. — Он говорил спокойно, без нажима. — Тогда, семь лет назад, я как

будто что-то упустил.

Рая молча развернулась, залезла под прилавок, в коробку с мотками бечевки, ножницами и батарейками. Через минуту вытянула оттуда старый ключ на веревочке.

Малышев взял его, повертел в руке, ощущая холод металла.

— А что ты помнишь о ней?

— О Ленке? Да то же, что и другие. Девка она была порядочная, не хамила, не гуляла, работящая очень. Бабка ее приучила, царствие небесное, она ведь и мне родня, хоть и не бог весть какая. Я постарше Ленки на пару лет, а она будто взрослее была, серьезнее. Никто и не думал, что вот так возьмет да и исчезнет.

— Ухажеры были?

Рая задумалась. Глянула в окно, где мела метель, и вздохнула.

— Ну разговоры всякие ходили. Егорка, тракторист, на нее засматривался, да быстро отстал: видно, сам понял — не по зубам она ему. Сейчас у него уж семеро по лавкам.

Продавщица посмотрела на часы — магазин пора было закрывать. Малышев все понял и спросил скороговоркой:

— Кто-то еще?

— Да разные были, — расплывчато ответила Рая. — А что толку? Ни на кого она не смотрела.

— А про работу ее что знаешь? — Сергей решил зайти с другой стороны.

— Так дояркой она на ферме нашей работала, — удивилась женщина чужой неосведомленности. — Погоди, или ты тамошних ухажеров имеешь в виду?

Малышев кивнул.

— Точно, а я уж и позабыла, — ухмыльнулась продавщица. — Ленка мне пару раз жаловалась, что Рыбаков, бригадир наш, проходу ей не дает. Я ей еще советовала к нему приглядеться, а она заладила: отвратительный, страшный… Ну не знаю, я бы на ее месте нос не воротила. Может, и не красавец, зато при деньгах!

Рая еще немного порассуждала на тему недальновидности своей родственницы, и вскоре они простились.

Дом Лены стоял вдали от дороги, через низину, где весной вода до колен. Семь лет он пустовал, если не считать котов да редких мародеров, одно окно было заколочено изнутри, другое — выбито.

Сергей ступал по глубокому снегу, вспоминая, как ходил сюда в первый раз с участковым, с

бумажками и протоколами, которые в итоге никому оказались не интересны.

Старый ключ в скважине провернулся туго, как будто ворочал не механизм замка, а само время.

Дверь в дом Гущиных скрипнула и открылась, впуская Сергея внутрь. Тут было тихо, пыльно и темно, словно воздух в комнатах с тех самых пор не шевелился. Печка треснула по бокам, посуда на полке покрылась седой паутиной.

Сергей обошел комнату, коснулся стола, где все еще лежали выцветшая расческа и горстка невидимок. Взгляд цеплялся за мелочи: чашка с отколотым краем, коробка из-под пудры, блеклое фото в рамке, где Лена стояла с бабкой у ворот этого самого дома. Ничего не изменилось, все словно застыло в момент исчезновения девушки.

Она оставила вещи, свой дом, всю свою жизнь. Но по доброй ли воле? Теперь причин для сомнений стало еще больше, чем много лет назад.

Малышев закрыл дом и вернулся к церкви. Отец Павел встретил его на паперти: в руках лопата, ступени были уже очищены от снега.

— Долго ты, — заметил старик. — Пойдем в дом, продрог, наверное?

Малышев действительно успел замерзнуть так, что почти не чувствовал ног.

Низкий рубленый дом отца Павла с небольшой верандой стоял рядом с храмом. Поленницу занесло, снег хрустел под ботинками, как свежая корка хлеба.

— Заходи. Тепло у меня, чай горячий.

Внутри пахло сушеной мятой, топленым молоком и деревом. Лампа над кухонным столом светила тускло, мягко, отец Павел хлопотал, накрывая на стол.

— Я ведь не только у Николая побывать успел, — начал Сергей, сделав большой глоток обжигающего травяного чая. — Рая дала ключ от дома Лены.

— Она туда не возвращалась, — печально сказал старик. — Иначе бы в деревне давно прознали.

— Боюсь, что уже и не вернется, — покачал головой Малышев. — Марфу убили, потому что она знала правду о том, что случилось с Гущиной. Теперь картина вырисовывается довольно четко.

Отец Павел молча слушал, неспешно поглаживая длинную седую бороду.

— Рыбаков знал, что Марфа собиралась каяться. Николай обмолвился ему об этом, без умысла, и бригадир понял, что старушка что-то знает. А может, и раньше догадывался: ферма-то рядом

с ее домом, прекрасно из окон видна. Сложно сказать, что именно там случилось в день, когда Лена исчезла, но, вероятно, нечто страшное. Вспомнить хотя бы обрывки фраз из записки, что мы нашли в печи Марфы Яковлевны.

— Ты думаешь, Петр взял грех на душу? — осторожно спросил батюшка.

— Кроме него, разговор мог слышать ваш тракторист Егор.

Батюшка нахмурился.

— А еще Дуня, — вздохнул Малышев.

— Кто-то из них загубил Марфу?

— Кто бы он ни был, семь лет назад он вышел сухим из воды, девушку толком и не искали, убийца, вероятно, и думать о ней забыл, и тут вдруг Марфа со своим желанием облегчить душу. Злодей испугался и решил, что свидетеля надо непременно заставить замолчать.

— «Всякий делающий грех делает и беззаконие; и грех есть беззаконие», — процитировал старик строки из Библии.

— Начну с разговора с Рыбаковым.

Малышев не собирался ждать приезда коллег из района, он намеревался сделать это как можно скорее.

Отец Павел подошел к красному углу, где у икон

горела лампада, и тихо сказал, не оборачиваясь:

— Завтра Сочельник.

Медлить было нельзя.

Вьюга не стихала, снег валил почти вертикально, лип к воротнику, слепил глаза. Деревня спала: ни света в окнах, ни собачьего лая — только редкое потрескивание крыш под тяжестью снега. Люди прятались по домам, как звери в берлогах. Малышев шел по пустынной улице, будто через чью-то память.

Он продвигался медленно, словно каждый шаг требовал усилия не только телесного, но и внутреннего — и вспоминал, как сам допрашивал бригадира семь лет назад. Тот был молчаливым и угрюмым, его в Лиходееве никто особенно не любил и каждый побаивался, даже участковый его стороной обходил. Ходили слухи, что в девяностые у него и ствол был, и незаконный сбыт, но ничего не доказали. А потом Петр Семенович остепенился, женился на вдове, да сам быстро овдовел.

Тогда Рыбаков на вопросы Малышева отвечал сдержанно, хмуро, как будто теряет время, но и зацепок не было, только смутное ощущение, которое теперь стало уверенностью.

Сергей остановился у поворота. Впереди видне-

лась ферма, а за ней — дом Рыбакова, в окне горел свет, будто сообщая, что хозяин дома.

Малышев вдохнул морозный воздух, холод резал легкие.

На короткий и глухой стук ответа не последовало. Гость постучал снова. За дверью послышались тяжелые, неспешные шаги, звонко щелкнул замок. Кажется, бригадир был одним из немногих в Лиходееве, кто запирал дверь своего дома.

На пороге показался Рыбаков, все такой же, каким его помнил Малышев: щекастая физиономия, под глазами мешки, широкие плечи и острый взгляд карих глаз.

— О, какие люди! — Он словно не удивился. — Нежданный гость в такую-то погоду!

— Метелью не напугаешь. Поговорим?

— А чего не поговорить, проходи. — Хозяин посторонился.

Внутри было светло, пахло печкой и чем-то копченым. Сергей вошел, хлопнул валенками, которыми его снабдил отец Павел, о порог и, присев, стал неспешно стаскивать их. В углу висел серый потертый тулуп с облезлым мехом. Малышев на миг задержал на нем взгляд, внимание привлекли костяные пуговицы, точь-в-точь как тот обломок, что он нашел у тела Марфы. Опреде-

ленно, он пришел по адресу.

Сергей сел за кухонный стол, на котором стояли бутылка самогона, недопитая стопка и нехитрая закуска. Рыбаков достал еще одну рюмку, Малышев хотел было отказаться, но вовремя сообразил, что делать этого не следует.

— Ты неужели по Марфину душу? Быстро прибыл, ее ведь только нашли. Вроде, слышал, ты в город перебрался.

— Перебрался, — согласно кивнул Сергей. — Ты ведь знал, что бабка собиралась исповедаться?

Рыбаков чуть прищурился.

— А кто не знал? Деревня мала, языки длинны.

— И кто тебе сказал?

— Старухи — они же как свечи под салфеткой: сначала светят, потом чадят.

Сергей выдержал паузу.

— Николай сказал мне, что проболтался тебе.

— Ну, может, и говорил, слухами земля полнится.

— И ты понял, о чем она расскажет.

Рыбаков усмехнулся, не глядя на собеседника.

— Ты меня в чем-то обвиняешь?

— Пока нет, только спрашиваю. Ты ведь к Лене Гущиной, доярке вашей, неровно дышал, деревенские помнят.

Семеныч положил руки на стол, массивные, с огрубевшими пальцами.

— Девка была красивая, молодая, да глупая, такие любят играть.

— Только она не играла, а отвергла тебя, а потом вдруг исчезла. Ты был последним, кто ее видел на ферме. Утром сказали, что домой доярка не вернулась. И ты тогда молчал, а Марфа-то все видела и спустя семь лет перед Рождеством решила покаяться — видно, предчувствовала скорую кончину, — да не успела. Кстати, деревенские видели, как ты вчера заходил к ней в дом.

В комнате стало тихо, только за окном мела метель, будто в мире ничего больше и не происходило.

Рыбаков долго смотрел на гостя, а потом осушил стопку и резко встал.

— Пошел ты, Малышев, — сказал глухо. — Думаешь, что ты и есть сама правда?

— Марфа мне все рассказала, — решил сблефовать Сергей.

Рыбаков не вздрогнул, только чуть прищурился.

— Что рассказала-то?

— Все, — спокойно сказал Сергей.

— Старуха… что с нее взять, мало ли что пока-

залось на девятом-то десятке.

— Не показалось, — отрезал Малышев. — Николай сказал, что обмолвился тебе о ее намерении исповедаться, сказал и забыл, а ты запомнил. И вот Марфа мертва, а на коврике возле ее порога — пуговица костяная, вот такая. — Он вынул из кармана обломок, положил на стол. — С тулупа, что вон там у тебя висит, оторвалась, когда ты делал свое грязное дело.

Рыбаков тихо поставил пустую стопку на стол. Ни злости, ни страха в нем не было.

— Ты думаешь, я ввалился к ней и убил, и все ради чего? Старого страха?

— Не страха, — сказал Малышев. — Совести. Ты понял, что, если Марфа заговорит, тебе не отвертеться. Хотя, кажется, страха в этом все-таки больше.

Он достал из внутреннего кармана сложенный клочок бумаги — обгорелый, с трудом читаемый.

— Ты пытался сжечь ее шпаргалку для исповеди, сунул в печь, да вот незадача — не догорело.

Рыбаков молчал.

— Деревня помнит, как ты глядел на Лену, как пытался за ней приударить, а она отказала. Ты не смирился, решил силой взять, да только ту самую силу не рассчитал, замел следы и забыл,

как звали.

Сергей поднялся, не дожидаясь ответа. Натянул варежки, пошел к двери.

— Связь появилась, — улыбнулся он, глядя на смартфон. — Утром коллеги доберутся. В такую погоду тебе отсюда не уйти!

Он открыл дверь, за которой его ждала ночная мгла.

Утром ветер стих, метель осела, будто выдохлась, оставив деревню под мягким покрывалом тишины. Снег на крышах лежал ровно, нетронуто, как белая простыня на забытом постоялом дворе.

Еще ночью в телефонах появился сигнал — слабый, дрожащий, но живой. Утром Сергей первым делом сообщил в район.

Около полудня, пробиваясь на старом уазике, в Лиходеево прибыли коллеги из района, а с ними женщина лет пятидесяти, в длинном пуховике и платке.

— Это Лидия, дочь Марфы, — шепнула Дуня.

Она, Малышев и отец Павел встречали приехавших возле дома покойной.

Когда «буханка» затормозила у изгороди, Лидия выскочила первой, платок соскочил на плечо, снег падал на волосы, а она уже цеплялась за

калитку, проваливаясь по колено в рыхлый наст.

Отец Павел хотел было окликнуть, остановить, не пустить сразу в дом, но не успел.

— Мамушка! — сорвалось с губ Лидии, когда она вбежала в сени. — Мам… — И голос захлебнулся.

Тело Марфы так и лежало в сенях, накрытое старым ситцевым платком. Женщина упала рядом на колени, обняла, прижавшись лбом к застывшим рукам.

Сергей стоял в дверях в компании остальных, отводя взгляд. Прохор, грузный мужчина с добродушным лицом, — его он хорошо помнил по службе в районе — подошел к женщине и попытался объяснить, что тело лучше не трогать.

Лидия нехотя выпрямилась, глядя на мать долго, будто запоминая.

— Это… — Женщина достала из сумки запечатанный конверт. — Она две недели назад мне отдала и сказала: «Если не успею, передай Сергею, он поймет».

Лидия, чуть замешкавшись, протянула конверт Малышеву.

— Это вы?

— Я, — нахмурившись, ответил тот.

— Она… — Голос женщины дрогнул. — Она ведь все чувствовала, будто знала, что не успеет.

Сергей кивнул и бережно спрятал конверт во внутренний карман. За окном снова пошел снег: легкий, тихий, как если бы сама зима склоняла голову в молчаливом ожидании.

Пока прибывшие толпились в сенях, Сергей вышел на крыльцо и вскрыл конверт. Бумага шершавая, плотная, будто старая тетрадная обложка, слегка отсыревшая по краям. Почерк был неровным, но уверенным.

Он постоял с минуту, глядя на дом, как будто спрашивая разрешения у хозяйки, и только потом принялся читать:

«В тот вечер, семь лет назад, сидела я у окна, пряла. Уже темно было, поздно. С фермы люди разошлись, только Рыбаков задержался. Я видела, как он догнал Лену. Она от него отмахивалась, руками сучила, а он все тянул ее к себе. Я грешным делом подумала: мол, ссорятся да мирятся, бывает, но видно было, что не по нраву все это ей. А потом крик раздался, страшный, протяжный, но разглядеть ничего не удалось.

Минут через сорок, может час, я опять к окну и вижу: катит бригадир тачку, груженую, тяжелую, идет та медленно. Старалась высмотреть, да там все мешками накрыто, и тут вижу ногу босую, не иначе как Ленину. Он тачку к силосной

яме поволок, все озирался. Я шторку чуть отодвинула тогда, чтоб не заметил, ведь иначе следом на этой самой тачке и уехала бы.

Утром Лена исчезла. Искали, да быстро перестали. Один ты, сынок, пытался, но быстро тебе крылья-то пообломали. Я не серчаю, все понимаю. Сама молчала я, дура, боялась Рыбакова, а кто не боялся? Но теперь хочу грех с души снять, недолго мне осталось. Пусть Петр знает, что Господь все видит».

Малышев сложил лист и аккуратно убрал в карман, туда же, где лежал обломок костяной пуговицы.

Теперь у него было все: свидетель, мотив, подтверждение собственных догадок и долг довести дело до конца. Не для отчета, перед районом он уже обязательств не имел. Для Лены, для Марфы, для деревни, в которой наконец кто-то сказал правду.

Специалисты из района уже собрали материалы и теперь один за другим сновали между домом, «буханкой» и соседским сараем, куда временно отнесли тело.

Малышев стоял с Прохором возле уазика. Он уже передал ему и конверт с письмом, и обломок пуговицы, и всю информацию, что успел собрать

накануне.

— У тебя тут вся история как пазл сложилась, — заметил толстяк. — А без тебя никто бы и не копнул, подумали бы, что бабка в сенях оступилась.

Когда все было закончено, Сергей вернулся в дом отца Павла. Священник поставил на стол чайник, разлил напиток по чашкам, но Сергей только согрел руки о бока кружки.

— Останься, — попросил отец Павел. — Сегодня Всенощное бдение. Не только зло раскрывать, но и свет впускать надобно.

Сергей улыбнулся от нахлынувших вдруг воспоминаний.

— Последний раз я на такой службе был еще с бабушкой, лет в восемь.

— Значит, давно пора повторить.

Храм к ночи наполнился мягким светом и шорохом шагов. Деревенские входили тихо: кто-то в тулупе, кто-то в пуховике, женщины в платках, дети с румяными щеками, старики с поседевшими бровями.

Сергей стоял у стены, ближе ко входу. Он не пел и не молился вслух, только смотрел, слушал, вспоминал.

Звук пения, живого, дрожащего, как лампада

на сквозняке, вдруг проник в самую глубину, ту, что он годами закрывал делами, уликами, протоколами.

Христос рождается — славите…

Когда служба закончилась и свечи догорели, а народ стал понемногу расходиться, кто-то легко коснулся его рукава.

— С Рождеством, Сергей, — застенчиво произнесла Рая.

Улыбнулась чуть устало, но тепло и по-настоящему.

— И тебя, — ответил он и на миг задержал взгляд.

Двери храма были открыты, и он заметил, что снова пошел снег: мелкий, рассыпчатый, но в этот раз он казался уже не холодным, а живым. Как будто зима наконец выдохнула — и вместе с ней выдохнул Малышев.

Виктория Шорикова

Пончик и трилистник

Оля смотрела сквозь стекло автомобиля на падающие белыми хлопьями огромные снежинки. Погода на улице царила самая что ни на есть рождественская. И рекламные баннеры, висевшие вдоль заправочной станции, куда они с Андреем заехали взять кофе в дорогу, сплошь пестрили упоминаниями о предстоящем празднике, особых акциях и подарках.

Девушка вздохнула. Она перевела взгляд на боковое зеркало и поправила волосы. Ольга сама была как Снегурочка или зимняя принцесса. Пшеничного цвета локоны, большие голубые глаза, приятные черты лица и белая модная шубка. Девушке можно было смело идти в модели, но она выбрала более интересное направление и поступила на актерский факультет престижного вуза, пройдя огромный конкурс.

А на своих первых съемках Оля познакомилась с Андреем — начинающим режиссером и отпрыском весьма состоятельного семейства. Девушка поначалу не хотела сближаться с настойчивым ухажером, посчитав, что он избалованный мажор, который не захочет постоянных отношений.

Но Андрей на удивление оказался очень интеллигентным и серьезным молодым человеком. И на это повлияло воспитание бабушки — Аделаиды Аркадьевны.

При воспоминании об этой чрезмерно активной и творческой женщине Ольга невольно поморщилась. Бабушка Андрея уверенно распоряжалась всеми делами семьи Семеновых. Неизвестно, был ли когда-либо у нее муж. Семейная легенда гласила, что он погиб во время какой-то загадочной экспедиции на север. Злопыхатели же ехидно улыбались, тонко намекая, что никакого супруга отродясь не было. Тем не менее единственного сына Павла Аделаида вырастила сама, не давая ему лишней свободы, из-за чего тот стал классическим маменькиным сынком. А после его ранней смерти от инфаркта переключила все свое внимание на двух внуков, но те оказались более свободолюбивыми.

Младший, Андрей, несмотря на всю любовь к бабушке, связал свою жизнь с творчеством, выбрав профессию режиссера. А старший, Аркадий, неохотно помогал в семейном бизнесе, но попутно мечтал стать известным художником-скульптором, а еще был редкостным транжирой и частенько зависал в модных столичных заве-

дениях.

Сама же Аделаида Аркадьевна по специальности была инженером пищевой промышленности, а потом успешно переквалифицировалась в бизнес-леди, открыв сперва свое небольшое кафе, которое затем разрослось в сеть ресторанов. В прошлом году Аделаида отпраздновала почетный восьмидесятый день рождения и всерьез забеспокоилась о том, кому оставит свой любимый бизнес. Сын рано умер, а невестка давно сбежала от властной свекрови. Вся надежда была на внуков.

— Не заскучала? — радостно произнес Андрей, усаживаясь в машину. — Держи свой латте на банановом. Целую очередь пришлось за ним отстоять! — Он протянул девушке стакан с кофе.

— Скоро мне вообще придется о нем забыть, — поморщилась Ольга. — И обо всех прочих благах цивилизации тоже! Почему твоей бабуле приспичило поселиться в лесу? Пока доедешь к ней — состаришься!

— Ты же знаешь, у бабушки легкие больные, врач сказал, что ей лучше жить на природе, там, где сосновый бор…

— Ой, только не надо начинать! — перебила Оля. — Аделаида Аркадьевна нас всех переживет.

У нее энергии больше, чем на атомной станции. Даже в молодости не каждый может похвастаться такой активностью. Ей просто захотелось иметь свое поместье, как у дворян! Сад, угодья, река, замок!

— И она это заслужила, — отрезал молодой человек, заводя двигатель. — Бабушка все заработала сама. И ты даже не представляешь, как это трудно — поднять свой бизнес с нуля. У нее не было ни богатых спонсоров, ни помощников.

Ольга промолчала. Ей не хотелось спорить, хотя, конечно же, перспектива провести все зимние каникулы в лесу ее совсем не радовала. Особенно когда остальные коллеги будут на съемках, вечеринках и корпоративах. Оля уже представила, как лента ее соцсетей станет пестрить фотками коллег-подружек в шикарных платьях. Девушке, конечно, хотелось все высказать Андрею, но ругаться перед праздником тоже было не лучшей идеей…

— А кто еще приглашен на это домашнее торжество? — обреченно спросила она, глядя, как за окном показался унылый пейзаж темного заснеженного леса.

— Аркашка будет, — бодро начал молодой человек, с облегчением выдохнув при виде

того, что его невеста настроена мирно. — С Юлей, — добавил он, опасливо покосившись на возлюбленную.

С супругой Аркадия у Ольги сложились напряженные отношения. Юлия окончила архитектурный институт и считала себя утонченной интеллектуалкой. Она одевалась в строгом деловом стиле, носила очки в модной оправе и считала Олю глупой пустышкой. Однажды девушка нечаянно услышала разговор, где Юля называла ее гламурной стервой и чуть ли не женщиной легкого поведения, после чего их общение полностью сошло на нет.

«Ладно, — про себя подумала Оля. — Буду тренировать выдержку. Лучше вообще игнорировать эту снобку. А то еще скажет всем, что я скандалистка, и выставит меня в дурном свете перед Аделаидой Аркадьевной. Ни к чему эти лишние склоки. Считаете меня дурочкой? На здоровье! Я буду молчать и улыбаться. Но свои выводы сделаю и в обиду себя не дам».

Явно обрадовавшись, что невеста не высказывает претензий, Андрей продолжил уже более уверенно:

— А еще приедет Изабелла. Бабушка говорит, что нельзя оставлять ее одну, надо ей помогать…

Обладательница столь редкого имени являлась внучкой сестры Аделаиды Аркадьевны. По несчастливому стечению обстоятельств девочка рано осталась без родителей, и сердобольная бабушка Андрея взяла над ней шефство. Правда, Беллу особо не баловали. Аделаида Аркадьевна посчитала, что той лучше всего подойдут занятия танцами, и девочка буквально поселилась в балетной школе с довольно жестким уставом. А затем ее еще и заставили дополнительно поступить в консерваторию. Неудивительно, что из нее выросла типичная серая мышка. Изабелла была худенькой девушкой с толстой русой косой, вечно одевалась в какие-то скучные блеклые вещи, гордо именуемые ею классическим стилем.

— Ну и Нюра, конечно же, куда без нее, — закончил Андрей.

Нюрой в домашней обстановке называли личную помощницу Аделаиды Аркадьевны — бойкую девицу, способную и приготовить самое изысканное блюдо, и книгу вслух почитать, и составить компанию для прогулки. В общем, универсальный человек и на все руки мастерица.

— Ее мильфей [1] — это просто сказка, — искренне восхитилась Оля. — Пожалуй, только ради Нюриной стряпни стоит потерпеть эти скучные каникулы.

— Да ладно тебе! — принялся успокаивать невесту молодой человек. — Там природа красивая. Устроим тебе шикарную фотосессию. И не одну. Рилсы поснимаем, видеовизитку. Тебе же все это для портфолио нужно.

— Не подлизывайся! — засмеялась девушка.

Когда они наконец добрались до дома Аделаиды Аркадьевны, затерянного среди гор и темного леса, Ольга уже мечтала лишь о том, чтобы выбраться из машины и немного пройтись. У нее затекли ноги и хотелось свежего воздуха. Девушка еще раз про себя подумала, что не понимает прелестей жизни в такой дали от цивилизации. Она бы ни за что не поселилась в такой глуши, хотя дом бабушки Андрея однозначно заслуживал восхищения. Это был огромный особняк из добротного красного кирпича со множеством комнат, двумя гаражами и великолепным, сейчас уснувшим под слоем снега фруктовым садом.

---

[1] Примечания: 1

Мильфей (или мильфей, mille-feuille) — это французский десерт, состоящий из слоев хрустящего слоеного теста и крема, часто украшенный сахарной пудрой, ягодами или глазурью *(прим. ред.).*

Когда они наконец добрались, на улице уже стемнело. Но Андрей сразу заметил чужой автомобиль, стоявший недалеко от входа.

— Это еще кто? — удивленно произнес молодой человек, паркуя свой кроссовер.

— Я думала, ты знаешь всех приглашенных, — пожала плечами Оля.

Девушка подумала, что будет намного веселее, если приедет еще кто-то из гостей. Может быть, она даже найдет с кем пообщаться. Ольга с удовольствием вдохнула жгучий морозный воздух и, потянувшись, направилась ко входу, оставив Андрея самого разбираться с их сумками. Дверь ей открыла Нюра. Помощница Аделаиды Аркадьевны была одета в черное строгое платье и казалась очень обеспокоенной.

— Хорошо, что вы доехали, — с облегчением выдохнула она. — Сегодня обещали метель. Мы уже боялись, что вы застряли в дороге. А где Андрей Павлович?

— Сейчас догонит. Он там с вещами возится, — беспечно отмахнулась Оля.

В прихожей она скинула с себя белую шубку и осталась в ярком, обтягивающем алом платье. Девушка направилась прямиком в гостиную, где обычно собирались гости. Но сейчас атмосфера

в доме царила какая-то гнетущая. В просторной комнате на антикварном диване со множеством подушек расположились понурые Аркадий и Юлия, а в соседнем кресле сидела бледная как полотно Белла.

— А где наше праздничное настроение? — с порога поинтересовалась Ольга. — Чего все такие унылые? На похоронах, что ли?

Реакция собравшихся оказалась неожиданной и поставила девушку в тупик.

— Вот дурочка! — презрительно прокомментировала Юля, поджав губы.

А Изабелла громко разрыдалась, закрыв лицо руками.

— Вы чего? — только и смогла произнести ошарашенная Оля.

— К сожалению, у нас действительно скоро планируются похороны, — тяжело вздохнув, пояснила подошедшая Нюра. — Аделаида Аркадьевна скончалась.

— Как?! — Теперь уже Ольга побледнела.

В этот момент в гостиную наконец-то вошел обвешанный сумками и пакетами Андрей. Похоже, его тоже изрядно удивил скорбный вид собравшихся.

— А чего нас никто не встречает? Где бабуш-

ка? — спросил он, удивленно глядя на всех.

— Андрюш… — Оля поспешно подошла к жениху. — Она… умерла…

— Что?!

Андрей от неожиданности выронил один из пакетов, вещи из него посыпались на пол, но молодой человек не обратил на это никакого внимания.

— Обширный инфаркт, — опустив глаза, прокомментировала Нюра. — Сегодня ночью. Пока скорая к нам доехала… уже и поздно было спасать.

— Не может быть… — прошептал Андрей. — А где она? В смысле…

— В морге. При ближайшей больнице. Мы решили, что похороны лучше будет проводить после праздников.

— Кто это «мы»? — резко переспросил молодой человек.

В это время в зал вошел импозантный мужчина лет пятидесяти пяти в деловом костюме в синюю клетку и с идеально причесанными, чуть удлиненными седыми волосами. От него веяло лоском и деньгами. Ольга никогда прежде не видела этого человека.

— Олег Петрович? — удивленно вскинул брови

Андрей. — А вы-то откуда? Так быстро прилетели. — Он неодобрительно хмыкнул.

— Да, Андрюша, — как ни в чем не бывало кивнул мужчина. — Меня Нюрочка вызвала, еле доехал к вам. У нас с Аделаидой была договоренность, что как только… этот день настанет, я сразу займусь всеми юридическими вопросами. И сейчас мы обсудим важные детали завещания.

— Завещания? — растерянно переспросил Андрей, а затем развернулся к своей невесте: — Оля, познакомься, это наш семейный адвокат…

— Да, — вежливо улыбнулся Олег Петрович. — Рад встретиться с вами. Жаль, что при таких печальных обстоятельствах. Но мы должны уважать волю покойной. Андрюш, бери свою очаровательную спутницу и располагайся. Сейчас я обо всем расскажу. Нюрочка, а ты принеси, может, нам чего-нибудь? Закусочек там каких-нибудь легких, кофейку? Все же с дороги!

Нюра поспешно умчалась выполнять поручение, хотя Ольга подумала, что в такой обстановке никому кусок в горло не полезет. Девушка сама взяла своего растерявшегося жениха под локоть и усадила его на второй диван напротив брата. Аркадий сидел как будто в трансе, зато Юля не поленилась окинуть Олю презрительным взгля-

дом. Белла же продолжала тихо всхлипывать, размазывая по лицу и так растекшуюся тушь.

Стараниями Нюры на столе в гостиной очень быстро появились чайник с кофейником, множество бутербродов, различные нарезки, маффины, печенье, конфеты, фрукты. После такой «легкой» закуски можно было смело ходить сытым весь день. Увидев все это разнообразие, Ольга поняла, что на самом деле проголодалась в дороге. Однако есть в такой обстановке ей было неловко, поэтому она поспешно отвернулась от дразнящих тарелок.

Олег Петрович вышел на середину гостиной и начал свою речь.

— Что ж, дорогие мои, позвольте выразить всем вам мои искренние соболезнования, — громко произнес он. — Аделаида была мне как сестра. Именно поэтому, учитывая свой почтенный возраст, она заранее попросила меня подготовить все необходимые бумаги и передать вам ее последние распоряжения. Конечно, я рассчитывал, что этот день настанет нескоро… Но такова судьба, есть вещи, над которыми мы не властны…

— Да как вы можете обсуждать сейчас какие-то бумаги?! — возмутился Андрей. — Бабушки не стало! А вы! Только и думаете, что про свою

выгоду!

— Дорогой, успокойся. — Ольга сразу взяла его за руку.

— А когда еще это обсуждать? — недовольно бросил пришедший в себя Аркадий. — Сейчас мы все разъедемся по своим делам. У меня вот выставка восьмого числа. Когда нам собираться-то?

— Да, это правильно, — неожиданно подала голос робко жавшаяся до этого в своем уголке Изабелла. — Раз бабушка так хотела, значит, так надо.

— Да-да, — поспешно закивал Олег Петрович. — Как вы все знаете, Аделаида всегда сильно радела за свой бизнес. И она очень хотела, чтобы потомки продолжили ее начинания, а также чтили семейные традиции и историю. А еще она беспокоилась, что вы мало уделяете ей времени и толком не слушаете то, что она хочет вам рассказать, чему пытается научить…

— Вы это к чему сейчас? — удивленно перебил Аркадий.

— К тому, — чуть улыбнулся адвокат, — что Аделаида решила поделить пятьдесят процентов своего имущества и денежных средств между всеми присутствующими тут, включая Нюру, которую считала частью семьи.

— А оставшиеся пятьдесят? — озадаченно спросила Юля, поправляя свои очки.

— А остальные пятьдесят единолично достанутся тому, кто найдет ее завещание первым, — торжественно сообщил мужчина. — Его имя будет вписано туда.

— Позвольте, что за странные игры? — возмутился брат Андрея. — По-вашему, мы должны сейчас ходить и рыться во всех вещах в поисках бумаг? Это же… абсурд!

— Не совсем так, — мягко перебил его Олег Петрович. — Аделаида сказала, что оставила подсказки, они очень легкие и понятные. Вам достаточно лишь вспомнить те семейные истории, которые она вам рассказывала. В них есть все что нужно. Опираясь на них, вы должны найти завещание. И будет справедливым, если основная часть наследства достанется тому, кто больше всех интересовался историей семьи и жизнью Аделаиды Аркадьевны.

— Но когда нам заниматься всей этой ерундой? — поморщился Аркадий. — Нет… я протестую! Это незаконно, честное слово!

— Думаю, что сейчас как раз у всех есть на это время. И данное занятие поможет нам отвлечься от тяжелых мыслей. Аделаида даже тут проявила

заботу, чтобы вы не утопали в горе!

Решив, что рассказал все необходимое, адвокат не стал стесняться и перешел к столу с закусками, принявшись изучать Нюрины угощения.

— А кто-нибудь умеет организовывать похороны? — растерянно спросил брат Андрея.

— Сейчас для этого есть специальные люди, наймем, — отмахнулась Юля. — А Белле вон и готовиться не надо, она всегда одета как на поминки!

Изабелла покраснела.

— Оставь ее в покое, — возмутилась Оля. — Хоть сейчас придержи свой змеиный язык. Хотя бы из уважения к Аделаиде Аркадьевне!

Ольга поняла, что может не сдержаться и между ними с Юлей вспыхнет скандал, поэтому поспешно повернулась к жениху и сказала:

— Проводи меня, пожалуйста, в нашу комнату. Мне нужно переодеться.

Оля действительно чувствовала, что выглядит неуместно в своем ярко-алом платье. У нее, как у творческой личности, была сильная тяга к броским вещам.

— Я провожу! — вызвалась расторопная Нюра. — А вещи уже наверх подняли. Вы не беспокойтесь, я тут не одна. Аделаида Аркадьевна

наняла еще помощников. Говорит… говорила, что нам без мужской силы не обойтись.

— Хорошо, — кивнула Ольга.

Она заметила, как Андрей стыдливо уплетает бутерброд, и решила его не отвлекать. В конце концов, он целый день провел за рулем. И при всем уважении к покойной, но они-то все живы. И такую естественную вещь, как голод, никто не отменял.

Нюра повела гостью наверх. На второй этаж нужно было подниматься по деревянной винтовой лестнице с резными перилами. На стенах вдоль нее висели разные картины — портреты и пейзажи. Оля засмотрелась на них и чуть не споткнулась.

— Ой! — воскликнула девушка, хватаясь за перила.

— Осторожно! — испугалась Нюра.

Ольга остановилась напротив портрета какой-то красивой дамы с тонкими аристократическими чертами лица, одетой в роскошное зеленое платье с глубоким декольте и открытыми плечами, которые прикрывала полупрозрачная шаль с вышивкой в виде цветочных узоров и листьев клевера. Шею незнакомки украшало массивное жемчужное ожерелье.

— Засмотрелась на красоту вашу. — Оля кивнула на портрет. — А кто это?

— Аделаида Аркадьевна считала, что это одна из ее предков, — улыбнулась Нюра.

— Ну да, князья-аристократы. Похоже, за принца замуж выхожу, — хмыкнула Оля.

Расторопная помощница привела ее в уютную спальню с отдельными ванной и гардеробной. Вещи девушки уже были здесь. В комнате царил приятный полумрак, горела лишь одна прикроватная лампа.

— Вот. Располагайтесь, чувствуйте себя как дома, — улыбнулась Нюра. — И спускайтесь что-нибудь перекусить! А то голодные небось весь день.

Ольга поблагодарила девушку и, когда за той захлопнулась дверь, принялась доставать из сумок свои вещи. Она подошла к шкафу, распахнула дверцу, чтобы повесить платье, а затем… закричала от ужаса.

Крик девушки был слышен даже на первом этаже. Андрей бросил очередной надкусанный бутерброд и помчался спасать невесту. Следом за ним побежали Аркадий и Юля. Последняя скорее из любопытства. Она бы только обрадовалась, если бы с ненавистной актрисулькой что-нибудь

случилось.

Оля выбежала им навстречу в коридор. Она была бледна как полотно, ее колотило от нервов.

— Олечка, что случилось? — Подбежавший Андрей прижал невесту к себе.

— Там… там кто-то есть! В шкафу сидит! — всхлипывая, пожаловалась Ольга. — Я открыла, а оттуда два красных фонаря светят!

— Может, это призрак бабушки? — прошептала присоединившаяся к остальным Белла.

— Кажется, я знаю, что это, — улыбнулась Нюра и смело шагнула в спальню.

Гости предпочли на всякий случай дождаться ее в коридоре.

— Точно! Это Пончик! — крикнула из комнаты девушка.

— Какой еще пончик? — недоуменно переспросила Оля.

Нюра вернулась в коридор, а на руках у нее был огромный чисто черный кот с большими желтыми глазами.

— Он любит в шкафах сидеть, не пугайтесь, — с улыбкой продолжила помощница Аделаиды Аркадьевны. — Можете его погладить, он ласковый и добродушный.

Ольга машинально взяла на руки довольно

мурчащего Пончика. На его шею был надет ярко-зеленый ошейник с серебристым кулоном в виде клевера.

— Какой у него интересный медальон. Трилистник, — заметила девушка. — Пончик, ты что, из Ирландии?

— Почему из Ирландии? Это наш, русский кот, — сразу же вставила свои пять копеек Юля. — А трехлистный клевер — это, вообще-то, еще и символ удачи. Вот не зря говорят, что актеры не слишком умные. — Она презрительно фыркнула.

— Да, бабушка была удачливая. Ей везло. И в бизнесе, и с деловыми партнерами, — стал поддакивать Аркадий.

— Ну если ты такая умная, то должна знать, что для удачи нужно найти четырехлистный клевер! — нашлась Ольга. — Хотя сейчас некоторые носят и трилистник. Может, и Пончик тоже. — Она почесала кота за ухом.

— Ой, девочки, нашли из-за чего спорить, — поморщился Аркадий. — Пойдемте лучше обратно в зал. Нюра, а у тебя нет чего-нибудь покрепче кофе?

— Найдем, — улыбнулась помощница.

— А я вот считаю, что нам нужно будет обязательно ознакомиться с результатами вскры-

тия, — громко заявила Юлия, которой, кажется, очень хотелось устроить скандал.

Все, включая Пончика, с удивлением взглянули на нее.

— Ты это о чем? — нахмурился Андрей. — Я не позволю. Бабушка была верующим человеком, она бы не хотела, чтобы ее тело потрошили.

— Да? А откуда мы знаем, отчего она умерла? — ничуть не смутилась Юля. — У Аделаиды всегда было отменное здоровье. И никто сам момент ее смерти не видел. Вы вот ей доверяете? — Она дерзко ткнула пальцем в Нюру. — Эта девица оставалась с Аделаидой Аркадьевной наедине и могла запросто подсыпать ей что-нибудь в чай. И все слышали, что она тоже теперь наследница!

Все явно почувствовали себя неловко, но никто не поспешил вступиться за девушку. Аркадий сделал вид, что ему пришло какое-то важное сообщение. Андрей растерянно смотрел то на Юлию, то на Нюру. А Изабелла предпочла ретироваться в свою спальню, видимо побоявшись, что и ее в чем-нибудь обвинят. Смелой оказалась только Оля.

— Тогда и тебя будем тщательно проверять, — пожала плечами она. — Ты тоже наследница — как жена Аркадия.

— А ты даже не жена, — вскипела Юля. — И все знают, что актеры — беспринципные люди, готовые на все ради успеха. Конечно, тебе пригодятся денежки на раскрутку! Кукла!

— Так, Аркаш, угомони свою супругу, — строго велел Андрей. — Не хватало еще переходить на личности.

— Да, пойдемте вниз, — смущенно заметил Аркадий.

Он взял разгоряченную жену под локоть и стал что-то ей тихо говорить, чтобы успокоить. А Нюра, которую, кажется, совсем не обидел выпад Юлии, дружелюбно подмигнула Ольге, словно почувствовав, что они с ней на одной волне.

Оля направилась вниз последней. У нее на руках сидел Пончик, которому понравилось такое внимание. Девушка могла бы поспорить с Юлией и жестко поставить ее на место, но ей не хотелось устраивать разборки в такой момент. На лестнице Ольга немного задержалась, снова разглядывая портрет аристократки в зеленом бархате.

Нюра принесла в гостиную коньяк и вино, что крайне воодушевило Олега Петровича и Аркадия. Старший брат пытался разузнать у адвоката некоторые юридические моменты. Юлия пре-

зрительно кривилась, критикуя закуски. А Оля решила отпустить Пончика побегать и уселась рядом с Андреем, который выглядел растерянным и подавленным.

— Не волнуйся, мы справимся. Я тебе во всем помогу, — тихо произнесла она, взяв жениха за руку.

Андрей хотел что-то ответить, но в этот момент в зал вернулась Белла и всеобщее внимание сразу устремилось к ней. На девушке теперь было ярко-алое платье-комбинация, выгодно подчеркивающее ее грациозную фигурку. Юля от увиденного едва не поперхнулась, а Аркадий уставился на родственницу с неподдельным восхищением, что еще больше взбесило его жену.

— А чего вы хотели? Балетная выправка, годы танцев, — с усмешкой заявила Изабелла.

— Что ж ты раньше изображала из себя серую мышь, а теперь вырядилась? — презрительно поджала губы Юлия.

Белла вальяжно подошла к столу и взяла себе бокал вина. Она и правда была хороша. Стоило ей чуть подкраситься и приодеться, как ее красота заиграла всеми красками.

— Так это все бабуля. — Девушка досадливо поморщилась. — Вбивала мне мораль времен

царя Гороха, про скромность вечно твердила. А кому это надо в современном мире? Мужики скромными только пользуются, а любят стерв. Я бы актрисой хотела быть, как Оля, или моделью, а Аделаида Аркадьевна меня, кроме балета и консерватории, никуда не пускала! — Изабелла сделала глоток вина. — Вы не подумайте, я бы никогда в жизни бабушке вреда не причинила! Я ее любила и уважала! Но я даже немного рада, что ее не стало! Настолько она меня замучила. А теперь хоть поживу нормально на свои деньги.

— Еще одна наследница, — усмехнулась Юля.

— Я хотя бы ее кровная родственница, а ты сиди тут и не тявкай. — Белла ответила так резко, что жена Аркадия явно растерялась и переключилась на более слабого противника.

— Что делает этот мерзкий кот?! Заберите его! — воскликнула она.

Оля присмотрелась и поняла, что Пончик нашел на полу какой-то шарик и теперь активно гоняет его туда-сюда. Девушка наклонилась и тихонько забрала у кота блестящий белый предмет.

— Интересно, что это? — произнесла Ольга. — Ты где это взял, малыш?

Вместо кота свои предположения высказал

адвокат.

— Не удивлюсь, если это настоящая жемчужина, — хмыкнул он. — Аделаида любила всякие дорогие вещички. И иногда они у нее валялись словно безделушки.

— Олег Петрович, а ведь бизнес, наверное, придется продать, — неожиданно заявил Аркадий.

— Ты это о чем? — возмутился Андрей. — Бабушка посвятила своему делу всю жизнь! Да она на том свете с ума сойдет, если узнает, что ее рестораны достались чужим людям!

— А тебе охота всем этим заниматься? — скептически заметил брат. — Мне не очень. Бизнес — это вечные хлопоты и проблемы. А ты что, откажешься от своего кино ради них?

— Да, откажусь, — побледнев, ответил Олин жених. — Семейное дело важнее. А кино можно и в старости снимать.

— Ишь, приверженец традиций! Смотри, твоя Оля тебя бросит без кино, — язвительно ответил Аркадий.

— И в мыслях не было, — обиделась девушка. — Не судите всех по своей супруге, Аркадий Павлович. Я Андрея поддержу в любых начинаниях.

Она крепко сжала руку жениха. Начинающий-

ся скандал предотвратила Нюра, явившись в гостиную с очередной бутылкой в руках.

— Я вам принесла настоящий ирландский виски! — сообщила она. — У Аделаиды Аркадьевны огромные запасы дорогого алкоголя для всяких особых случаев. Кажется, сегодня один из них… — Помощница шмыгнула носом.

— Ого! Неплохо! — одобрил Олег Петрович.

— Неужели Аделаида Аркадьевна пила такое крепкое пойло? Ирландский виски! — поморщилась вечно недовольная Юля.

— Вообще-то, такой виски покупают редко и только для коллекции, — вступилась за покойницу Ольга. — Тем более Аделаида Аркадьевна рассказывала, что ее предки родом из Ирландии.

— Да ну? — вскинула брови Юлия.

— Да, есть такая семейная байка, — усмехнулся Аркадий, успевший уже изрядно захмелеть. — Что наша прапрапрародственница была богатой ирландской дворянкой, которая сбежала в Россию, влюбившись в русского офицера.

— Бабушка Андрея любила рассказывать эту историю, — с теплотой улыбнулась Оля. — Наверное, поэтому у нее в доме так много ирландских мотивов. Даже у Пончика трилистник на ошейнике.

Девушка погладила кота, тершегося о ее ноги, а затем принялась задумчиво вертеть в руках найденную на полу жемчужину: она ей что-то очень напоминала…

— Да бред это все, бабкины сказки, — презрительно засмеялась Юля. — Мы все можем сказать, что наши предки были королями, доказать ведь это невозможно! Не обижайся, Аркаш, но думаю, ты такой же дворянин, как и все мы. А вскрытие нужно обязательно делать! — после небольшой паузы продолжила она. — Вон еще одна вертихвостка нашлась! Сразу всю скромность потеряла. Если кто-то из здесь присутствующих причастен к смерти Аделаиды, это нельзя оставлять просто так. И из завещания таких людей стоит вычеркнуть…

Услышав про завещание, Ольга резко встала со своего места, словно пораженная какой-то идеей.

— Ты куда? — удивился Андрей.

— Сейчас вернусь. Мысль одна пришла в голову… — задумчиво ответила Оля.

Она поспешила на лестницу. Пончик последовал за ней. Ему, похоже, приглянулась симпатичная добрая девушка — он был бы не против видеть ее в качестве новой хозяйки.

Ольга решительно остановилась напротив портрета красивой аристократки в зеленом, а затем подняла руку и надавила на самую середину полотна, где было изображено жемчужное ожерелье. Догадки Оли оказались верны! Картина была дверцей, прикрывавшей люк в стене, и после нажатия она легко отодвинулась в сторону. Девушка протянула рука и взяла лежавшее внутри…

— Я нашла завещание! — громко заявила Ольга, возвращаясь в гостиную.

В руках у нее были бумаги.

— Как? Где?! — пораженно воскликнул Андрей.

— Она точно в сговоре! — тут же выпалила Юлия. — Ее надо тщательно проверить на причастность!

— Это обычная интуиция, — поморщилась Оля. — Жаль, что твой хваленый тонкий ум в этот раз тебя подвел. А я просто сопоставила все знаки! Аделаида Аркадьевна обожала рассказывать ту семейную легенду про ирландскую принцессу. В доме у нее запасы ирландского виски, много вещей зеленого цвета, и даже у Пончика на шее ожерелье из трилистника! А еще мне показалось странным, что на полу просто так валяются

жемчужины. Не стала бы бережливая и строгая Аделаида так беспечно их разбрасывать. Поэтому, когда я увидела на лестнице портрет аристократки в зеленом платье с шалью, расшитой узором из трилистников, и огромными жемчужными бусами на шее, я поняла, что это неспроста. Да и где прятать завещание? Не в холодильнике же! А там скрытый шкаф в стене. Ну и вот. — Девушка пожала плечами.

— Браво! — Олег Петрович встал с дивана и зааплодировал. — Вам стоит подумать о том, чтобы стать частным детективом. Ну или играть подобные роли в кино. Приятно видеть сочетание красоты и логики, снимаю шляпу. — Он отвесил шуточный поклон.

Ольга смущенно улыбнулась.

— Только, по моему мнению, — девушка замялась, — я все-таки Аделаиде Аркадьевне не родной человек, поэтому нечестно будет мне забирать эти пятьдесят процентов. Оставшуюся долю нужно также поделить на всех. Потому что Андрей и Аркадий — любимые внуки и Изабелла тоже родня. Нечестно их обделять…

— Спасибо! — радостно воскликнула Белла. — Оля, я тебя обожаю! Мы будем вместе делать карьеру в кино! — Она бросилась обнимать де-

вушку.

— Что?! Вы ей верите? — Юля тоже вскочила на ноги. — Да врет она все! Она знала, где лежит завещание! У них с этой Нюрой явный сговор! Они друг другу помогали!

— Ничего я не знала. А помогал мне только Пончик, когда нашел жемчужину! — обиделась Ольга.

— Не ври! Знала!

— Не знала! — раздался чей-то громкий и зычный голос.

Аркадий от неожиданности выронил бокал, и красное вино пролилось прямо на персидский ковер. Юлия побледнела как смерть — еще чуть-чуть, и она могла бы упасть в обморок. Оля тоже пораженно замерла. Одни лишь Нюра и Олег Петрович, кажется, ничему не удивились. А в гостиную вошла… Аделаида Аркадьевна. Собственной персоной.

— Бабушка! Ты жива?! — Андрей вскочил с места и бросился обнимать пожилую женщину в бархатном вечернем платье с аккуратной укладкой на седых волосах. — Но… что все это значит? Как это понять?!

— Успокойся, внучок! — Аделаида с нежностью потрепала молодого человека по волосам. — И

прости, что бабуля заставила тебя понервничать. Ну а куда деваться?

Олег Петрович невольно рассмеялся. Хозяйка дома вальяжно уселась в кресло, которое ей любезно пододвинула Нюра.

— Я уже дама в годах, поэтому меня стало беспокоить, кому я смогу передать свое дело, — начала она. — И я поняла, что в глаза все мои любимые наследнички станут мне улыбаться и петь дифирамбы, а истинное их лицо я смогу увидеть только после своей смерти. Вот и пришлось придумать этот розыгрыш! Спасибо, что Нюрочка и Олег согласились мне помочь.

— Ну знаете ли, — покачал головой Аркадий. — А мы тут все чуть с ума не сошли.

— Я заметила, дорогой, — усмехнулась женщина. — Прости, Аркаша, но тебе я семейный бизнес не доверю. Да и жена твоя у меня приятных эмоций не вызывает.

Юлия покраснела как рак.

— А вот Андрюша показал себя достойно. Я вижу, что он сможет продолжить мое дело. Подучу его немного, и будет достойный руководитель. А еще я требую, чтобы вы сыграли свадьбу с Олечкой. Такую достойную девочку днем с огнем сейчас не сыщешь! И красивая, и умная, и

порядочная!

Оля смущенно улыбнулась.

— Я считаю ее самой подходящей для тебя женой.

— А я и не спорю, — улыбнулся Андрей, подходя к невесте и обнимая ее за плечи.

— А ты, Беллочка…

Изабелла испуганно втянула голову в плечи, вся уверенность с нее быстро спала.

— Раз хочешь быть актрисой — будь. Но только под наблюдением Оли! Она тебе будет помогать освоиться. Я ей доверяю.

— Правда? — Белла буквально просияла и бросилась обнимать Аделаиду.

— Вот подлиза! — по-доброму усмехнулась женщина. — Ну что ж, а теперь можем и спокойно праздновать Рождество! Как все-таки приятно, что все вы приехали и собрались в нашем доме. Нюрочка, что там насчет моего любимого пудинга?

— Один момент! — бойко отрапортовала девушка.

— Нюра, может, там еще какую бутылочку захватишь? Из коллекционного, — встрял Олег Петрович. — А что? Праздник ведь!

Аделаида Аркадьевна великодушно кивнула, и

помощница умчалась выполнять поручение.

— А еще я поняла, кому могу доверить свое самое главное сокровище! — громко заявила бабушка.

Все заинтересованно переглянулись.

— Оля, я дарю тебе Пончика! Он сам тебя выбрал, так же как и Андрюша, и лучшей партии им просто не найти! — Аделаида зычно рассмеялась. — С Рождеством!

— Мяу! — важно заметил кот, принявшись тереться о ноги растерянно улыбающейся Ольги.